

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

16+

2022. Том 41, № 1

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2022. Том 41, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченко А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)

Асташова Н.А., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия) отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ермаков С.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания Харьковской государственной академии дизайна и искусств (г. Харьков, Украина)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цицилинского университета, профессор (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)

Пстыга А., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка и переводоведения Гданьского университета (г. Гданьск, Польша)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

ISSN 2712-7451 (online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Iprast. Уч.-изд. л. 18,3. Дата выхода 30.03.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 5 **Карпенко И.И., Сидорова О.С.**
Кроссмедийная редакция в регионе: работа с журналистским материалом
(на примере АНО ИД «Мир Белогорья»). Часть 2
- 19 **Орлова Т.Д.**
Теоретико-методологические проблемы критики театральных произведений в СМИ
- 27 **Смеюха В.В., Армаш В.В.**
Современное медиапространство в оценке преподавателей направлений подготовки «Журналистика»,
«Реклама и связи с общественностью»
- 38 **Чекунова М.А.**
Образ России в разноязычных разделах «Википедии»: феномен интернет-энциклопедии
со свободным контентом в условиях глобального информационного конфликта

ПЕДАГОГИКА

- 49 **Асанова З.Р., Чалбаш Э.Р.**
Образовательный путь в профессиональном становлении: от мечты к достижению цели
- 60 **Ахметов С.И.**
Использование цифровых образовательных ресурсов для развития самостоятельности у подростков
- 67 **Белявцева И.В., Кукшинова Е.Н.**
Профориентированный видеofilm как средство формирования
иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в железнодорожном вузе
- 76 **Карпов В.В.**
Анализ результатов опытно-экспериментальной работы по подготовке бакалавров техносферной безопасности

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 86 **Афонина О.И.**
Особенности когнитивно-лингвистического анализа речей американских политиков на примере речи Д. Трампа
- 95 **Байдашева Э.М.**
Семиотика цвета в медицинской терминологии
- 104 **Верховых Л.Н.**
Лингвокраеведческая методология в исследованиях А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева
и ее отражение в лингвокраеведческой работе начала XXI века
- 114 **Волошина Т.Г., Радович М.А.**
Лингвокультурологические аспекты в ходе контактного взаимодействия
- 125 **Кушнир К.И.**
Ромашка, василек и одуванчик как фитонимические репрезентанты образа малой родины в лирике В.А. Солоухина
- 134 **Малахова В.Л.**
Специфика дискурса в перспективе лингвистических исследований
- 143 **Старостина Ю.С., Чекулай И.В., Прохорова О.Н.**
Англоязычный драматургический диалог как стилизованная коммуникация:
лингвоаксиологический аспект
- 156 **Трофимова Н.А.**
Репрезентация невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе
Дэна Билефски и Эллен Барри (на материале газеты «The New York Times»)
- 166 **Шевченко Е.М., Кучмистый В.А., Цыбуля Н.С.**
Мифолексемы английского языка в диахроническом аспекте

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2022. Volume 41, No. 1

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЦ).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Prohorova, O.N., Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Irkhin, V.N., Professor of Department of Pedagogy, Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philology, Professor of National University "BelSU" (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, doctor of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Head of the Department of Art Education of the Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Professor, doctor of Philology, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University (Saint Petersburg, Russia), head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics

Ermakov, S.S., Professor of the Department of Physical Education of Kharkov State Academy of Design and Arts, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Kharkov, Ukraine)

Giro, X., Ph. D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Isaev, I.F., Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., professor of The University of Münster, doctor of philosophy (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Pstyga, A., Professor, doctor of Philology, head of the Department of Russian language and translation studies at the University of Gdansk (Gdansk, Poland)

Rieu, J., Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis, Professor, Doctor of Philology (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Head of the Department of Russian Language of Shumen University. named after bishop Konstantin Preslavsky, Doctor of Philology, Professor (Shumen, Bulgaria)

ISSN 2712-7451 (online)

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. Page layout by P.V. Goleusov. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 18,3. Date of publishing 30.03.2022. The layout was pre-pared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 5 **Karpenko I.I., Sidorova O.S.**
Crossmedia Editorial in the Region: Work with Journalistic Material (on the Example of "Mir Belogoria"). Part 2
- 19 **Orlova T.D.**
Theoretical and Methodological Problems Critics of Theatrical Works in the Media
- 27 **Smeyukha V.V., Armash V.V.**
Modern Media Space in the Assessment of Teachers of the Areas of Training "Journalism", "Advertising and Public Relations"
- 38 **Chekunova M.A.**
The Image of Russia in the Multilingual Sections of Wikipedia: The Phenomenon of an Internet Encyclopedia in the Context of a Global Information Conflict

PEDAGOGICS

- 49 **Asanova Z.R., Chalbash E.R.**
Educational Path in Professional Development: from a Dream to Achieving a Goal
- 60 **Akhmetov S.I.**
Using Digital Educational Resources to Develop Self-reliance in Adolescents
- 67 **Belyavtseva I.V., Kukshinova E.N.**
Profession-oriented Video Film as a Means of Formation of Foreign Language Professional Communicative Competency in a Higher Education Institution of Railway Transport
- 76 **Karpov V.V.**
Analysis of the Results of Experimental Work on the Preparation of Bachelors of Technosphere Safety

LINGUISTICS

- 86 **Afonina O.I.**
Features of the Cognitive-Linguistic Analysis of the Speeches of American Politicians on the Example of D. Trump's Speech
- 95 **Baydasheva E.M.**
Semiotics of Color in Medical Terminology
- 104 **Verkhovyykh L.N.**
Linguistic Local History Methodology in Research of A.N. Gvozdev and V.I. Chernyshev and Its Reflection in the Linguistic Local History Work of the Early 21st Century
- 114 **Voloshina T.G., Radovich M.A.**
Language and Cultural Aspects in the Process of Contact Interaction
- 125 **Kushnir K.I.**
Chamomile, Cornflower and Dandelion as Phytonymic Representations of the Image of a Small Homeland in the Lyrics of V.A. Soloukhin
- 134 **Malakhova V.L.**
Discourse Specificity in Perspective of Linguistic Research
- 143 **Starostina J.S., Chekulai I.V., Prokhorova O.N.**
English Drama Dialogue as Stylized Communication: Linguoaxiological Aspect
- 156 **Trofimova N.A.**
Representation of a non-verbal communication code in the publicistic discourse of Dan Bilefsky and Ellen Barry (based on "The New York Times")
- 166 **Shevchenko E.M., Kuchmistyy V.A., Tsybulya N.S.**
English Mytholexemes in a Diachronic Aspect

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 070

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-5-18

Кроссмедийная редакция в регионе: работа с журналистским материалом (на примере АНО ИД «Мир Белогорья»). Часть 2

Карпенко И.И., Сидорова О.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: karpenkoirina@bsu.edu.ru

Аннотация. В практике кроссмедийной редакции один из самых важных процессов – работа с журналистским материалом. Практика трансляции контента на различные устройства обуславливает необходимость в адаптации текстовой и визуальной составляющей журналистского материала под условия среды распространения. Цель данного исследования состоит в описании и обобщении практического опыта работы с журналистским материалом в кроссмедийном СМИ наиболее успешной редакции Белгородского региона – АНО «Издательский дом «Мир Белогорья». Изучение удачных региональных кроссмедийных практик даст возможность для дальнейшего прикладного применения аккумулированного опыта в работе других региональных медиа. Во второй части нашего исследования, посвященной кроссмедийной практике работы с журналистским материалов, представлен разбор наиболее ярких кроссмедийных кейсов холдинга.

Ключевые слова: кроссмедиа, кроссмедиа редакция, кроссмедийная журналистика, издательский дом, интернет-СМИ, региональная журналистика, медиахолдинг, Мир Белогорья

Для цитирования: Карпенко И.И., Сидорова О.С., 2022. Кроссмедийная редакция в регионе: работа с журналистским материалом (на примере АНО ИД «Мир Белогорья»). Часть 2. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 5–18. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-5-18

Crossmedia Editorial in the Region: Work with Journalistic Material (on the Example of "Mir Belogoria"). Part 2

Irina I. Karpenko, Olga S. Sidorova

Belgorod National Research University
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: karpenkoirina@bsu.edu.ru

Abstract. In the practice of cross-media editing, one of the most important processes is working with journalistic material. The practice of broadcasting content to various devices necessitates the adaptation of the textual and visual component of journalistic material to the conditions of the distribution environment. Heading complexes, content of materials, text structure, visual accompaniment are subject to changes. Only the very idea of a journalistic work remains unchanged. Often, when it comes to a cross-media vector from print to electronic media, the form of implementation can change completely: from a classic journalistic article, the material turns into a multimedia poster or infographic article with the

possibility of interactive interaction. The purpose of this study is to describe and summarize the practical experience of working with journalistic material in the cross-media media of the most successful editorial office of the Belgorod region – ANO "Publishing House" World of Belogorya ". The study of successful regional cross-media practices will provide an opportunity for further application of the accumulated experience in the work of other regional media. The second part of our study, dedicated to the cross-media practice of working with journalistic materials, presents an analysis of the most striking cross-media cases of the holding.

Keywords: crossmedia, crossmedia editorial, crossmedia journalism, publishing house, online media, regional journalism, media holding, World of Belogorye

For citation: Karpenko I.I., Sidorova O.S. 2022. Crossmedia Editorial in the Region: Work with Journalistic Material (on the Example of "Mir Belogoria"). Part 2. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 5–18 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-5-18

Введение

Понятие «кроссмедийность» происходит от английского слова crossmediality, которое состоит из двух корней: cross – «пересечение» и media – «медиа» или «средство массовой информации». Этот новый журналистский термин подразумевает использование в одной структуре как минимум двух различных типов медиа и в соответствии с этим – создание контента для различных платформ, существующих в рамках одного издательства или медиахолдинга. То есть один и тот же контент по-разному упаковывают и распространяют по различным каналам коммуникации, принадлежащим одной медийной корпорации.

Говоря о кроссмедийности при работе с контентом СМИ, стоит обратиться к классификации уровней кроссмедиа, которые выделяет Гэри Хейс [Hayes, 2006]:

1) Crossmedia 1.0 – Pushed (в переводе с английского означает «выдвигать», «толкать»). В этом случае один и тот же контент или с небольшими изменениями в различных форматах размещается, если говорить буквально, «вытаскивается» на нескольких используемых медиаплатформах;

2) Crossmedia 2.0 – Extras (в переводе с английского означает «дополнительный», «дополнительные услуги», «дополнительное оборудование»). На данном уровне журналисты создают контент одновременно с основным и размещают на платформах, которые отличаются от основных и не зависят от них редакционно;

3) Crossmedia 3.0 – Bridges (в переводе с английского означает «мосты»). На третьем уровне кроссмедиа журналист, автор материала, целенаправленно структурирует историю для различных медиаплатформ, чтобы усилить воздействие публикации на аудиторию. Контент, который был размещён на одной из платформ, является своеобразным «мостиком», переходом, который заставляет потенциального читателя перейти на другую медиаплатформу и продолжить взаимодействие с материалом;

4) Crossmedia 4.0 – Experiences (в переводе с английского означает «опыт»). На последнем уровне предусмотрено нелинейное распределение контента между несколькими платформами, а также создание условий некой игры, в которой участник живёт и выбирает свой особый путь развития истории. На этом этапе объединены элементы сразу трёх первых уровней кроссмедиа, однако он отличается от остальных большей динамичностью, так как автор подобного проекта должен быть в истории вместе со своей аудиторией и играть с ней на её условиях.

Последний тип кроссмедийности по Гэри Хейзу можно уже с уверенностью назвать трансмедийностью в практике работы СМИ.

В российской теории журналистики к проблеме кроссмедийности обращаются довольно редко. Один из немногих исследователей, неоднократно обращающийся к этой теме, – В.В. Волкова. Автор солидарно с другими исследователями проводит четкие параллели

между кроссмедийными традициями современных медиа и конвергентными процессами в практике СМИ. Автор убежден, что «в формировании медиатекста и его представлении аудитории используются все доступные инструменты и форматы, палитра которых развивается в результате использования разнообразных кодов, свойственных ранее только определенным СМИ или заимствуемых у других медиа – в социальных сетях, плакатистике, рекламе, театре, книге и кино» [Volkova, 2017, с. 29].

Чаще в российской медиапрактике можно встретить обращение к проблеме кроссмедийности среди практиков журналистики. Это обусловлено опять-таки новизной явления, а также большей погруженностью медиапрактиков в вопросы межплатформенного взаимодействия СМИ. В статье «Мультимедиа, кроссмедиа, трансмедиа. Что все это значит?» Кевин Малони находит примеры кроссмедийного на этапе его зарождения в практике информационных агентств: «...новостные агентства, как The Associated Press, Reuters и другие, раздают свои истории разным газетам по всему миру, журналам, радио и телеканалам. Но в каждой такой истории – одинаковый набор фактов, скомпонованных более-менее одинаково. В это распределение включаются тексты, изображения и видео – и все они рассказывают ту же самую историю тем же самым способом» [Малони, ГТТГ]. Автор достаточно лаконично формулирует специфику кроссмедийности: «в кроссмедиа (для распространения информации. – И.К., О.С.) используют несколько медиаканалов <...> каждый канал используется, чтобы достигнуть широкой аудитории» [Малони, ГТТГ].

К кроссмедийности обращается в своих работах еще один практик журналистики, медиатьютер и специалист по трансформации редакций Оксана Силантьева. В статье «Кроссмедийное планирование, или Выращивание истории на нескольких медиаплатформах» исследователь рассматривает вопрос алгоритмизации планирования кроссмедийного распространения журналистской информации в редакции с мультиплатформенным принципом работы: «Кроссмедийное планирование заставляет нас думать по-другому. У нас есть история, тема. Она затрагивает интересы нескольких сегментов нашей целевой аудитории. Часть этой ЦА читает газету, часть "обитает" на сайте, часть подписана на группу ВК. Исходя из аудитории и технологических возможностей медиаплатформы, мы планируем, как будем представлять тему» [Силантьева, 2018]. Автор предлагает макеты-планнинги для работы в кроссмедийной редакции и, с опорой на исследование Пола Бредшоу, описывает логику кроссмедийной работы над новостной историей.

Вскользь проблемы кроссмедийности касается медиаэксперт А. Мирошниченко, называя кроссмедийность новой идеологией: «Новая идеология стала вызревать с появлением термина кросс-медиа. В этой идеологии контент мыслится как самостоятельная сущность, как история, достойная быть сообщенной аудитории, а носители, форматы и платформы воспринимаются как подчиненные сущности. В более современном изводе идеология кросс-медиа описывается как редакционная экосистема, которая позволяет редакции не отдавать контент в разные каналы, а, наоборот, собирать читателей под бренд СМИ» [Мирошниченко, 2018].

Такая недостаточная изученность вопроса обусловлена как новизной изучаемого феномена, так и достаточной его сложностью. Еще более проблемной областью выступает анализ кроссмедийных практик в региональной журналистике. Во второй части нашего исследования vs делаем акцент на принципах работы с журналистским материалом с позиции кроссмедийного взаимодействия в практике работы регионального холдинга ИД «Мир Белогорья».

Объект и методы исследования

Объект исследования – практика работы с журналистским материалом в издательском доме «Мир Белогорья». В работе делается упор на особенности функционирования

кроссмедийной редакции и принципы управления коллективом, лежащие в основе успешного конвергентного медиа.

Настоящее исследование проводилось с использованием метода включенного наблюдения с опорой на проведенные авторами статьи экспертные интервью ведущих сотрудников АНО ИД «Мир Белогорья»: бывшего генерального директора холдинга Олега Шевцова, который стоял у истоков создания организации и руководил ею с 2013 года по март 2021 года, и нынешнего главного редактора сетевого издания «БелПресса» Ирины Хорошевой.

Результаты и обсуждение

Любой журналистский материал, в котором поднимается какая-либо важная и актуальная проблема, часто проходит большой кроссмедийный путь в издательском доме «Мир Белогорья». Часто бывает так, что какая-то тема настолько интересна и важна для аудитории, что в связи с этим в сетевом издании «БелПресса» может появиться соответствующая новость, в газете «Белгородские известия» может выйти опрос среди белгородцев на эту тему или подробный аналитический материал с опросом экспертов или даже с прогнозом развития события, а, например, в газете «Белгородская правда» – историческая хроника. Наиболее простым примером могут выступать публикации, посвященные Дню Победы. Так, в 2021 году в газете «Белгородская правда» появился исторический текст с региональным аспектом о том, как валуйчане подарили Красной армии именную танк Т-34 [Гончаренко, 2021б, с. 10]; в «Белгородских известиях» был опубликован опрос среди молодых белгородцев, рассуждающих о том, интересны ли для современной молодежи такие форматы как классные часы, уроки литературы на тему войны и походы в исторические музеи и как это помогает нынешнему поколению осознать трагичность войны [Солошенко, 2021, с. 4]; детский журнал «Большая переменка» к 9 мая выпустил текст «Товарищ Алёшкин – любимец полка» о самом юном солдате Великой Отечественной войны шестилетнем Сергее Алёшкине, судьбой которого заинтересовался белгородский писатель Василий Журахов [Товарищ Алёшкин..., 2021, с. 12], а на сайте журнала была опубликована подборка фильмов о войне с возрастными ограничениями 6+ и 12+, которые можно посмотреть вместе с детьми [10 фильмов ..., 2021]. Сетевое издание «БелПресса» в свою очередь 9 мая 2021 года выпустило ряд новостей, посвященных этому событию, среди которых заметка о параде Победы в Белгороде [Гончаренко, 2021а] и заметка о выставках и фотозонах, которые проводились 9 мая возле диорамы «Курская битва. Белгородское направление» [Белых, 2021]. Таким образом, разные аспекты одной и той же темы, одного и того же события или памятного дня можно по-разному осветить в разных типах СМИ, входящих в издательский холдинг, в зависимости от аудитории и форматов издания.

В издательском доме «Мир Белогорья» нет строгих критериев отбора текстов из печатных СМИ на сайт редакции «БелПресса» и наоборот. В каждом индивидуальном случае редактор издания решает, какие тексты будут публиковаться в том или ином СМИ и как их нужно будет адаптировать под формат сайта или газеты соответственно.

При отборе текстов редактор исходит из двух простых принципов: во-первых, – условия учредителей, так как данные параметры прописаны в медиаплане холдинга и обусловлены формой организации медиа; во-вторых, опора на потребности и интересы целевой аудитории СМИ. В этом контексте разумеется, что контент журнала «Большая переменка» для детей не попадет на страницы сайта «БелПресса», так как не будет интересен целевой аудитории этого издания, а журналистские материалы сельской тематики, которой интересуется большая часть читателей «Белгородских известий», не будет интересна читателям журнала «Спортивная смена». Тем не менее «БелПресса» часто становится «донором» журналистских текстов и идей для редакторских целей печатной периодики холдинга, так как является отделом оперативной новостной информации компании. Одна-

ко это не значит, что газеты и журналы просто публикуют копии с сайта холдинга. Редактор СМИ, которое заинтересовано в развитии темы, дает техническое задание журналисту написать материал в их издание с учетом его аудиторной специфики и технических вводных. Причем речь идет о двух вариантах развития темы – кроссмедийном, то есть публикация известной темы в формате иного издания, либо трансмедийном – развитие известной темы в новом ракурсе или с новыми подробностями. Эти стратегии можно представить следующей ситуацией: редактор спортивного («Спортивная смена») или молодежного («ОнОнас») журнала отмечает заметку, написанную журналистом «Белпрессы» о том, что в Белгороде состоится фестиваль чая или о том, что в Белгород привезли трофей наши паралимпийцы по пулевой стрельбе. Редактор спортивного журнала может дать этому автору задание написать материал о паралимпийцах – подробный, на 5 тысяч знаков, с комментариями и включением элементов интервью, а редактор молодежного журнала просит материал в формате карточек или интервью на 2,5 тысячи знаков про чай.

Существует, однако, и практика обратного кроссмедийного взаимодействия внутри холдинга, то есть републикация материалов из печатных СМИ на сайт «БелПресса». Количество отбираемых текстов на сайт практически ничем не регулируется. Если в газете объем публикуемых материалов зависит от визуального шаблона издания и ограниченности полос, например, нельзя будет поставить в «Белгородских известиях» больше контента, чем на восемь полос, то в интернет-СМИ этот фактор отсутствует. Из-за ограниченности площади в печатном издании редакция практикует создание гипертекстовых связей по типу: «Больше материалов по теме смотрите на сайте». Подобные пометки появляются на газетных и журнальных полосах в тех случаях, когда редактор ограничен площадью издания, а неопубликованный журналистский материал представляет определенную социальную значимость.

Однако не все тексты из печатных СМИ попадают на сайт холдинга: отбираются только самые интересные тексты с нетривиальной темой, нестандартным журналистским решением, увлекательным предметом отображения – все они размещаются в специальном разделе сайта – разделе «Периодика». Требование для размещения текстов из печатных СМИ на главной странице сайта – яркое визуальное сопровождение, креативная структура текста – факторы, которые отвечают требованиям «доскрола», то есть прочитывания или просмотра интернет-материала от начала до конца. Также стоит отметить тот факт, что подобные материалы попадают на сайт не сразу, а только через неделю после выхода печатного издания, из которого они берутся для публикации на сайт холдинга, в продажу. Это делается для того, чтобы не «обесценить» печатное СМИ, которое распространяется за плату в отличие от контента сайта.

Стоит заметить, что материалы из печатных изданий не копируются в точности на сайт. При отборе текстов в «БелПрессу» публикации изменяются под формат сетевого издания: изменениям подвергаются заголовки, подзаголовки, сокращаются или удаляются некоторые фрагменты текста, меняются местами фрагменты материала. Особое место уделяется визуальному оформлению материала: в текст может добавиться больше фотографий. Все это делается для того, чтобы материал не выглядел сплошным набором текста, который никто с экрана монитора не будет читать. После редакторской правки и размещения на сайте, материал размещается в пабликах социальных сетей «БелПрессы». К слову, если текст в газете большой, но интересный, его могут уменьшить или заверстать как спецпроект, иногда прибегая к использованию конструктора сайтов Tilda. Сделаем акцент на том факте, что функция редактора сетевого издания в описанной ситуации не сводится только к слепому копированию материала из печатного СМИ на сайт. Редактор трансформирует имеющийся текст под формат интернет-среды, под специфику потребления в онлайн. Журналистски материал может измениться при этом до неузнаваемости, сохранится только идея.

Стандартный газетный текст на сайте может быть «упакован» в различные жанры или форматы, иногда даже в интерактивные. В период с 2013 по 2018 год на «БелПрессе» выходило очень много материалов, сделанных при помощи интерактивных сервисов – ThingLink, StoryMap, интерактивные карты и пр., однако в настоящий момент таких текстов становится меньше. Это происходит по ряду причин. Во-первых, это фактор движения кадров. Одна из острых проблем региональной журналистики, которая свойственна сегодня абсолютно всем типам СМИ – отток журналистских кадров в федеральные СМИ. Стоит особо отметить, что покидают таким образом региональные редакции по большей части профессиональные, набравшиеся опыта талантливые журналисты. Во-вторых, на снижение интерактивных материалов на сайте «БелПрессы» влияет фактор технологический. Не секрет, что самой популярной в России поисковой системой является Яндекс. Сервис, который предлагает Яндекс для региональных СМИ, – таргетированный новостной дайджест Яндекс.Новости. Для того, чтобы попасть в ленту региональных новостей, средство массовой информации должно соблюсти целый ряд условий компании, предоставляющей этот сервис: информация должна быть доступной, носить новостной характер, иметь качественный заголовок, сайт должен постоянно обновляться, новостное сообщение должно отвечать требованиям обязательного набора данных (заголовок, время и дата, URL, полный текст) и быть «упаковано» в международный формат синдикации веб-контента – RSS [Партнерская программа].

Таким образом, если выпадает какой-либо аспект из списка обязательных условий, новостной материал просто не индексируется в дайджесте и СМИ пропадает из ленты, проигрывая конкурентам. К примеру, из материала, в который включен опрос, сверстаный на сервисе PlayBuzz, Яндекс индексирует только заголовок и, возможно, лид, остальные части сервис просто не «видит». Эта проблема решается только программным путем, однако издательский дом, который при всей видимости успешного СМИ создает интерактивные материалы на бесплатных сервисах Интернета, не может позволить себе держать в штате или на регулярном аутсорсе программистов, которые бы могли эту проблему решить. Поэтому редакции проще отказаться от подобных интерактивных материалов. Таким образом мы выходим на третий фактор – экономический. Используя для верстки интерактивных мультимедийных материалов бесплатные или условно бесплатные аккаунты на различных сервисах Интернета, «Мир Белогорья» встал перед проблемой потери контента. Это происходит по причине перманентного изменения политики отдельных компаний по представлению бесплатного функционала своих сервисов. Так, к примеру, после перехода сервиса ThingLink в полностью платный режим работы «сбились» точки на плакатах, созданных ранее на этом сервисе журналистами «БелПрессы». Совокупность этих трех факторов повлекла за собой резкое снижение мультимедийных интерактивных материалов на сайте холдинга. Резко уменьшилось даже количество материалов в формате инфографики, которая была одной из визитных карточек «БелПрессы».

Динамика последних 6 лет такова: 2016 – 11, 2017 – 25, 2018 – 23, 2019 – 8, 2020 – 21, 2021 – 3. В 2022 году пока нет ни одного материала, не появилась даже традиционная инфографика, посвященная Крещенским купаниям, которая неизменно многие годы появлялась в преддверии этого христианского праздника. Единственными пока еще «выживающими» интерактивными форматами в издании остаются опросы и интерактивные карты.

Рассмотрим приемы адаптации материалов из печатных СМИ на сайте «БелПрессы». Приведем несколько примеров, которые по-разному завёрстаны для печати и для сайта. Для начала рассмотрим, как выглядит текст-инструкция «Как победить в армрестлинге» с показательными схематичными иллюстрациями в журнале «Спортивная смена» [Солошенко, 2020а, с. 28–29] и на сайте «БелПресса» [Солошенко, 2020б] (рис.1).

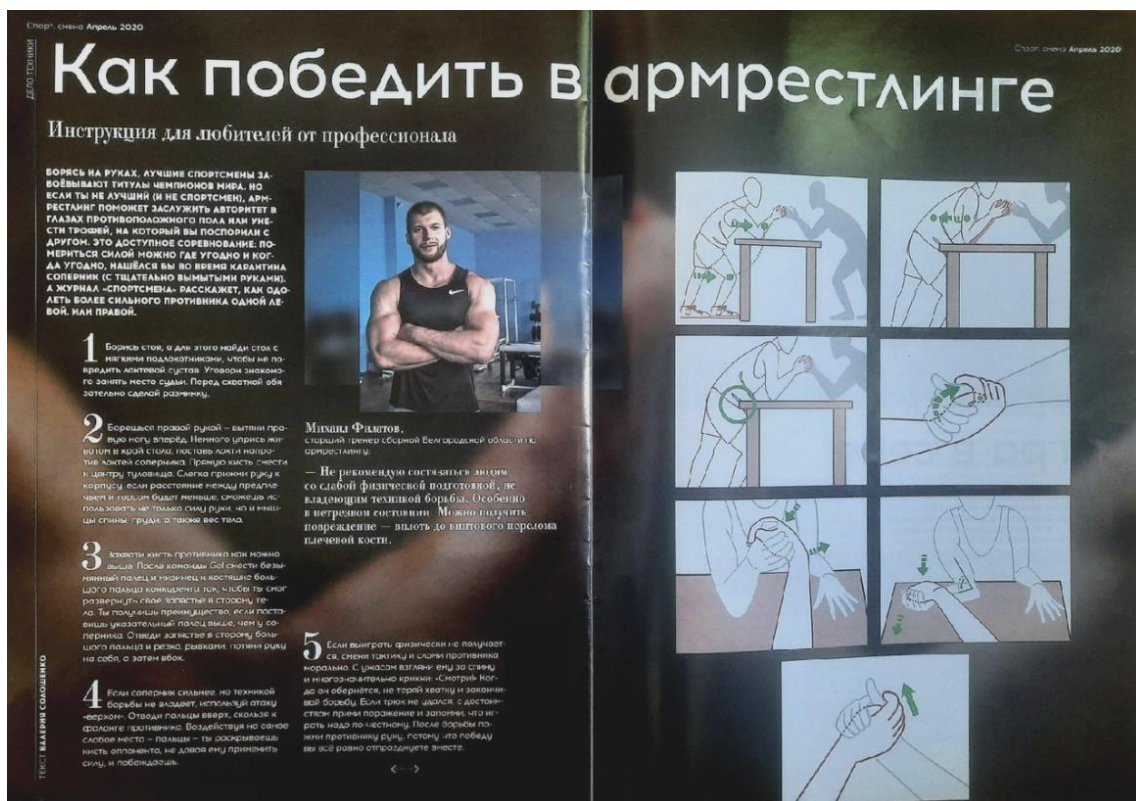

Рис. 1. «Как победить в армрестлинге» (Солошенко В. «Спортивная смена»)

Fig. 1. “How to win in arm wrestling” (Soloshenko V. “Sports change”)

Мы видим, что несмотря на то, что это один и тот же текст, в его адаптации на сайте отличаются не только заголовок и вёрстка, но и иллюстрации: в материал включено пять схем-рекомендации по ведению борьбы. В первом случае (см. рис. 1) в связи с выбранным тёмным оформлением в иллюстрациях были использованы более светлые цвета – белый, серый и светло-коричневый, а также зелёный, которым выделены важные детали.

Во втором случае (рис. 2) на белом фоне завёрстаны чёрно-белые иллюстрации уже с красными элементами. В обоих случаях с точки зрения медиадизайна всё сделано так, чтобы читателям в разных средах – печатной и цифровой – было комфортно просматривать данные тексты. Если в журнале есть возможность сделать тёмный фон, то на сайте это будет белый в связи с дизайном и техническими особенностями сайта. Поэтому в соответствии с этим в разных случаях текст адаптируется по-разному и согласно принятым стандартам.

Другим примером может выступать материал «Кожевенная мастерская» Ольги Алфёровой (рис. 3) в постоянной рубрике «Рабочее место» журнала «ОнОнас» [Алфёрова, 2018а]. Как правило, в этом разделе размещается статичная инфографика рабочего места представителей различных профессий. В самом журнале это инфографика, где бэкграундом выступает фотоиллюстрация мастерской с выделением отдельных ее деталей, сопровождающихся комментарием журналиста.

На сайте для размещения подобного материала (рис. 4) использовался сервис по созданию интерактивных плакатов ThingLink [Алфёрова, 2018б]. Бэкграундом также выступает снимок мастерской с той разницей, что на нем расставлены кликабельные элементы – точки, стимулирующие активность читателей, так как за ними размещается дополнительный поясняющий материал об отдельных инструментах, приспособлениях и специфике работы кожевенного мастера.

16 мая 2020, 14:00

Валерия Солошенко 5598

Одной левой: как победить в армрестлинге

Белгородский журнал «Спортивная смена» даёт инструкцию для любителей от профессионала

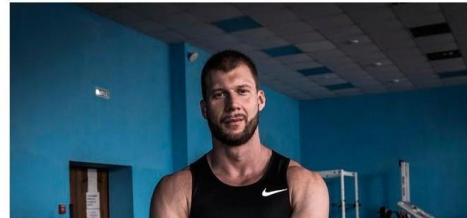

Фото: Алёна Антонова (архив)

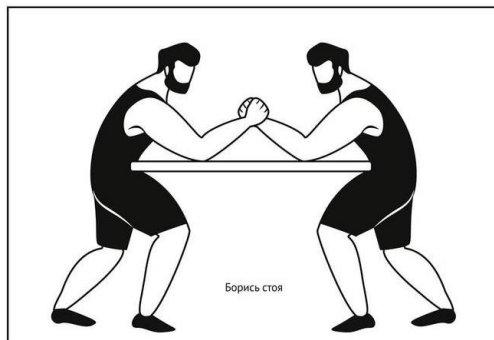
Борься на руках, лучшие спортсмены завоёвывают титулы чемпионов мира. Но если ты не лучший (и не спортсмен), армрестлинг поможет заслужить авторитет в глазах противоположного пола или унести трофей, на который вы поспорили с другом.

Старший тренер сборной Белгородской области по армрестлингу Михаил Филатов не рекомендует состязаться людям со слабой физической подготовкой, не владеющим техникой борьбы. Особенно в нетрезвом состоянии. Можно получить повреждение – вплоть до винтового перелома плечевой кости.

Вот что советует профессионал.

1. Борись стоя, а для этого найди стол с мягкими подлокотниками, чтобы не повредить локтевой сустав. Уговори знакомого занять место судьи. Перед схваткой обязательно сделай разминку.

2. Борись правой рукой – вытяни правую ногу вперёд. Немного упрись животом в край стола, поставь локти напротив локтей соперника. Правую кисть смести к центру туловища. Слегка прижми руку к корпусу: если расстояние между предплечьем и торсом будет меньше, сможешь использовать не только силу руки, но и мышцы спины, груди, а также вес тела.

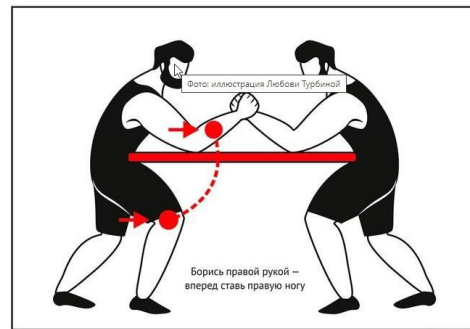

Рис. 2. «Одной левой: как победить в армрестлинге (Солошенко В. «БелПресса»)»
 Fig. 2. “With one left hand: how to win in arm wrestling” (Soloshenko V. “BelPress”)

Рис. 3. Кожевенная мастерская (Алферова О. «ОнОнас»)»
 Fig. 3. Leather Workshop (Alferova O. "OnOnas")

Рис.4. Кожевенная мастерская (Алферова О. «БелПресса»)
Fig.4. Leather Workshop (Alferova O. "BelPress")

Получается, что читатель видит вначале лишь картинку и, только нажав на интерактивные метки на иллюстрации, может прочитать то, что предлагает ему журналист. Это довольно удобный формат для интернет-СМИ, однако, как мы уже отмечали, из-за смены финансовой политики сервиса в настоящий момент от таких материалов в редакции стараются отказываться.

Подобные трансформации в формате представления одной и той же темы в печатном и электронном СМИ в холдинге «Мир Белогорья» – общее место. Однако достаточно сложно предугадать, где и в каком формате та или иная публикация привлечет большее внимание аудитории. По мнению руководства холдинга, одним из таких выигрышных журналистских текстов, форм представления информации и удачным примером прохождения текстом большого кроссмедийного пути является «Сердечная достаточность. К годовщине землетрясения в Спитаке», опубликованный на «БелПрессе» [Бондарева и др., 2013–2022]. В этом тексте акцент сделан на воспоминаниях белгородцев, которые участвовали в разборе завалов, и на информации из газет 1988–1989 годов. Текст абсолютно по-разному выглядит на «БелПрессе» и в «Белгородских известиях» [Бондарева и др., 2016], но при этом оба варианта хорошо адаптированы под форматы изданий. «Сердечная достаточность» – это спецпроект – работа группы журналистов, которые готовили публикацию, снабжали её иллюстративным материалом, общались со многими ньюсмейкерами, которые вспоминали это землетрясение.

Этот контент форматировался под «БелПрессу» с помощью одних форматов, а в «Белгородских известиях» – других. В печатной версии (рис. 5) этот текст оформлен как одна полоса, состоящая из нескольких различных текстов на тему землетрясения, которые подготовили разные авторы.

На сайте «БелПрессы» (рис. 6) материал представлен как один небольшой спецпроект, сверстанный отдельно в сервисе Tilda с текстом и фотографиями. И, наконец, материал об истории Белгородской области в формате Facebook, который стал одним из самых узнаваемых проектов холдинга «Мир Белогорья» – «Откуда пошла Белгородская земля» (рис. 7) [Стопичев, 2016].

Землетрясение: кино и жизнь

Юрий Кравцов, участник ликвидации последствий катастрофы в Армении и Белгороде. В фильме «Сердечная достаточность» он сыграл роль Сергея.

На кинотеатры страны вышел российский-армянский фильм «Землетрясение», посвященный событиям, произошедшим на земле советской эпохи. 7 декабря 1988 года в 30 секундном поздравительном фильме участвовали сразу несколько армянских городов. Несмотря на то, что фильм был снят в Армении, он не был показан в кинотеатрах СССР. Судя по первым отзывам, картина получила благоприятные отзывы и признание критиков, и рабочих зрителей. Они отмечают, что режиссер и съемочная группа не стали снимать документальный фильм-хроникару и документальный фильм, зато показали, как люди со всего Советского Союза откликнулись на армянскую трагедию. В день премьеры БелПресса отправилась на съемочную площадку в Армению и участвовала в съемках с несколькими участниками событий почти тридцатилетней давности – с теми, кто был в Армении в те трагические дни.

Сергей Аракян, участник ликвидации последствий катастрофы в Армении и Белгороде. В фильме «Сердечная достаточность» он сыграл роль Сергея.

Фильм «Землетрясение» посвящен событиям, произошедшим в Армении и Белгороде 7 декабря 1988 года. В фильме участвовали участники ликвидации последствий катастрофы в Армении и Белгороде. В фильме «Сердечная достаточность» он сыграл роль Сергея.

Фильм «Землетрясение» посвящен событиям, произошедшим в Армении и Белгороде 7 декабря 1988 года. В фильме участвовали участники ликвидации последствий катастрофы в Армении и Белгороде.

Фильм «Землетрясение» посвящен событиям, произошедшим в Армении и Белгороде 7 декабря 1988 года. В фильме участвовали участники ликвидации последствий катастрофы в Армении и Белгороде.

Российско-армянский фильм «Землетрясение»

Фильм «Землетрясение» посвящен событиям, произошедшим в Армении и Белгороде 7 декабря 1988 года. В фильме участвовали участники ликвидации последствий катастрофы в Армении и Белгороде.

Сердечная достаточность История Всеспасителя

Как белгородцы помогали Армении

Почему в Армении помнят Николая Рыжкова

7 декабря 1988 года в Армении произошло землетрясение. В фильме «Сердечная достаточность» он сыграл роль Николая Рыжкова.

Николай Рыжков, участник ликвидации последствий катастрофы в Армении и Белгороде. В фильме «Сердечная достаточность» он сыграл роль Николая Рыжкова.

Николай Рыжков, участник ликвидации последствий катастрофы в Армении и Белгороде. В фильме «Сердечная достаточность» он сыграл роль Николая Рыжкова.

Рис. 5. «Землетрясение: кино и жизнь» («Белгородские известия») Fig. 5. "Earthquake: Cinema and Life" ("Belgorod News")

СЕРДЕЧНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ. К ГОДОВЩИНЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В СПИТАКЕ

Воспоминания белгородцев, участвовавших в разборе завалов, и выдержки из газет 1988–1989 годов

Рис. 6. Лонгрид «Сердечная достаточность» («БелПресса») Fig. 6. Longread "Heart sufficiency" ("BelPress")

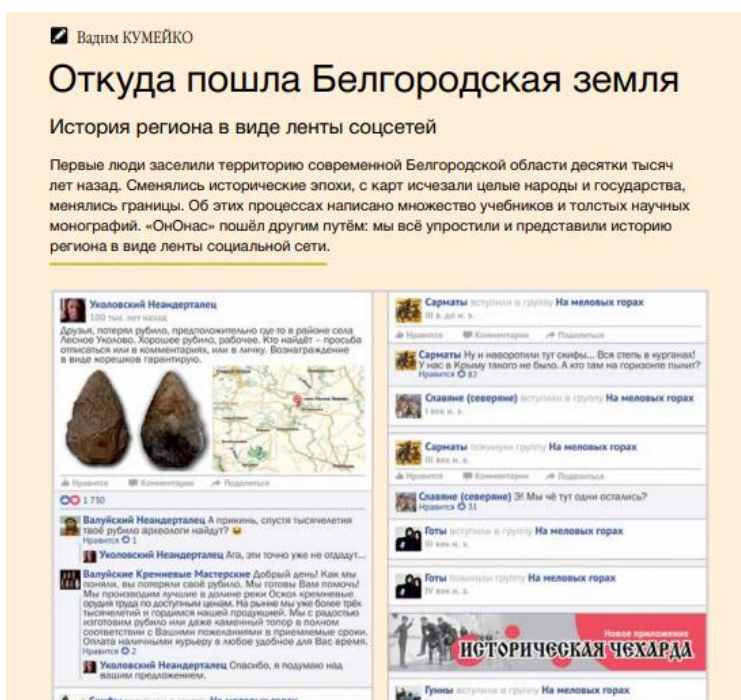
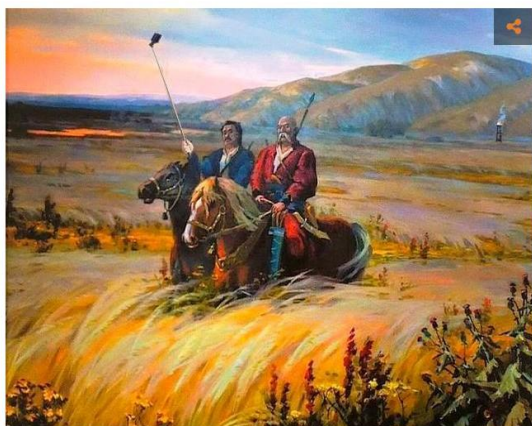

Рис. 7. «Откуда пошла Белгородская земля» («ОнОнас»)
Fig. 7. “Where did the Belgorod land come from” (“OnOnas”)

Этот текст также имел кроссмедийную практику распространения, будучи опубликованным на сайте «БелПрессы» под заголовком «Царский лайк, История Белгородской области в виде ленты “Фейсбука”» (рис. 8) [Царский лайк..., 2017] месяц спустя поле выхода в печать в журнале «ОнОнас».

03 января 2017, 10:52

Царский лайк. История Белгородской области в виде ленты «Фейсбука»

10602

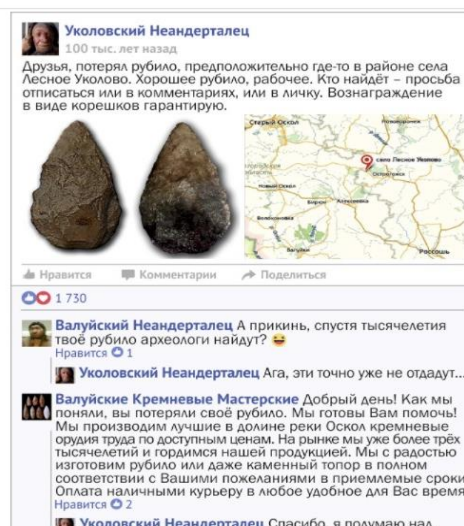

Рис. 8. «Царский лайк. История Белгородской области в виде ленты “Фейсбука”» («Белпресса»)
Рис. 8. “Royal like. The history of the Belgorod region in the form of a Facebook feed” (“Belpress”)

Материал имел большой отклик как со стороны аудитории печатных СМИ, так и со стороны интернет-аудитории. Однако руководство издательского дома относит этот пример к неудачным. Полагаем, что в этом есть своя логика: этот пример, относящийся к практике конвергенции жанров и форм репрезентации журналистского контента, демонстрирует технологическую избыточность. В рамках идеи конвергенции жанров и форм

происходит слияние журналистских жанров представления контента и форм его «упаковки», не свойственных журналистике как таковой.

«К подобным формам, используемым сегодня журналистской практикой, можно отнести следующие:

– наиболее часто используемые: статья-инфографика, пост в соцсетях, открытка, комикс, некролог и др.;

– редко используемые: полицейский протокол, ода, любовное письмо, коммерческий договор, медицинский рецепт, басня, инструкция по технике безопасности, сонет и др.» [Карпенко, 2021, с. 111].

Однако выигрышно подобные конвергентные материалы смотрятся в случае именно нестандартного подхода в поиске формы «упаковки», то есть пост из соцсети, размещенный в печатном СМИ, или статья-инфографика, заменяющая в печатном издании традиционную журналистскую текстовую форму, и т.д. Если же речь идет об адаптации одного формата интернет-коммуникации под другой формат того же информационно-коммуникационного пространства, то в этом случае мы можем говорить как раз о технологической избыточности журналистского произведения. В случае с приведенным материалом имеет место как раз этот факт: происходит адаптация формы поста в социальной сети под формат информационного сайта. Тем не менее, когда этот материал был размещен в соцсетях «БелПрессы», то есть фактически попал в свою среду, стал смотреться органично и оригинально.

Заключение

Таким образом, кроссмедийная редакция – это большой медиахолдинг, в составе которого функционируют по принципу взаимного обмена как минимум два разных типа СМИ. Работники такой редакции делают контент, сразу как для печатных изданий, радио или телевидения, так и для интернет-платформы, входящих в один медиахолдинг. При этом у каждого издания есть отдельный редактор и человек, проводник СМИ, который отвечает за выход контента на всех площадках организации.

Работа с текстом в кроссмедийной редакции – один из основных аспектов работы подобного типа медиаобъединения. Какая-либо тема или готовый текст проходят в издательском доме «Мир Белогорья» большой путь. В случае если тема, разрабатываемая журналистом, может быть интересна аудитории разных изданий, редакторы принимают решение о republicации материала, предварительно адаптировав его под свое издание. Текст может разительно измениться, уменьшиться или увеличиться, его могут необычно заверстать при помощи конструкторов сайтов или различных интерактивных сервисов. За весь период работы редакция периодически сталкивалась с тем, что не все печатные тексты возможно адаптировать под сайт и наоборот. В этих случаях кроссмедийная практика позволяет видоизменить журналистский текст до неузнаваемости, используя интерактивные сервисы визуализации данных.

Кроссмедийная редакция издательский дом «Мир Белогорья» показала себя как успешная модель функционирования региональных СМИ и с экономической точки зрения, и с точки зрения производства качественного и интересного контента. Эта редакция старается не отставать от трендов медиасферы и осваивает по необходимости новые инструменты работы, даже несмотря на профессиональные и экономические проблемы в своей деятельности.

Авторы выражают благодарность сотрудникам АНО «Издательский дом «Мир Белогорья» и лично Олегу Леонидовичу Шевцову, кандидату филологических наук, бывшему генеральному директору издательского дома, за оказанную помощь при сборе материала для публикации; от лица студентов и сотрудников факультета журналистики благодарят Олега Леонидовича за многолетнее плодотворное сотрудничество с НИУ

«БелГУ» и за совместную плодотворную работу по подготовке высокопрофессиональных журналистских кадров. Авторы также выражают признательность Ирине Юрьевне Хорошевой, главному редактору сетевого издания «БелПресса», за сотрудничество и передачу ценного профессионального опыта.

Список источников

- 10 фильмов о войне, которые можно посмотреть вместе с детьми. 2021. Большая переменка, 5 мая 2021 года. URL: <https://www.peremienka31.ru/dlya-detej/eto-interesno/4971.html> (дата обращения: 15.06.2021).
- Алфёрова О. 2018а. Кожевенная мастерская. «ОнОнас», 3 (47): 14–15.
- Алфёрова О. 2018б. Рабочее место: как устроена кожевенная мастерская. БелПресса, 29 марта 2018 года. URL: <https://www.belpressa.ru/20858.html> (дата обращения: 18.06.2021).
- Белых С. 2021. У музея-диорамы в Белгороде работают выставки и фотозоны, посвящённые Дню Победы. БелПресса, 9 мая, 2021 года. URL: <https://www.belpressa.ru/society/drugoe/37036.html> (дата обращения: 15.06.2021).
- Бондарева О., Козлова Н., Ромашов Е., Шевцов О. 2016а. Землетрясение: кино и жизнь. Белгородские известия, 3 декабря 2016 года, № 188–192 (4285–4289). URL: <https://www.belpressa.ru/media/periodika/2016/12/6/188-19203-12-2016.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).
- Бондарева О., Козлова Н., Ромашов Е., Шевцов О. 2013–2022. Сердечная достаточность. К годовщине землетрясения в Спитаке. БелПресса. URL: <https://www.belpressa.ru/society/drugoe/25504.html> (дата обращения: 19.06.2021).
- Гончаренко О. 2021а. В Белгороде прошёл парад Победы. БелПресса, 9 мая 2021 года. URL: <https://www.belpressa.ru/type/news/37035.html> (дата обращения: 15.06.2021).
- Гончаренко О. 2021б. Генерал армии Ватутин: человек и танк. Как валуйчане подарили Красной армии именной Т-34. Белгородская правда, 6 мая 2021 года, №18 (23275).
- Партнерская программа. Яндекс. Новости. 2015–2022. URL: <https://yandex.ru/support/news/info-for-mass-media.html> (дата обращения: 30.01.2022).
- Солошенко В. 2020а. Как победить в армрестлинге. Спортивная смена, 21 апреля 2020 года, № 4.
- Солошенко В. 2020б. Одной левой: как победить в армрестлинге. БелПресса, 16 мая 2020 года. URL: <https://www.belpressa.ru/sport/drugoe/31547.html> (дата обращения: 16.06.2021).
- Солошенко В. 2021. Брать чувствами. Что помогло молодым белгородцам осознать трагичность войны. Белгородские известия, 4 мая 2021 года, № 35 (5006).
- Стопичев А. 2016. Откуда пошла Белгородская земля. ОнОнас, 24 декабря 2016 года, №10 (34).
- Товарищ Алёшкин – любимец полка. Большая переменка, 8 мая 2021 года. URL: <https://www.peremienka31.ru/dlya-detej/moyo-tvorchestvo/4907.html> (дата обращения: 30.01.2022).
- Царский лайк. История Белгородской области в виде ленты Фейсбука. 2017. БелПресса, 3 января 2017 года. URL: <https://www.belpressa.ru/society/drugoe/16132.html> (дата обращения: 18.06.2021).
- Hayes G. 2006. Cross-Media. Personalizemedia. Available at: <http://www.personalizemedia.com/articles/cross-media/> (accessed: 30.01.2022).

Список литературы

- Волкова В.В. 2019. Визуальная коммуникация в условиях кроссплатформенности СМИ. Дизайн СМИ: Тренды XXI века, 4: 14–23.
- Карпенко И.И. 2021. Конвергенция жанров и форм в современной журналистике. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 3: 110–114.
- Малони К. ГТТГ. Мультимедиа, кроссмедиа, трансмедиа. Что все это значит? Пер. А. Калачиной. Silamedia. URL: <https://sila.media/trans/> (дата обращения: 30.01.2022). (Moloney K. 2014. Multimedia, Crossmedia, Transmedia... What's in a name? Transmedia Journalism. Available at: <https://transmediajournalism.org/2014/04/21/multimedia-crossmedia-transmedia-whats-in-a-name/>)
- Мирошниченко А. 2018. Мультимедиа – идеология вчерашнего дня. Журналист. URL: <https://jrnlist.ru/crossmedia> (дата обращения: 30.01.2022).

- Силантьева О. 2018. Кроссмедийное планирование, или Выращивание истории на нескольких медиаплатформах. Журналист, 10. URL: <https://jrnlst.ru/cross-media> (дата обращения: 30.01.2022).
- Volkova V.V. 2017. Cross-mediality as development factor of the media's visual language. Медиалингвистика, 4 (19): 37–41.

References

- Volkova V.V. 2019. Vizual'naya kommunikatsiya v usloviyakh krossplatformennosti SMI [Visual communication in the context of cross-platform media]. Dizayn SMI: Trendy XXI veka, 4: 14–23.
- Karpenko I.I. 2021. Convergence of genres and forms in modern journalism. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 3: 110–114.
- Maloni K. Mul'timedia, krossmedia, transmedia. Chto vse jeto znachit? [Multimedia, crossmedia, transmedia. What does all this mean?] Per. A. Kalachina. Silamedia. Available at: <https://sila.media/trans/> (accessed: 30.01.2022). (Moloney K. 2014. Multimedia, Crossmedia, Transmedia... What's in a name? Transmedia Journalism. Available at: <https://transmediajournalism.org/2014/04/21/multimedia-crossmedia-transmedia-whats-in-a-name/>)
- Miroshnichenko A. 2018. Mul'timedia – ideologija vcherashnego dnja [Multimedia - the ideology of yesterday]. Zhurnalist. Available at: <https://jrnlst.ru/crossmedia> (accessed: 30.01.2022).
- Silant'eva O. 2018. Krossmedijnoe planirovanie, ili Vyrashhivanie istorii na neskol'kih mediaplatformah [Cross-media planning, or Growing history on multiple media platforms]. Zhurnalist, 10. Available at: <https://jrnlst.ru/cross-media> (accessed: 30.01.2022).
- Volkova V.V. 2017. Cross-mediality as development factor of the media's visual language. Medialingvistika, 4 (19): 37–41.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Карпенко Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Irina I. Karpenko, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Сидорова Ольга Сергеевна, корреспондент сетевого издания Fonar.tv, ООО «МасМедиа», г. Белгород, Россия

Olga S. Sidorova, correspondent for the network publication Fonar.tv, MasMedia LLC, Belgorod, Russia

УДК 792 / 070

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-19-26

Теоретико-методологические проблемы критики театральных произведений в СМИ

Орлова Т.Д.

Институт современных знаний имени А.М. Широкова,
220114, Беларусь, г. Минск, ул. Филимонова, 69
E-mail td-orlova@rambler.ru

Аннотация. Актуальность настоящей статьи предопределена необходимостью анализа новых текстов о театральной жизни, трансформацией этой части медиадискурса под влиянием динамики медиасистемы наших дней. Цель данного исследования выявить новые задачи театральной журналистики в связи с кардинальным изменением форм современного театра эпохи постмодернизма. Сложность осмысления материала заключается в резком отличии современных текстов от классических. Изучение проблемы позволило заявить необходимость переориентации текстов о театре на принципиально новое построение с помощью определенных правил диалектики взаимодействия содержания и формы. Актуально это исследование в контексте белорусской журналистики, так как на медиарынке Беларуси театральный сегмент современной отечественной системы не изучен из-за скромного масштаба проблемы и отсутствия специалистов.

Ключевые слова: театральная реальность, тексты о театре, эксперимент с формой, медиарынок, вкусовые предпочтения зрителей

Для цитирования: Орлова Т.Д. 2022. Теоретико-методологические проблемы критики театральных произведений в СМИ. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 19–26. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-19-26

Theoretical and Methodological Problems Critics of Theatrical Works in the Media

Tatyana D. Orlova

Shirokov's Institute of Contemporary Knowledge
69 Filimonova St, Minsk 220114, Belarus
E-mail td-orlova@rambler.ru

Abstract. The relevance of this article is determined by the need to analyze new texts about theatrical art. The article examines the novelty of the real situation, the reliability and validity of texts about theatrical life, and their transformation under the influence of the modern dynamics of the media system. The purpose of this study is to identify new tasks of theatrical journalism in connection with a fundamental change in the forms of modern theater in the era of postmodernism. The complexity of understanding the material lies in the sharp difference between modern texts and classical ones. The study of the problem made it possible to declare the need to reorient texts about the theater to a fundamentally new construction using certain rules of the dialectic of the interaction of content and form. This study is relevant in the context of Belarusian journalism, since the theatrical segment of the modern domestic system in the media market of Belarus has not been studied due to the modest scale of the problem and the lack of specialists.

Keywords: theatrical reality, texts about the theatre, experiment with form, media market, audience analysis

For citation: Orlova T.D. 2022. Theoretical and Methodological Problems Critics of Theatrical Works in the Media. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41 (1): 19–26 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-19-26

Введение

Сегмент медиа, связанных с театром, очень мал в медиасистемах многих стран, в белорусской особенно. Переход от советского театра XX века к новому театральному искусству постмодерна создал необходимость рассмотреть эту проблему, используя новые факты и новые возможности.

Научная система доказательств, ключевые и концептуальные задачи не коснулись этой сферы деятельности. Сегодня с особой остротой встают проблемы контекста разных культур, национальной идентификации, осознания самобытности отечественного театра, прежде всего изучения текстов о нем [Лотман, 1980; Исаев, 1992; Цветова, 2020]. В современном комплексе знаний выделяют три уровня — исторический, теоретический, культурологический. Кое-что основательное сделано в области изучения истории. Для журналистов чаще всего важен информационный объект. Здесь, к сожалению, количественный объем публикаций затмевает качественный. Говоря проще, информативность превалирует над попытками анализа театральных явлений.

Поскольку в основе литературно-художественной критики и театральной в частности лежит анализ художественного произведения, то история предмета начинается с того момента, когда обществу этот анализ понадобился. В широком смысле первый зритель является и первым критиком спектакля. Свой отзыв (восхищение, равнодушие или осуждение) он формулирует для узкого круга посвященных, не обращаясь к социуму. Мнение это субъективно. Никем не фиксируется. Никому не адресуется.

Известно, что критику как особую профессию создала пресса и достаточно широкое распространение газет и журналов, доступных населению. Театр как один из древнейших видов искусства несколько раньше стал нуждаться в осмыслении своей деятельности, еще до изобретения печатного станка. Имея богатую практику, приобретая опыт, театр требовал внимания к своим конкретным проблемам и систематизации стихии театрального творчества [Кузнецов и др., 1978]. Мировой театр, находящийся за пределами российского государства, знает первые исторические примеры театральной критики, начиная с «Поэтики» Аристотеля и «Парадокса об актере» Дени Дидро, где сделаны теоретические обобщения достижений этого вида искусства. Чаще эти работы приписываются раннему театроведению, однако они содержат и важные для театральной критики моменты, в первую очередь касающиеся восприятия спектакля публикой.

Долгое время истории театральной критики, театроведения и эстетики были неразделимы. Они рассчитаны не на широкую публику, а на узкий круг любителей и профессионалов. Критика начала становиться голосом общества как с момента широкого увлечения театром, так и с момента укрепления массовой печати. Seriously изучать природу театра начали в эпоху Просвещения. Первой была Италия, родина газеты и страна великого театрального бума XVIII в. Не только в научных трудах, но и в пьесах (например, в пьесе Карло Гольдони «Комический театр») излагались взгляды и оценки драматургии и сценического искусства [Театральное пространство..., 1978].

Теснейшим образом взаимодействуют российская и французская театральная мысль. Российская театральная критика развивает принципы французского классицизма. Еще до возникновения своего профессионального театра Россия изучает итальянские и французские образцы. Французский театр долго сохраняет на ее территории господствующие позиции. В связи с этим следует обратить внимание на высказывание французского критика Шарля Сент-Бева о критике, как о «разностороннем, гибком, подвижном, протейистическом искусстве, которое развилось лишь за последние три столетия, и из писем ученых

мужей, где оно чувствовало себя несколько скованным, быстро перекочевало на страницы газет, беспрестанно умножая число последних, и благодаря породившему его книгопечатанию стало одним из наиболее действенных орудий современности» [Сент-Бёв, 1970].

Характерно, что театральная критика долгое время идет рядом с литературной, охотно перенимает от нее все лучшее. Можно утверждать, что и сегодня показательные образцы театральной критики содержат уникальные образы, словосочетания и доказательную базу литературной критики.

Таким образом, объектом является исследование истории и теории такого вида литературно-художественной критики, как театральная журналистика, которая находится на стыке театроведения и журналистики. Научное осмысление этапов становления, формирования и развития разных школ методологического анализа, разных подходов и методов данного вида литературно-художественной критики пока незначительно и ждет своих исследователей.

Современные тенденции театральной критики

Судьбы театрального искусства и общества всегда переплетены. «Счастье и беда театра, что спектакль нельзя положить на полку, в письменный стол или спрятать в далекие запасники, в крайнем случае его можно запретить. Театр всегда здесь – и теперь, и в годы застоя, и в годы перестройки. Кризис театра всегда отражал духовное осуждение общества, равно как и его взлет есть самое верное свидетельство нравственного здоровья народа» [Дадамян, 2010]. Трудно вспомнить время, когда в обществе ощущалась острота вопросов театра. Только в тех случаях, когда начинались яркие театральные эксперименты, шли поиски новых тем и форм. Прежде всего начиналась озабоченность критиков, которые являлись современниками нового прорыва в театральном искусстве, свидетелями художественных открытий и откровений. Талант всегда непредсказуем и надо успеть это увидеть и запечатлеть. Важно поставить точный диагноз, найти правильные убедительные слова и спрогнозировать будущий успех или неуспех.

Публичность критики реализуется в том, что критика живет в средствах массовой информации. В этом смысле она журналистика, которая сохраняет критерии ценности медиатекста. Она злободневна, актуальна, общедоступна. Сегодня этот вид деятельности активно функционирует на информационных площадках интернета. Учеными-исследователями доказано, что такая театральная журналистика существует на границе искусства и массмедиа. Стало коммерчески выгодно для СМИ информационно сопровождать театральный продукт в глобальном информпространстве. Первые шаги в освоении этой проблемы сделали ученые факультета журналистики Белорусского государственного университета в научных сборниках и учебно-методических пособиях [Бондарова, 1999; Сучасныя тэндэнцыі..., 2002; Виды литературно-художественной..., 2005; Орлова, 2005]. Совершенно логично первыми были исследования журналистских текстов, обладающих специфическими качественными признаками, которые универсальны и самобытны одновременно. Это виды текста наделены широкими уникальными возможностями – многоаспектностью.

В журналистике, которая является видом творческой деятельности, закономерно нет шаблонов общения с аудиторией, хотя это важно для театральной критики. «Все рекомендации – это только ориентиры в поиске стимулов, побуждающих аудиторию высказывать свои суждения, а редакционные коллективы искать обратную связь» [Самсонова, 2019]. Среди стратегий сотрудничества аудитории с прессой можно упомянуть «экспертизу (что думаете о нас), диалог (что думаете о предложенной теме) и соавторству (вместе создаем текст)» [Жорконосенко и др., 2000]. Обладая многокачественными возможностями, именно тексты о театре, музыке, кино при всей сложности должны иметь такие основные признаки, как объективность, форма подачи материала, актуальность, релевантность запроса аудитории полученному сообщению». Любой текст – это живой организм,

которому свойственны индивидуальные особенности и отклонения от нормы. Сегодня становится особенно важным отражение фактов, ожидаемых аудиторией.

Переходя к разговору о качестве театральной журналистики, напомним, что она обращена и к творцу, и к зрителю. Творцу требуется аргументированный профессиональный разговор. Зрителю – популярный, интригующий. Если зрителя рецензия приглашает в театр или отталкивает, то специалисту требуется мнение специалиста. Люди театра поверят только тем, у кого есть авторитет.

Однако сегодня в театральной журналистике появилось много людей случайных, авторов развязных. Мы убеждены, что только статья, основанная на авторском понимании театра и любви к нему, может быть полезна аудитории. В таком материале не найти заученных похвал, слишком высоких требований, обусловленных незнанием темы. В нём нет места категоричности, но допустим субъективизм, умный, тонкий, временами ироничный комментарий автора.

Популярной особенно среди молодых критиков эссеистике очевидно недостаёт профессионализма. Крайне сложно сегодня найти текст пьесы, которая стала основой спектакля, поэтому в рассуждениях авторов не хватает понимания о преемственности литературного и зрелищного, а также об особенностях интерпретации произведения конкретным театральным коллективом.

В современных печатных СМИ и в интернете все виды материалов о театре можно разделить на три группы:

- сиюминутный отклик на театральное событие;
- философские раздумья по поводу нового спектакля;
- эмоциональный публицистический разговор со зрителями.

Адрес критики рассчитан на создателей спектакля и их потребителей-зрителей.

Современный театр стал красив и технологически совершенен. Критика не пишет: «оформить спектакль». Сценография превратилась в самостоятельное и яркое искусство. Режиссеры экспериментируют, как им заблагорассудится. Могут пьесу классика переписать. Захотят – заполнят сцену мотоциклами байкеров или сыграют в драматическом театре спектакль без слов. Эксперимент – двигатель нового. Некоторые зрители начинают мечтать о возвращении традиционного театра с занавесом, пылью бархата, фанерными декорациями и страстными актерскими монологами. Возвращаться назад? Только вперед к торжеству истинных эстетических ценностей.

В начале своей истории театральная критика лишь оценивала, хорошо или плохо, позже писали об изобразительных средствах, затем стали задумываться об образе, который раскрывает актер. Сегодня всё больше говорят о концепции спектакля. Критик рассматривает спектакль в зависимости от собственных художественных вкусов и может оказаться очень субъективным, особенно в тех распространенных случаях, когда материалы о спектакле носят характер рекламы. Профессионалу для установления более-менее объективной истины нужно привлекать рецензии, опубликованные в разных изданиях и с разными оценками. Немаловажны кино-, видео- и фотоматериалы о спектакле, мемуары, письма, устные рассказы и интервью.

В обыденном понимании слово «критика» приобрело негативную коннотацию. Никому не нравится, когда указывают на его просчёты, негативные стороны, сомневаются в правдивости его слов и актуальности выводов. Критика произведения литературы и искусства имеет другую цель: не только выявление недостатков, но и поиск положительных сторон. Критика беспристрастна, основана на знании и эрудиции автора.

Критика не является сугубо информационным освещением фактов искусства. Критический анализ лишь выявляет, отстаивает все перспективное и выставляет общий балл. Искусство критика обусловлено не только его литературным дарованием, но и точностью профессиональных знаний предмета.

Следует констатировать, что все споры практиков и теоретиков чаще всего идут в основном вокруг формы. На гребне этих дискуссий определилось новое культурное пространство, которое поначалу ютилось в андеграунде и было связано с отрицанием общепринятого. «Этот культурный феномен потребовал новой системы отсчета, других критериев оценки, так как каждый автор и каждое произведение, попав в иной контекст или иное силовое поле, могли получить искаженное толкование» [Ионеско, 1992].

Новые формы опирались в том числе на новую культурную ситуацию и смену поколения. Долгое время театральная критика упоминала систему Станиславского как эталон, и не предполагала появление того, что не укладывается в уже известное. Система служила мерой хвалы или хулы классического советского театроведения. Театральная критика как его передовой отряд была более свободна от сложившихся эстетических привычек. Иногда, к сожалению, свободна по причине своей недостаточной образованности. Все слышали о системе Станиславского, но мало кто мог объяснить, что это такое.

Театральная критика была настроена на критику как общественную проповедь. Реалистическая критика продолжала дух демократизма, утвердившийся в начале XX в., и исповедовала публицистический подход к анализу произведений искусства. Одним из эстетических критериев XX в., символизирующим поступательное движение искусства, явилась новизна формы. Демонстративно заявляя, что в искусстве все уже создано, постмодерн лишь утверждает этот принцип. Именно на основе авангардистского понимания развития искусства как непрерывной цепи новшеств строится модель культуры, все составные части которой теперь лишь материал для иронической и одновременно трагической игры художника.

Французский режиссёр, драматург и теоретик Антонен Арто (Artaud A.), пожалуй, впервые отошел от концепции психологического театра Станиславского и обратился к метафизике, заговорил о необходимости вернуть театру его изначальную сценическую природу. Мысли об автономии театрального языка и о будущем метафизическом театре Арто изложил в двух манифестах, опубликованных во Франции в 30-х годах и впервые ставших известными нашей театральной общественности по фрагментам в журнале «Театр» в 1990 г. (Artaud A. *La Mise en scène et la métaphysique*) [Арто, 1990]. В 1993 г. книга А. Арто «Театр и его Двойник» (Artaud A. *Le Théâtre et son double*) [Арто, 1993] вышла в Санкт-Петербурге и Москве, но поступила на белорусский книжный рынок лишь в начале XXI века. О магическом взаимодействии на зрителя, не отраженном в написанном тексте, не выраженном в словах, а извлеченным из жеста, звука, пластики и их взаимных связях, в том числе со словом, теоретики и практики отечественного театра узнали и заговорили достаточно поздно.

Вслед за Арто об утрате основополагающих систем отсчета и необходимости переоценки старого театрального опыта заговорили Питер Брук, Ежи Гротовский (Grotowski J.), Эуженио Барба. Они выдвинули новую идею театроведческого знания [Гротовский, 1990; Барба, Саварезе, 2010]. Но театральная критика не развивала этих идей, а только иногда в лучших своих образцах только упоминала новые концепции.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что для театрального искусства очень важен эксперимент как ключ к новой сценической реальности. Театры сегодня нуждаются как никогда раньше в помощи средств массовой информации для анализа высокого искусства, а не только массовой культуры.

Критика всегда являлась универсальным ключом, открывающим доступ к смыслу событий в театре. Сегодня они кардинально изменили свою деятельность, уйдя от повествовательности и описательности в более жесткую, прагматичную, номинативную манеру подачи текста. Исследовательские рефлексии критиков по своему формату находятся не

в привычных аналитических жанрах, а существуют в эссе, колонке, короткой статье, мини-рецензии. Если это новый жанр, то в науке он пока не исследован, хотя некоторые называют его метажанром.

Небольшой размер публикаций требует сжатости изложения. Необходима точная событийная приуроченность, а для привлечения внимания – средства эмоциональной выразительности. Коммерциализация театрального продукта заставляет некоторых авторов подстраиваться под разговорный стиль либо клишировать выражение мыслей.

Искусство критика зависит от чёткого понимания методологических и эстетических принципов, точного профессионального знания предмета. Безапелляционность и максимализм в соединении с бойким и легким пером для неискушённого читателя создают иллюзию взыскательности, а на самом деле нередко обусловлены недостатком эрудиции, логики и нравственной позиции. Театральный критик, который маскирует недостаток знаний витиеватым стилем письма, едва ли станет необходимым человеком для режиссера, актера, лакмусовой бумажкой творчества.

С популярностью электронных СМИ и обилием информации связан тот факт, что даже негативный публичный отзыв на спектакль может побудить зрителя купить билет. Следовательно, способствовать жизни театрального коллектива, поддерживать театральные эксперименты, увеличивать число качественной продукции и работать на главную цель – обогащение духовной жизни общества.

Список источников

- Барба Э., Саварезе Н. 2010. Словарь театральной антропологии. Тайное искусство исполнителя. М., Артист. Режиссер. Театр, 320 с.
- Виды литературно-художественной критики. Опыт историко-теоретического обзора. 2005. Сборник научных статей. Под ред. Л.П. Саенковой. Минск, Изд-во БГУ, 138 с.
- Театральное пространство во Флоренции XV-XVII веков. Зрелища и музыка во Флоренции эпохи Медичи: Брунеллески, Вазари, Буонталенти, Париджи. Документы и реконструкции. 1978. М., Сов. Художник, 20 с.
- Цветова Н.С. 2020. Арт-медиадискурс. В кн.: Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник. Под ред. Л.Р. Дускаевой. М., Флинта: 188-192.
- Сучасныя тэндэнцыі літаратурна-мастацкай крытыкі, тэорыя, практычны вопыт. 2002. Зборнік артыкулаў. Пад рэд. В.П. Вараб'ёва. Мінск, БДУ, 114 с.

Список литературы

- Алексеев А.А., Дмитриевский В.Н. 1980. Театр, спектакль, зритель: опыт социологического исследования «внеатражных» и «атражных» факторов формирования зрительской аудитории. В кн.: Театр и художественная культура: социологическое исследование атражной жизни. Сборник научных статей. М., ВТО: 55–197.
- Арто А. 1990. Режиссура и метафизика. Пер. с фр. Театр, 8: 181–186. (Artaud A. 1932. La Mise en scène et la métaphysique. La Nouvelle Revue française, 221: 219–234.)
- Арто А. 1993. Театр и его двойник. Театр Серафима. Пер. с фр. С.А. Исаева. М., Мартис, 191 с. (Artaud A. 1938. Le Théâtre et son double. France, Gallimard, 160 p.)
- Бондарова Е.Л. 1999. Мастацтва і крытыка: дыялогі, артыкулы, творчыя партрэты, рэцэнзіі. Минск, БДУ, 91 с.
- Гротовский Е. 1990. Театр и ритуал. Перев. с польск. Н. З. Башинджагян. В кн.: Теория и практика мастерства актера. Межвузовский сборник научных трудов. Под ред. Д.Г. Ливнева. М., ГИТИС. (Grotowski J. 1968. Le Théâtre d'aujourd'hui à la recherche du rite. France-Pologne, 28–29.)
- Дадамян Г.Г. 2010. Новый поворот, или Культура моего поколения. Санкт-Петербург, Балтийские сезоны, 302 с.
- Ионеско Э. 1992. Как всегда об авангарде. В кн.: Ионеско Э. Как всегда – об авангарде. Антология французского атражного авангарда. Пер. с франц. С.А. Исаева. М., ТПФ «Союзтеатр», издательство «Гитис», М: 10-11. (Ionesco E. 1966. Toujours sur l'avant-garde. In: Notes et contre-notes. P.: 93–99)

- Исаев С.А. 1992. Театр в структуре мета-театра. Театр, 1: 101–103.
- Кузнецов Б. и др. 1978. Время и пространство в театральном искусстве. Театр, 7: 64–97.
- Лотман Ю.М. 1980. Семиотика театра. Театр, 1: 89–99.
- Мисонжников Б.Я. 2001. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). СПб., СПбГУ, 490 с.
- Орлова Т.Д. 2005. Теория и методика журналистского творчества. Минск, Современные знания, 120 с.
- Корконосенко С.Г. Виноградова С.М., Лазутина Г.В., Лозовский Б.Н., Мисонжников Б.Я., Кройчик Л.Е., Михайлов С.А., Орлова Т.Д. 2000. Основы творческой деятельности журналиста. Под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., Знание СПБИНВЭСЭП, 272 с.
- Самсонова А.А. 2019. Дискурсивная специфика современной театральной критики. В кн.: Дискурсология и медиакритика современных средств массовой информации. Сборник трудов международной научно-практической конференции, г. Белгород, 2–4 октября 2019 года. Под ред. А.В. Полонского, С.В. Ушаковой, С.М. Нарожней. Белгород, ПОЛИТЕРРА: 96–101.
- Сент-Бёв Ш. 1970. Литературные портреты. Критические очерки. М., Государственное издательство художественной литературы, 585 с.

Referencics

- Alekseev A.A., Dmitrievskiy V.N. 1980. Teatr, spektakl', zritel': opyt sotsiologicheskogo issledovaniya «vneteatral'nykh» i «teatral'nykh» faktorov formirovaniya zritel'skoy auditorii [Theatre, performance, spectator: the experience of a sociological study of "extratheatrical" and "theatrical" factors in the formation of the audience.]. In: Teatr i khudozhestvennaya kul'tura: sotsiologicheskoe issledovanie teatral'noy zhizni [Theater and Artistic Culture: A Sociological Study of Theater Life]. Sbornik nauchnykh statey. M., Publ. VTO: 55–197.
- Arto A. 1990. Rezhissura i metafizika [Directing and Metaphysics]. Per. from fr. ... . Teatr, 8: 181–186. (Artaud A. 1932. La Mise en scène et la métaphysique. La Nouvelle Revue française, 221: 219–234.)
- Arto A. 1993. Teatr i ego dvoynik. Teatr Serafima [Theater and its counterpart. Seraphim Theatre]. Per. from fr. S.A. Isaev. M., Publ. Martis, 191 p. (Artaud A. 1938. Le Théâtre et son double. France, Gallimard, 160 p.)
- Bondarava E.L. 1999. Mastatstva i krytyka: dyyalogi, artykuly, tvorchyya partrety, retsenzii [Art and Criticism: Dialogues, Articles, Creative Portraits, Reviews]. Minsk, Publ. BDU, 91 p.
- Grotovskiy E. 1990. Teatr i ritual. Per. from Polish N. Z. Bashindzhagyan. V kn.: Teoriya i praktika masterstva aktera. Mezhhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Ed. D.G. Livnev. M., Publ. GITIS. (Grotowski J. 1968. Le Théâtre d'aujourd'hui à la recherche du rite. France-Pologne, 28–29.)
- Dadamyanyan G.G. 2010. Novyy povorot, ili Kul'tura moego pokoleniya [New turn, or Culture of my generation]. Sankt-Peterburg, Publ. Baltiyskie sezony, 302 p.
- Ionesko E. 1992. Kak vsegda ob avangarde [As always about the avant-garde]. In: Ionesko E. Kak vsegda – ob avangarde. Antologiya frantsuzskogo teatral'nogo avangarda [As always - about the avant-garde. Anthology of the French theatrical avant-garde]. Per. from French S.A. Isaev. M., Publ. Soyuzteatr, GITIS: 10–11. (Ionesco E. 1966. Toujours sur l'avant-garde. In: Notes et contre-notes. P.: 93–99)
- Isaev S.A. 1992. Teatr v strukture meta-teatra [Theater in the structure of meta-theatre]. Teatr, 1: 101–103.
- Kuznetsov B. i dr. 1978. Vremya i prostranstvo v teatral'nom iskusstve [Time and space in theatrical art]. Teatr, 7: 64–97.
- Lotman Yu.M. 1980. Semiotika teatra [Semiotics of the theater]. Teatr, 1: 89–99.
- Misonzhnikov B.Ya. 2001. Fenomenologiya teksta (sootnoshenie soderzhatel'nykh i formal'nykh struktur pechatnogo izdaniya) [Phenomenology of the text (correlation between content and formal structures of the printed edition)]. SPb., Publ. SPbGU, 490 p.
- Orlova T.D. 2005. Teoriya i metodika zhurnalistskogo tvorchestva [Theory and methodology of journalistic creativity]. Minsk, Publ. Sovremennye znaniya, 120 p.
- Korokonosenko S.G. Vinogradova S.M., Lazutina G.V., Lozovskiy B.N., Misonzhnikov B.Ya., Kroychik L.E., Mikhaylov S.A., Orlova T.D. 2000. Osnovy tvorcheskoy deyatelnosti zhurnalista [Fundamentals of creative activity of a journalist]. Ed. S.G. Korokonosenko. SPb., Publ. Znanie SPbIVESEP, 272 p.

- Samsonova A.A. 2019. Discursive specificity of modern theater criticism. In: Diskursologiya i mediakritika sovremennykh sredstv massovoy informatsii [Discourse Studies and Media Criticism of Modern Mass Media]. Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Belgorod, 2–4 oktyabrya 2019 goda. Eds. A.V. Polonsky, S.V. Ushakova, S.M. Narozhnaya. Belgorod, Publ. POLITERRA: 96–101.
- Sent-Bev Sh. 1970. Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki [Literary portraits. Critical Essays]. M., Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 585 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Орлова Татьяна Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры продюсерства и художественного творчества, Институт современных знаний имени А.М. Широкова, г. Минск, Беларусь

Tatyana D. Orlova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Production and Artistic Creativity, A.M. Shirokova Institute of Modern Knowledge, Minsk, Belarus

УДК 378.148, 070

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37

Современное медиапространство в оценке преподавателей направлений подготовки «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью»

Смеюха В.В.¹, Армаш В.В.²

¹ Южный федеральный университет,
344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
E-mail: smeyha@yandex.ru;

² Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
E-mail: nikaarmash@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ отношения профессорско-преподавательского состава, осуществляющего образовательный процесс на направлениях подготовки «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью» российских вузов, к современному медиапространству. На основе данных, полученных в ходе социологического исследования, сделано заключение относительно медиапотребления, медиакомпетенций педагогов, их оценки функциональных и тематических характеристик СМИ и массмедиа, ложной информации; предложен ряд рекомендаций, направленных на формирование у медиапедагогов навыков верификации информации.

Ключевые слова: профессиональное медиаобразование, преподаватели, социологические исследование, медиапотребление, медиакомпетенции, критика медиапространства, верификация информации

Для цитирования: Смеюха В.В., Армаш В.В. 2022. Современное медиапространство в оценке преподавателей направлений подготовки «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью» Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 27–37. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37

Modern Media Space in the Assessment of Teachers of the Areas of Training “Journalism”, “Advertising and Public Relations”

Victoria V. Smeyukha¹, Veronica V. Armash²

¹ Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: smeyha@yandex.ru;

² Crimean Federal V.I. Vernadsky University,
4 Ac. Vernadsky Av., Simferopol, Republic of Crimea 295007, Russia
E-mail: nikaarmash@mail.ru

Annotation. In connection with the integration of media into the spheres of society, the question arises of increasing attention to the development and study of media education, both mass and professional. The authors of the article focus on the study of the attitude of the teaching staff engaged in the educational process in the areas of training “Journalism”, “Advertising and Public Relations” of Russian universities to the modern media space, introduce the results of a sociological study implemented in 2021, which was attended by representatives of 24 higher educational institutions. The survey examined: the features of media consumption, media competence of teachers, revealed a critical assessment of the functional and

thematic characteristics of the media, the process of spreading false information. Based on the analysis of the obtained data, recommendations are made aimed at forming the skills of information verification among media teachers, which will contribute to improving the quality of professional.

Keywords: professional media education, university lecturer, sociological research, media consumption, media competencies, criticism of the media space, verification of information, fake news

For citation: Smeyukha V.V., Armash V.V. 2022. Modern Media Space in the Assessment of Teachers of the Areas of Training “Journalism”, “Advertising and Public Relations”. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41 (1): 27–37 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37

Введение

Теме медиаобразования уделяется повышенное внимание как в сфере высшего образования, так и в профессиональных сегментах, что объясняется усилением роли медиакоммуникаций в производственной, культурной, бытовой и других видах деятельности. Под медиаобразованием принято понимать изучение средств массовых коммуникаций (периодической печати, радио, телевидения, интернет-медиа, рекламы, кинематографа и др.) и их воздействия на аудиторные группы [Федоров, 2001; Короченский, 2004, 2005; Дзялошинский, 2013; Чельшева, 2013; Федоров, 2015]. На современном этапе медиаобразование дифференцируется на профессиональное и массовое, ориентированное на изучение медиаресурсов, медиаэтики, медиапроизводства широкими слоями населения (например, школьниками, молодежью, людьми среднего возраста, пенсионерами) [Жилавская, 2013; Федоров, 2014; Луговая, Сипко, 2019; Chelysheva, Mikhaleva, 2019].

Под профессиональным медиаобразованием понимают образование, ориентированное на обучение сотрудников сферы массовых коммуникаций: журналистов, специалистов по связям с общественностью, сценаристов, телевизионных ведущих и др. [Короченский, 2004, 2005; Фатеева, 2007; Мясникова, 2015]. Необходимо отметить, что направления подготовки, связанные с изучением массмедиа, медиакоммуникаций, пользуются неизменной популярностью у абитуриентов: так, в 2021 г., по данным сайта «Мое образование», направление подготовки «Реклама и связи с общественностью» находится на шестом месте в «Рейтинге специальностей вузов», «Российская газета» рассматривает направление «Медиакоммуникации» как наиболее перспективное в отечественном высшем образовании¹. По сведениям сайта «Вузотека.ру», обучение по направлению подготовки «Журналистика» осуществляется в 153 вузах страны, по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» – в 278 (данные 2021 г.).

Однако, несмотря на востребованность обозначенных направлений обучения, в научной и профессиональной среде критически оценивается уровень подготовки молодых журналистов, рекламистов, специалистов по связям с общественностью. Анализ негативных отзывов о профессиональном медиаобразовании позволяет выделить следующие его недостатки: несовершенство образовательных программ и их несоответствие тенденциям развития профессиональной отрасли, превалирование в учебных планах теоретических курсов, низкий уровень медиакомпетенций преподавателей и др. [Коханая, 2015; Исаева, Доценко, 2018; Барабаш и др., 2019]. Между тем представители научно-педагогического сообщества уделяют значительное внимание вопросам модернизации профессионального медиаобразования, что выражается в оптимизации образовательных программ, разработке авторских курсов, реализации практико-ориентированных проектов, повышении собственной квалификации [Демина, Краснаярова, 2015; Головин, 2016; Сипко, 2019; Тулу-

¹ Ивойлова И. 2021. Топ-10 перспективных специальностей в российских вузах. *Российская Газета RGRU*, 2 января 2021 года. URL: <https://rg.ru/2021/01/02/top-10-perspektivnyh-specialnostej-v-rossijskih-vuzah.html>

пов, 2019; Berezhnaia, 2019; Коханая, 2020; Kaminskaya, Erokhina, 2020; Макарова, 2020; Katerynych, 2021]. Преподаватели указанных направлений подготовки активно используют в своей работе медиакommunikации, в связи с чем представляется актуальным изучение их отношения к медиасреде, оценки данным профессиональным сообществом актуальных медиапроцессов.

Целью данной статьи является исследование мнения преподавателей вузов, реализующих образовательные программы по направлениям «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», о современном медиaprостранстве, а именно: изучение особенностей медиапотребления (какие источники информации используют), оценки ими как специалистами функциональных характеристик современных массмедиа, некоторых актуальных проблем медиапроизводства: использование недостоверных источников информации, распространение ложной и непроверенной информации.

Методы исследования

Основными методами исследования стали: социологический, сравнительный, описательный. С целью изучения отношения профессорско-преподавательского состава к современному медиaprостранству было проведено социологическое исследование (март – май 2021 г.), в ходе которого был опрошен 61 респондент: анкета рассылалась через электронную почту. Возрастные характеристики опрошенных: группа от 30 до 40 лет – 21 %, от 40 до 50 лет – 41 %, от 50 до 60 лет – 28 %, группа «60+» – 10 %. Женщин – 74 %, мужчин – 26 %. В исследовании приняли участие сотрудники следующих вузов: МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ, РУДН, СКФУ, ЮФУ, КубГУ и др. (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Распределение респондентов по вузам
Distribution of respondents by universities

Вуз	Количество респондентов
МГУ имени М.В. Ломоносова	9
СПбГУ	5
РУДН	2
Южный федеральный университет	5
Казанский (Приволжский) федеральный университет	1
Северо-Кавказский федеральный университет	3
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского	5
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова	1
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого	1
Севастопольский государственный университет	2
Адыгейский государственный университет	2
Пермский государственный университет	1
Волгоградский государственный университет	2
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина	1
Курганский государственный университет	1
Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова	1
Сочинский государственный университет	2
Пензенский государственный университет	1
Воронежский государственный университет	2
Челябинский государственный университет	2
Ростовский государственный университет путей сообщения	5
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)	3
Кубанский государственный университет	4

Результаты исследования

Как показало исследование, самым популярным источником, из которого преподаватели получают информацию о важнейших событиях, является сеть Интернет (49 %), за ней следует телевидение (32 %) (рис. 1).

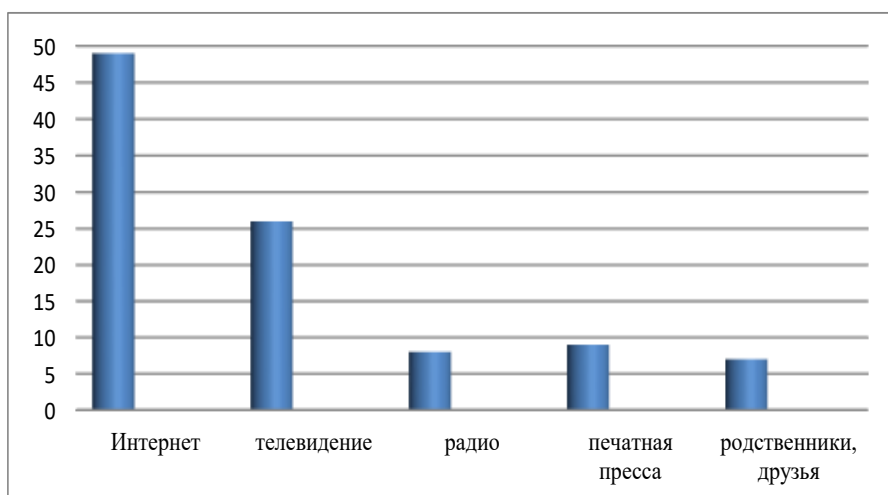

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Из каких источников вы получаете информацию о важнейших событиях?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question: “From what sources do you get information about the most important events?”

Обратим внимание на то, что в нашей стране лидером медиасегмента по-прежнему является телевидение (88 %). Медиатрендом 2020–2021 гг. стало увеличение доли телезрителей: массовая аудитория в условиях самоизоляции, обусловленной распространением коронавирусной инфекции, стала отдавать предпочтение телевидению. Согласно данным ВЦИОМ, аудиторная группа, наиболее активно совмещающая просмотр телевизионных программ с использованием интернет-ресурсов, ограничивается возрастными рамками 35–59 лет¹ (аудитория с данными возрастными характеристиками превалирует среди респондентов нашего исследования). Радио стоит на третьем месте по охвату массовой аудитории после телевидения и Интернета (см., например, исследование компании «Делойт» «Медиапотребление в России 2020»²). Печатная пресса как источник информации в рейтингах исследовательских компаний занимает четвертое место.

Отметим, что доля радиослушателей в нашем исследовании оказалась незначительной. Между тем по стране охват аудитории радио составляет 52–56 %, при этом слушают радио чаще всего в автомобиле (более 40 %), на работе (20 %) либо дома в выходные дни (45 %) (Mediascore, «Делойт», 2020). Среди преподавателей вузов немного владельцев личного автотранспорта; прослушивание радио в рабочее время сотрудниками вузов также является затруднительным.

Как видим, медиапредпочтения аудитории преподавателей несколько отличаются от данных статистики, характеризующих медиапотребление населения страны. Указанные расхождения можно объяснить профессиональными особенностями деятельности опрашиваемых – преподаватели вузов активно используют в своей работе интернет-медиа; и

¹ Медиапотребление россиян: мониторинг. 2021. Аналитический обзор. ВЦИОМ, 3 марта 2021 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-rossijan-monitoring>

² Медиапотребление в России – 2020. 2020. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. Москва, октябрь 2020 года. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/media-consumption-russia-2020.pdf>

территориальными – медиакоммуникационную основу больших и средних городов (а именно здесь располагаются вузы) составляет именно сеть Интернет. Превалирующей функцией современных массмедиа респонденты считают информационную (36 %), кроме того, ими были выделены следующие доминирующие функции: рекламная (27 %), развлекательная (20 %), пропагандистская (20 %) (рис. 2).

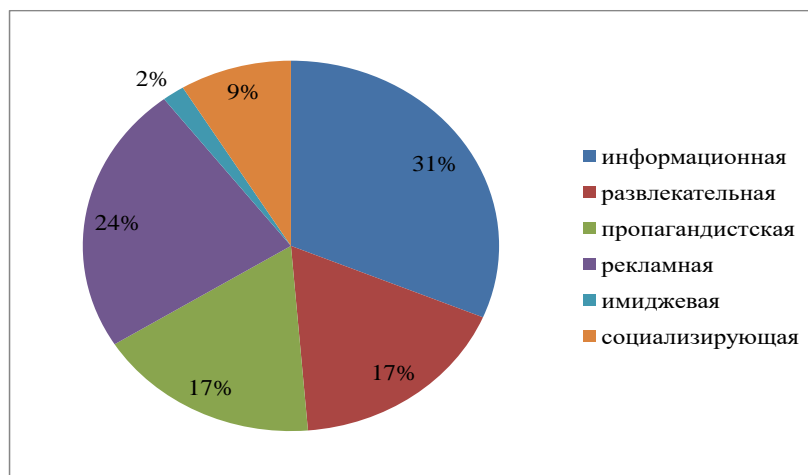

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:

«Какие функции современных массмедиа являются превалирующими?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question: “What functions of modern mass media are prevalent?”

В данном случае преподаватели оценили деятельность массмедиа с профессиональной точки зрения: в современном медиaprостранстве, помимо журналистских коммуникаций, активно функционируют рекламные, что способствует слиянию социально значимого медиаконтента с информацией о товарах и услугах, формированию потребительской медиареальности, синтезированию искусственных интересов и предпочтений населения; медиапотребление на современном этапе представляет популярную форму досуга, что определяет развлекательную направленность массмедиа.

По мнению опрошенных, в массмедиа много политической информации (53 %), информации криминального характера (12 %), развлекательной (12 %), а также лишней (ненужной, незначительной) (20 %) информации (рис. 3).

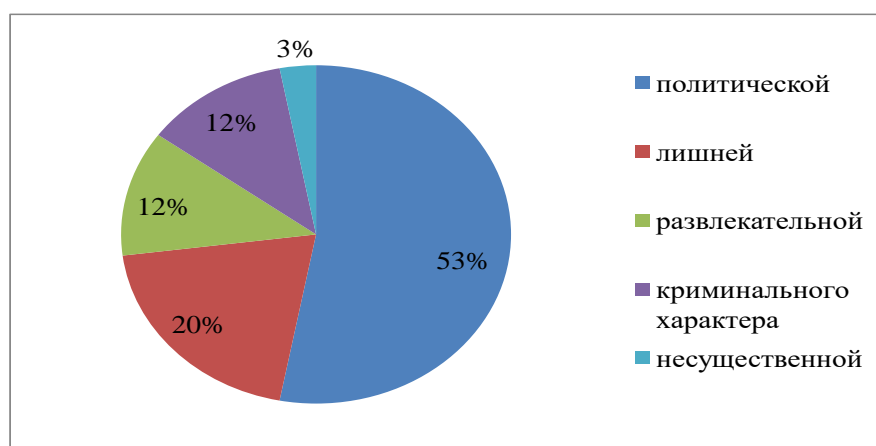

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какой медиаинформации, по вашему мнению, сегодня очень много?»

Fig. 3. Distribution of answers to the question: “What media information, in your opinion, is there a lot today?”

Таким образом, преподаватели критически оценивают тематическое содержание СМИ и массмедиа и в качестве недостатков, присущих современным медиапроцессам, выделяют превалирование новостей политического характера, а также информации, не имеющей социальной значимости. И если последнее связано с активизацией рекреативной функции СМИ и массмедиа, то политизация информационного пространства свидетельствует о широком использовании медиакоммуникаций институтом власти, политическими акторами в целях информирования о собственной деятельности, формирования соответствующих политических образов, приоритетов, оказания определенного информационного воздействия на аудиторные сегменты. Критическая оценка преподавателей распространяется не только на тематический медиаконтент, но и на медиаисточники. Более половины опрошенных не доверяют информации, полученной из СМИ (60 %), 11 % респондентов не смогли однозначно ответить на вопрос о доверии к сообщениям, распространяемым средствами массовой информации («50/50»). 51 % опрошенных не доверяет информации, размещаемой в социальных сетях, доверяют – 28 %, и 21 % не смог дать однозначный ответ на данный вопрос («50/50»).

Обратимся к данным статистики, обнародованным в средствах массовой информации: почти половина россиян не доверяет СМИ¹. Причины недоверия связываются с увеличением объема некачественного, недостоверного контента. Снижение качества медиаконтента, увеличение объемов ложной информации приобретают массовый характер: по данным Генеральной прокуратуры России, за 2020 г. было зафиксировано десятикратное увеличение ложного медиаконтента².

82 % опрошенных сотрудников вузов указали, что они часто встречают недостоверные новости, 49 % преподавателей могут самостоятельно распознать ложную информацию, 36 % не могут определить достоверность новостного контента и 15 % не смогли определиться с ответом. Отметим, что данные социологических исследований, характеризующих медиакомпетентность респондентов, могут отличаться от реальной действительности по той причине, что опрашиваемые склонны завышать свои способности. Следовательно, значительная часть педагогов, отвечающая за качество профессионального медиаобразования, чаще всего не может распознать недостоверный контент, а следовательно, не владеет навыками обучения будущих медиаспециалистов верификации информации.

Не только преподаватели сталкиваются с проблемой определения достоверности информации. У профессиональных журналистов, имеющих значительный опыт работы в СМИ, проверка информации также вызывает затруднения. Так, Д.В. Соколова в статье «Фактчекинг и верификация информации в российских СМИ: результаты опроса» приводит следующие данные, полученные в ходе опроса журналистов в 2018 г.: в большей части редакций отсутствует алгоритм проверки информации, являющийся обязательным для всех сотрудников (78 %), и делает заключение: процесс проверки информации осложняют субъективные факторы, связанные с отношением журналиста к своей деятельности, и объективные, к которым относятся закрытые источники информации, невозможность установить первоисточник и т.д. [Соколова, 2018].

Несмотря на то, что преподавателям сложно сделать заключение о степени достоверности информации, они проводят оценку информационного воздействия подобного контента на аудиторию: большая часть респондентов считает, что ложная (фейковая) информация отвлекает от более важной информации (68 %), манипулирует (26 %), развлекает (6 %). Основной причиной увеличения объема ложной информации опрошенные преподаватели считают низкую медиаграмотность аудитории (74 %). Среди других при-

¹ Средства массового недоверия. 2018. РБК. Газета, 23 октября 2018 года, № 184 (2908) (2310). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/10/23/5bcc97729a7947e625fc02ba>

² Количество фейков в интернете выросло в 10 раз в период пандемии. ТАСС, 8 июня 2020 года. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8673695>

чин усиления данной негативной тенденции были названы: использование ложной информации в качестве инструмента управления аудиторией (23 %) и увеличение численности медиаканалов (3 %).

Большая часть респондентов считает, что аудиторию можно научить распознавать ложную информацию (92 %). И 80 % опрошенных преподавателей в рамках образовательных курсов уделяют внимание теме ложной (фейковой) информации.

В ряде вузов в учебные планы включены дисциплины, основной целью которых является формирование навыков работы с источниками информации, критической оценки и верификации информации: «Фактчекинг: методология и инструментарий», «Новости в эпоху постправды – мейнстрим и альтернативные источники» (ВШЭ), «Фейк в практике аудиовизуальных СМИ» (СПбГУ), «Информационно-коммуникативные технологии и медиаинформационная грамотность» (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина), «Фактчекинг и технология подготовки информации» (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского) и др. Кроме того, в рамках дисциплин «Теория и практика массовой информации», «Система СМИ», «Система СМИ и информационный дискурс» и других отдельные темы могут быть посвящены теме ложной медиаинформации.

В последние годы опыт работы преподавателей вузов над темой ложной медиаинформации привел к публикации научных статей [Ершов, 2018; Kaminskaya, 2020; Shapovalova, 2020; Шестеркина и др., 2021] и учебных изданий, посвященных указанному проблемному аспекту: С.Н. Ильченко «Фейковая журналистика» [Ильченко, 2020], С. Распопова, Е. Богдан «Фейковые новости: информационная мистификация» [Распопова, Богдан, 2018]. В 2020 г. ученые Воронежского государственного университета И.А. Стернин и А.М. Шестерина выпустили учебное пособие «Маркеры фейка в медиатекстах», в котором проанализировано более 80 маркеров ложных (фейковых) сообщений, пособие адресовано журналистам, медиаэкспертам [Стернин и др., 2020].

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие заключения относительно характера медиапотребления преподавателями вузов: в качестве основного источника информации медиапедагоги используют сеть Интернет, что определяется общими трендами медиапотребления и спецификой деятельности респондентов.

Преподаватели критически оценивают результаты современных медиапроцессов, касающиеся функциональных характеристик и тематического содержания СМИ и массмедиа, увеличения объема ложной (недостоверной) информации.

Решение проблемы уменьшения объема ложной информации респонденты связывают с повышением качества медиаобразования: преподаватели уверены, что аудиторию можно научить распознавать ложную информацию и уделяют внимание теме верификации информации в рамках образовательных курсов. В то же время не все педагоги характеризуются наличием компетенций в плане верификации информации, следовательно, не могут способствовать формированию соответствующих навыков у будущих медиаспециалистов. В связи с этим предлагается усилить внимание к повышению медиаграмотности преподавателей в рамках следующих мероприятий:

1. Участие медиапедагогов в круглых столах, семинарах, образовательных курсах, посвященных верификации информации. В последнее время проведение подобных мероприятий практикуется Союзом журналистов России.

2. Привлечение преподавателей к тематическим встречам, мастер-классам, организуемым специалистами, занимающимися проблемами ложной информации. В условиях самоизоляции мероприятия, организуемые учеными, специализирующимися на анализе отдельных проблем медиакоммуникации, стали популярны в онлайн-формате, что делает их доступными для преподавателей, вне зависимости от региона их проживания.

Кроме того, рекомендуется усилить внимание к указанной теме в рамках образовательного процесса: разрабатывать курсы лекций, практические занятия, посвященные рассмотрению недостоверной информации. Теоретическое изучение данного вопроса, а также анализ примеров недостоверной информации (а такие примеры сегодня существуют в достаточном количестве – с заявлениями об опровержении ложной информации регулярно выступают СМИ) позволят сформировать у педагогов навыки оценки, анализа достоверности новости.

Список литературы

- Барабаш В.В., Грабельников А.А., Гегелова Н.С., Осиповская Е.А., Реброва А.Д. 2019. Проблемы модернизации журналистского образования в российских вузах. В кн.: Образовательное пространство в информационную эпоху – 2019 (ЕЕИА – 2019). Сборник научных трудов. Под ред. С.В. Ивановой. М., Институт стратегии развития образования Российской академии образования: 686–699.
- Головин Ю.А. 2016. Актуализация технологического компонента в современном журналистском образовании. Научные труды Московского гуманитарного университета, 1: 6. DOI: 10.17805/trudy.2016.1.6.
- Демина И.Н., Красноярова О.В. 2015. Журналистское образование в экономическом вузе: опыт Байкальского государственного университета экономики и права. Известия Иркутской государственной экономической академии, 25 (2): 320–324. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(2).320-324
- Дзялошинский И.М. 2013. Медиаобразование: работа с текстами или умение ориентироваться в медиaprостранстве. В кн.: Медиаобразование 2013. Сборник трудов Международного форума конференции, г. Москва, 31 октября – 2 ноября 2013 года. Под ред. И.В. Жилавской. М., РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова: 28–46.
- Ершов Ю.М. 2018. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик. Вестник Томского государственного университета. Филология, 52: 245–256. DOI: 10.17223/19986645/52/15
- Жилавская И.В. 2013. Медиаобразование молодежи. М., Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 234 с.
- Ильченко С.Н. 2020. Фейковая журналистика. М., КноРус, 370 с.
- Исаева В.Н., Доценко В.Г. 2018. Специалист по связям с общественностью: функциональные характеристики профессии. Труды Ростовского государственного университета путей сообщения, 1: 30–35.
- Короченский А.П. 2004. Медиакритика и медиаобразование. Высшее образование в России, 8: 40–46.
- Короченский А.П. 2005. Медиаобразование в России: не только внешние трудности и препятствия. Медиаобразование, 3: 37–42.
- Коханая О.Е. 2020. Конвергентная редакция как импульс совершенствованию журналистского образования. В кн.: Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы. Сборник статей XVI Международной научной конференции, г. Москва, 18–19 ноября 2020 года. В 2-х ч. Ч. 2. Под ред. И.М. Ильинского. М., Московский гуманитарный университет: 66–70. URL: <http://publications.mosgu.ru/index.php/main/catalog/book/24> (дата обращения: 30.01.2022).
- Луговая Н.В., Сипко Е.С. 2019. Интеграция медиаобразования в школьное обучение (на примере «Медиашколы» РГУПС). В кн.: Стратегические ориентиры развития высшей школы. Сборник научных трудов Национальной научно-практической конференции, г. Москва, 15 ноября 2019 года. М., КноРус: 309–315.
- Макарова Л.С. 2020. Формирование основной образовательной программы подготовки бакалавров по направлению «Журналистика» в соответствии с требованиями профессиональных стандартов и запросами медиаиндустрии. В кн.: Коммуникативные стратегии СМИ: теоретические подходы и новые реалии. Сборник материалов научно-практической конференции кафедры журналистики, г. Нижний Новгород, 12–13 марта 2020 года. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского: 106–115.
- Мясникова М.А. 2015. Практика профессионального медиаобразования. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 180 с.

- Распопова С.С., Богдан Е.Н. 2018. Фейковые новости: информационная мистификация. М., АспектПресс, 112 с.
- Сипко Е.С. 2019. Использование платформы «Youtube» в системе образования бакалавров направления подготовки «Реклама и связи с общественностью». Знак: проблемное поле медиаобразования, 2 (32): 59–64.
- Соколова Д.В. 2018. Фактчекинг и верификация информации в российских СМИ: результаты опроса. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 4: 3–25.
- Стернин И.А., Шестерина А.М., Грибанова К.И., Ошерова В.Д., Суворова А.С., Просовецкий Д.Ю. 2020. Маркеры фейка в медиатекстах. Под ред. И.А. Стернина, А.М. Шестериной. Воронеж, ООО «РИТМ», 34 с.
- Тулупов В.В. 2019. Журналистика и журналистское образование в современных условиях. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 1: 155–160.
- Фатеева И.А. 2007. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации. Челябинск, ЧелГУ, 270 с.
- Федоров А.В. 2001. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов н/Д., ЦВВР, 708 с.
- Федоров А.В. 2014. Массовое медиаобразование в современной России: реальные достижения и трудности. Школьные технологии, 4: 75–79.
- Федоров А.В. 2015. Медиаобразование: история и теория. М., МОО «Информация для всех», 450 с.
- Чельшева И.В. 2013. Теория и история российского медиаобразования. М., Директ-Медиа, 231 с.
- Шестеркина Л.П., Лободенко Л.К., Красавина А.В., Марфицына А.Р. 2021. Фактчекинг и верификация информации в контексте журналистского образования. Вопросы теории и практики журналистики, 10 (1): 94–108. DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(1).94-108.
- Berezhnaia M.A. 2019. Aesthetic Criteria in Journalism in the Aspect of Professional Education. Медиаобразование, 2: 207–215.
- Chelysheva I., Mikhaleva G. 2019. Russian and Foreign Approaches to Media Education of Young People in Matters Relating to Interethnic Tolerance. Медиаобразование, 59 (3): 381–392.
- Kaminskaya T.L. 2020. Media Education As An Anti-Fake Factor. In: The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. 87. Pedagogical Education - History, Present Time, Perspectives. Conference Proceedings, Veliky Novgorod, October 03–04 2019. Ed. A.G. Shirin. Veliky Novgorod, European Publisher: 383–388. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.02.49.
- Kaminskaya T.L., Erokhina O.V. 2020. “Yandex.zen”: Platform as a Tool for Media Education. Медиаобразование, 60 (2): 264–271.
- Katerynych P. 2021. Professional Competencies of a Modern Education Journalist. Медиаобразование, 2: 267–276.
- Shapovalova E. 2020. Improving Media Education as a Way to Combat Fake News. Медиаобразование, 60 (4): 730–735.

References

- Barabash V.V., Grabel'nikov A.A., Gegelova N.S., Osipovskaya E.A., Rebrova A.D. 2019. Problemy modernizatsii zhurnalistskogo obrazovaniya v rossiyskikh vuzakh [Problems of modernization of journalism education in Russian universities]. In: Nternational conference “Education Environment for the information age – 2019” (EEIA – 2019). Collection of scientific papers. Ed. S.V. Ivanova. M., Publ. Institut strategii razvitiya obrazovaniya Rossiyskoy akademii obrazovaniya: 686–699.
- Golovin Yu.A. 2016. Actualizing the technological component in contemporary education in journalism. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 1: 6. DOI: 10.17805/trudy.2016.1.6.
- Demina I.N., Krasnoyarova O.V. 2015. Journalism education in the economic university: the bsuel experience. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii, 25 (2): 320–324. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(2).320-324
- Dzyaloshinskiy I.M. 2013. Media education: work with text or the ability to navigate in the media space. In: Media Education 2013. Collected Works of the International Forum Conference, Moscow, October 31 – November 2, 2013. Ed. I.V. Zhilavskaya. M., Publ. RITs MGGU im. M.A. Sholokhova: 28–46 (in Russia).
- Ershov Yu.M. 2018. Phenomenon of fake in the context of communication practices. Tomsk state University Journal of Philology, 52: 245–256 (in Russia). DOI: 10.17223/19986645/52/15

- Zhilavskaya I.V. 2013. Mediaobrazovanie molodezhi [Media Education for Youth]. M., Publ. Mezhhregional'nyy tsentr innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovanii, 234 p.
- Il'chenko S.N. 2020. Feykovaya zhurnalistika [Fake journalism]. M., Publ. KnoRus, 370 p.
- Isaeva V.N., Dotsenko V.G. 2018. Public relations specialist: functional characteristics of the profession. Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya, 1: 30–35.
- Korochenskiy A.P. 2004. Mediakritika i mediaobrazovanie [Media criticism and media education]. Higher Education in Russia, 8: 40–46.
- Korochenskiy A.P. 2005. Mediaobrazovanie v Rossii: ne tol'ko vneshnie trudnosti i prepyatstviya [Media education in Russia: not only external difficulties and obstacles]. Media Education, 3: 37–42.
- Kokhanaya O.E. 2020. Konvergentnaya redaktsiya kak impul's sovershenstvovaniyu zhurnalistikogo obrazovaniya [Convergent editorial as an impulse to improve journalism education]. In: Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: Tsifrovaya transformatsiya obshchestva: novye vozmozhnosti i novye vyzovy [Higher Education for the 21st Century: Digital Transformation of Society: New Opportunities and New Challenges]. Collection of articles of the XVI International Scientific Conference, Moscow, November 18–19, 2020. At 2 h. Part 2. Ed. I.M. Ilyinsky. M., Publ. Moskovskiy gumanitarnyy universitet: 66–70. Available at: <http://publications.mosgu.ru/index.php/main/catalog/book/24> (accessed: 30.01.2022).
- Lugovaja N.V., Sipko E.S. 2019. Integration of media education into school teaching (on the example of rstu "media school"). In: Strategicheskie orientiry razvitiya vysshej shkoly [Strategic guidelines for the development of higher education]. Collection of scientific papers of the National Scientific and Practical Conference, Moscow, November 15, 2019. M., KnoRus: 309–315.
- Makarova L.S. 2020. Formirovanie osnovnoj obrazovatel'noj programmy podgotovki bakalavrov po napravleniju «Zhurnalistika» v sootvetstvii s trebovaniyami professional'nyh standartov i zaprosami mediaindustrii [Formation of the main educational program for the preparation of bachelors in the direction of "Journalism" in accordance with the requirements of professional standards and the demands of the media industry]. In: Kommunikativnye strategii SMI: teoreticheskie podhody i novye realii [Communication Strategies of Mass Media: Theoretical Approaches and New Realities]. Collection of materials of the scientific and practical conference of the Department of Journalism, Nizhny Novgorod, March 12–13, 2020. Nizhnij Novgorod, Publ. NNGU im. N.I. Lobachevskogo: 106–115.
- Mjasnikova M.A. 2015. Praktika professional'nogo mediaobrazovaniya [he practice of professional media education]. Ekaterinburg, Publ. Ural. un-ta, 180 p.
- Raspopova S.S., Bogdan E.N. 2018. Fejkovye novosti: Informacionnaja mistifikacija [Fake news: Information hoax]. M., Publ. AspektPress, 112 p.
- Sipko E.S. 2019. Ispol'zovanie platformy «Youtube» v sisteme obrazovaniya bakalavrov napravleniya podgotovki «Reklama i svyazi s obshhestvennost'ju» [Use of the “youtube” platform in the system of modern education of bachelor trains of “advertising and public relations” training]. Sign: problematic field of media education, 2 (32): 59–64.
- Sokolova D.V. 2018. Fact checking and information verification in russian media: survey results. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 4: 3–25.
- Sternin I.A., Shesterina A.M., Gribanova K.I., Osherova V.D., Suvorova A.S., Prosoveckij D.Ju. 2020. Markery fejka v mediatekstah [Fake markers in media texts]. Ed. I.A. Sternin, A.M. Shesterina. Voronezh, Publ. OOO «RITM», 34 p.
- Tulupov V.V. 2019. Zhurnalistika i zhurnalistikoe obrazovanie v sovremennykh usloviyakh [Journalism and journalism education in modern conditions]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 1: 155–160.
- Fateeva I.A. 2007. Mediaobrazovanie: teoreticheskie osnovy i praktika realizacii [Media Education: Theoretical Foundations and Implementation Practice]. Cheljabinsk, Publ. ChelGU, 270 p.
- Fedorov A.V. 2001. Media Education: History, Theory and Methods. Rostov n/D., Publ. CVVR, 708 p. (in Russia).
- Fedorov A.V. 2014. Massovoe mediaobrazovanie v sovremennoj Rossii: real'nye dostizheniya i trudnosti [Mass Media Education in Modern Russia: Real Achievements and Challenges]. Shkol'nye tekhnologii, 4: 75–79.
- Fedorov A.V. 2015. Media Education: History and Theory. M., Publ. MOO «Informacija dlja vseh», 450 p. (in Russia).

- Chelysheva I.V. 2013. *Teorija i istorija rossijskogo mediaobrazovanija* [Theory and history of Russian media education]. M., Publ. Direkt-Media, 231 p.
- Shesterkina L.P., Lobodenko L.K., Krasavina A.V., Marficyna A.R. 2021. Fact-checking and information verification in the context of journalism education. *Journalism education*, 10 (1): 94–108. DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(1).94-108.
- Berezhnaia M.A. 2019. Aesthetic Criteria in Journalism in the Aspect of Professional Education. *Media Education*, 2: 207–215 (in Russia).
- Chelysheva I., Mikhaleva G. 2019. Russian and Foreign Approaches to Media Education of Young People in Matters Relating to Interethnic Tolerance. *Медиаобразование*, 59 (3): 381–392.
- Kaminskaya T.L. 2020. Media Education As An Anti-Fake Factor. In: *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. Vol. 87. Pedagogical Education - History, Present Time, Perspectives. Conference Proceedings, Veliky Novgorod, October 03–04 2019. Ed. A.G. Shirin. Veliky Novgorod, European Publisher: 383–388. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.02.49.
- Kaminskaya T.L., Erokhina O.V. 2020. “Yandex.zen”: Platform as a Tool for Media Education. *Медиаобразование*, 60 (2): 264–271.
- Katerynych P. 2021. Professional Competencies of a Modern Education Journalist. *Медиаобразование*, 2: 267–276.
- Shapovalova E. 2020. Improving Media Education as a Way to Combat Fake News. *Медиаобразование*, 60 (4): 730–735.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Смеюха Виктория Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики массовой коммуникации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Victoria V. Smeyukha, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Mass Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Армаш Вероника Витальевна, магистрант, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

Veronika V. Armash, master student, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

УДК 1, 008

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-38-48

Образ России в разноязычных разделах «Википедии»: феномен интернет-энциклопедии со свободным контентом в условиях глобального информационного конфликта

Чекунова М.А.

Российский университет дружбы народов,
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: chekunova@gmail.com

Аннотация. Энциклопедический проект «Википедия» является главным источником знаний современного человечества и формирует общественное мнение в разных странах мира в современных условиях информационных войн. При этом многие википедийные тексты содержат серьезные ошибки, непроверенные сведения, некорректную интерпретацию, что требует исследовательского внимания для предотвращения популяризации квазинаучных мифов и их проникновения в общественное сознание. Тем не менее исследования контента «Википедии» сегодня находятся на периферии научного дискурса. В связи с этим автором проведена контекстуализация образа России с глобальным информационным конфликтом Россия – Запад и позицией отдельных государств в указанном противостоянии. Предметом анализа является содержание статей «Википедии» на семи языках народов мира, посвященных России. «Википедия» рассмотрена как феномен гражданской журналистики. В результате доказаны принципиальные расхождения в интерпретации образа России в различных языковых версиях «Википедии». Показана негативизация российского прошлого и настоящего в статьях на языках государств, находящихся в наиболее острой фазе информационного конфликта с Россией. Впервые сделан вывод об ангажированности «Википедии», отсутствии нейтральности в представлении материала, связанного с межгосударственными конфликтами. По мнению автора, необходимо выдвижение пакета предложений о формировании механизма интернациональной конвенциональности в отношении википедийных публикаций на международном уровне.

Ключевые слова: Википедия, Россия, конфликт, гражданская журналистика, разноязычные версии, русский, английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, сербский

Для цитирования: Чекунова М.А. 2022. Образ России в разноязычных разделах «Википедии»: феномен интернет-энциклопедии со свободным контентом в условиях глобального информационного конфликта. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(1): 38–48. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-38-48

The Image of Russia in the Multilingual Sections of Wikipedia: The Phenomenon of an Internet Encyclopedia in the Context of a Global Information Conflict

Marina A. Chekunova

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow 117198, Russian Federation
E-mail: chekunova@gmail.com

Abstract. The Wikipedia encyclopedic project is the main source of knowledge of modern humanity and forms public opinion in different countries of the world in modern conditions of information wars. At the same time, many Wikipedia texts contain serious errors, unverified information, incorrect interpretation,

which requires research attention to prevent the popularization of quasi-scientific myths and their penetration into public consciousness. Nevertheless, Wikipedia content research is currently on the periphery of scientific discourse. In this regard, the author contextualizes the image of Russia with the global information conflict between Russia and the West and the position of individual states in this confrontation. The subject of the analysis is the content of Wikipedia articles in seven languages of the peoples of the world dedicated to Russia. Wikipedia is considered as a phenomenon of citizen journalism. As a result, fundamental differences in the interpretation of the image of Russia in various language versions of Wikipedia are proved. The negativization of the Russian past and present is shown in articles in the languages of states that are in the most acute phase of the information conflict with Russia. For the first time, a conclusion was made about the bias of Wikipedia, the lack of neutrality in the presentation of material related to interstate conflicts. According to the author, it is necessary to put forward a package of proposals on the formation of a mechanism of international conventionality in relation to Wikipedia publications at the international level.

Keywords: Wikipedia, Russia, conflict, citizen journalism, multilingual versions, Russian, English, French, Deutsch, Italian, Spanish, Serbian

For citation: Chekunova M.A. 2022. The Image of Russia in the Multilingual Sections of Wikipedia: The Phenomenon of an Internet Encyclopedia in the Context of a Global Information Conflict. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41 (1): 38–48 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-38-48

Введение

Проект «Википедия» был инициирован в январе 2001 года и представляет собой в настоящее время крупнейший энциклопедический ресурс за всю историю. Фактически она приобрела положение главного справочного источника знаний современного человечества [Todorovic, 2018].

Количество созданных с начала реализации проекта текстов превысило 50 миллионов, что в порядковом отношении превосходит все энциклопедические аналоги. Для сравнения: Энциклопедия Брокгауза и Эфрона содержит 121 тысячу, а Британская энциклопедия 65 тысяч статей. К началу 2022 года существовали версии «Википедии» на 311 языках народов мира. Фактически весь багаж знаний человечества за миллионы лет в настоящее время используется, ввиду популярности источника, в википедийной интерпретации.

Несмотря на очевидную актуальность анализа феномена Википедии, исследований этого явления пока явно недостаточно. Публикации по википедийному контенту и обращению к нему в общественной жизни носят единичный характер и находятся на периферии научного дискурса [Медведева, 2019; Сушкевич, 2021]. Если считать индикатором проработанности той или иной темы прецеденты диссертаций, то можно говорить о парадоксальности игнорирования «Википедии» как объекта или предмета исследований. Чуть лучше ситуация в этом отношении в англоязычном научном сегменте, хотя и его мониторинг также показывает существование дефицита соответствующих разработок [Bridgewater, 2017; Lewoniewski, Wecel, Abramowicz, 2017; Pooladian, Borrego, 2017; Teplitskiy, Duede, 2017; Lewoniewski, 2019]. Вероятно, причина обнаруживаемого исследовательского игнорирования состоит в скептическом отношении научного сообщества к «Википедии» как источнику информации.

Действительно, многие википедийные тексты содержат серьезные ошибки, непроверенные сведения, некорректную интерпретацию [Жолнерович, 2018]. Имеются прецеденты скандалов, связанных с размещением в Энциклопедии материалов, которые могли бы быть квалифицированы как антинаука, лженаука или идеологическая пропаганда¹. Сле-

---

¹ Википедия – источник идеологической борьбы и пропаганды. URL: <https://elect-assist.ru/wikipeidiyaistochnikideologicheskoyborbyipropagandy> (дата доступа: 28.12.2021).

дует, впрочем, признать, что с течением времени степень репрезентативности материалов в «Википедии» повышается. Тем не менее предубеждение ученых в отношении свободной энциклопедии сохраняется¹. О том, что лучше заменить в практической работе «Википедию» новой версией Большой Российской Энциклопедии говорил на заседании Совета по русскому языку в 2019 году Президент России В.В. Путин, имея в виду и нерепрезентативность, и ангажированность предоставляемой Интернетом информации².

Принимая справедливость упреков, адресуемых Википедии, принять позицию отказа в исследовательском внимании было бы неверно. Напротив, факт нерепрезентативности той или иной источниковой базы должен актуализировать проведение соответствующего источниковедческого исследования, которое бы либо показывало пути исправления ситуации, либо выносило отрицательный вердикт. Из истории наук хорошо известны примеры, когда игнорирование квазинаучных мифов, ввиду их абсурдности с позиций науки, приводило со временем к тому, что соответствующие мифологемы приобретали популярность, становились явлением общественного сознания [Володихин, 2001; Шнирельман, 2003; Львович, 2013; Багдасарян, 2016]. В фокусе такой связи материалов Википедии с общественным сознанием и политическими процессами и проводилось представляемое исследование.

«Википедия» позиционируется как свободная энциклопедия, формируемая гражданским обществом. Внутри самого проекта ведется спор, относиться ли он к журналистике. Создатели проекта заявляют, что «Википедия» журналистикой не является. Соответствующая статья «Википедия – не журналистика» дублируется в разных языковых версиях Энциклопедии и является по формату манифестирующим принципом проекта эссе³. Но в рамках самого дискурсивного пространства «Википедии» заявляется и другая позиция, что Энциклопедия соответствует направлению гражданской или демократической журналистики, а потому является преимущественно журналистским феноменом. Вошло в употребление слово «википедист», обозначающее группу лиц, работающих над созданием и редактированием контента «Википедии». С 2012 года оно было включено в Оксфордский словарь английского языка, получив таким образом соответствующую легитимацию. На основе сообщества «Википедии» возникло движение «Викимедии», даже в названии которого есть указание на медийный характер проекта. Статьи «Википедии» редактируются, в них вносятся изменения в соответствии с появлением новых фактов и обстоятельств. Новые статьи создаются фактически синхронно – день в день с развитием актуальных процессов. В этом отношении уместны параллели с газетными изданиями [Хлебникова, 2011; Березина, 2013; Жежко, 2013; Красноярова, 2013].

Приводимые в статье «Википедия – не журналистика» аргументы не представляются достаточными. Основной тезис статьи состоит в том, что если журналистика формирует мир, то «Википедия» отражает уже сформированное. Действительно, «Википедия» опирается на опубликованные источники. Но на опубликованные материалы может опираться и журналистика. Принимая же ту или иную позицию, «Википедия» не просто оказывает влияние на общественное мнение, но является важнейшим современным фактором его формирования в том или ином направлении. По нашему мнению, статьи «Википедии» подтверждают то положение, что создать абсолютно нейтральный контент принципиально невозможно. И даже при постановке задачи создания текста, агрегирующего разные позиции, автор придерживается какой-то генеральной платформы. Отбор фактов, счита-

¹ Исследование качества информации в Википедии. URL: <https://habr.com/ru/post/535592/> (дата доступа: 02.01.2022).

² Заседание Совета по русскому языку. 5 ноября 2019 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата доступа: 20.11.2021).

³ Wikipedia is not a newspaper. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:Wikipedia_is_not_a_newspaper#:~:text=Wikipedia%20is%20not%20a%20newspaper%20or%20online%20news%20site.,current%20events%20in%20the%20world.&text=Wikipedia%20is%20an%20online%20encyclopedia,project%20dedicated%20to%20writing%20news. (дата доступа: 28.12.2021).

ющихся важными, первичная идентификация эмпирического материала – уже есть принятие определенной позиции. И то, что на эту позицию встает «Википедия», являющаяся источником информации для миллионов, оказывается важнейшим фактором доминирования соответствующей стороны дискуссии.

В условиях современных информационных войн «Википедия», на наш взгляд, не может не быть включена в той или иной степени в глобальный конфликт [Гарифуллин, 2018]. Если считать ключевой линией конфликтного разлома отношения Россия – Запад, то предположительно можно обнаружить различия в подходах к акторам этого конфликта в википедийных текстах [Багдасарян В.Э., Сильвестр (Лукашенко)].

Гипотеза исследования заключается в том, что в разных языковых версиях «Википедии» образ России имеет различное представление. Для проверки этой гипотезы были взяты википедийные статьи «Россия» на разных языках мира. В том случае, если «Википедии» действительно удалось реализовать императив нейтрального издания, то в целом контент на разных языках должен совпадать по характеру содержания. Если же данный проект ангажирован, то статьи «Россия» будут иметь расхождение в представлении ее образа в зависимости от языковой версии Энциклопедии. Предположительно, в языковых версиях, соотносимых со странами, находящимися в конфликтных отношениях с Россией, этот образ будет более негативным.

Целью исследования является, таким образом, выявление различий образных характеристик России в посвященных ей статьях разноязычных версиях Википедии.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является феномен «Википедии», рассматриваемый в качестве особого направления гражданской журналистики. Контекстом анализа этого феномена является современная ситуация глобального информационного противостояния в мире. Предметом рассмотрения выступают статьи «Википедии», посвященные России, находящиеся в разных языковых порталах Энциклопедии.

Ключевым исследовательским методом, сообразно с предметом изучения, выступает метод сравнительного контент-анализа. Проводилось сравнение содержания статей «Россия», размещенных в разных языковых разделах «Википедии».

Результаты исследования

Статья о России¹ в *русскоязычной* версии «Википедии» построена с акцентом на фактический материал при минимизации выводов, обобщений, оценок, характеристик. Этого минимума тем не менее достаточно для формирования положительного российского образа. Негативно трактуется единственный фрагмент в истории России – политика «большого террора», и как неоднозначные характеризуются реформы большевиков после прихода тех к власти и рыночные реформы начала 1990-х годов. Отсутствует полностью тема экспорта коммунизма СССР, характерная для либеральной критики советского проекта. По отношению к современному периоду истории России негативные оценки не используются, акцентируется внимание на успехах и достижениях. Указывается на неэффективность применения против России политики санкций. Внешняя политика Российской Федерации на современном этапе характеризуется реализацией принципов добрососедства, многовекторности, направленности на формирование модели многополярного мира, исключение диктата какого-либо государства или группы государств.

Признавая факт существования критики политики России на Западе, русскоязычная «Википедия» поддерживает точку зрения о конструктивности российского внешнеполитического курса. Отмечается особая способность России, ввиду исторически сложившегося этнокультурного многообразия, к межкультурному диалогу. В статье отсутствуют ка-

¹ Россия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F> (дата доступа: 20.11.2021).

кие-либо положения о российском колониализме, национальном угнетении или дискриминации в России.

Согласно позиции автора исследуемой статьи, значение российской культуры для мира проявилось, в «Википедии», когда мировая интеллектуальная элита отказалась от стереотипных взглядов на Россию как варварскую страну и стала воспринимать ее в качестве носителя определенного культурного образца. Это положение опосредованно указывает, что причины напряженности в отношениях России и Запада состоят в существовании западных стереотипов. В статье упоминается о российской философии, тяготеющей к целостному знанию¹.

Англоязычная статья о России в «Википедии»² уже с преамбулы задает ее образ как образ империалистического государства. Указывается, что рост российских территорий осуществлялся за счет завоеваний и аннексий. О фактах добровольного вхождения в состав России многих народов, искавших у нее защиты от перспективы геноцида со стороны врагов, ничего не сообщается. Также в преамбуле, где содержится главная аккумулированная информация о стране, заявляется, что при президентстве В.В. Путина произошел откат от демократии к авторитарному государству.

В противоречие с историческими фактами в статье утверждается, что после падения в 1453 году Константинополя Москва стала претендовать на наследство Восточной Римской империи. То, что практически возможностей у Московского княжества, продолжавшего еще выплачивать дань, для борьбы с Османской империей не существовало, не оставило автора в выстраивании концепта генезиса России как империалистического государства [Ульянов, 1994]. Интервенция сил Антанты в России связывается логически в тексте «Википедии» с подписанием большевиками Брест-Литовского мира, который не приняли антикоммунистические силы. И получилось, соответственно, что вторжение Запада являлось поддержкой русских патриотов, а не стремлением к собственным аннексиям.

Советская форсированная индустриализация характеризуется как «дорогостоящий переход» к промышленной модели развития, хотя затраты на его осуществление были гораздо меньше, чем в западных странах. Голод 1932–1933 годов связывается с жесткой государственной политикой, а количество жертв оценивается максимальной численностью без указания минимальной цифры в интервале оценок, существующих в историографии – 8,7 млн. При стремлении к нейтральности автор должен был указать наряду с максимальной и минимальную оценку, использование им только одной цифры говорит, по нашему мнению, об ангажированности текста.

Освещение Второй мировой начинается в статье с ввода советских войск в Польшу, Финляндию, Прибалтику и Румынию, что трактуется как вторжение и оккупация. Избравшие после войны советскую ориентацию государства определяются в статье сателлитами СССР³.

Применительно к современному периоду, воссоединение Крыма с Россией определяется понятием «аннексия». В статье сообщается о российском военном вмешательстве в сирийскую гражданскую войну, а не о помощи законному правительству Сирии в отражении террористической угрозы.

В разделе о правах человека и коррупции сложившийся в Российской Федерации режим характеризуется как клептократия. В отличие от русскоязычной «Википедии» ничего не сообщается об особых достижениях в межкультурных коммуникациях. Завершается англоязычная статья информацией о допинговых скандалах в российском спорте, представлением России в качестве главного нарушителя спортивных правил (треть всех изъятых МОК олимпийских медалей), что нивелирует ее успехи.

¹ Россия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F> (дата доступа: 20.11.2021).

² Russia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Russia> (дата доступа: 25.11.2021).

³ Russia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Russia> (дата доступа: 20.12.2021).

Другие статьи в «Википедии» на языках народов западных сообществ идут в фарватере англоязычной версии ¹.

В преамбуле *франкоязычной* статьи ² в «Википедии» содержатся обвинения в адрес Президента Российской Федерации В.В. Путина в авторитарном правлении, нарушении прав человека, коррупции и вмешательстве во внутренние дела других государств. Во вступительной части статьи указано на войну в Афганистане, ставшую, по мнению автора, одной из причин краха СССР. Другие причины при этом не названы, из чего следует, что Афганская война оценивается как важнейшая из них.

При изложении истории России особое внимание во франкоязычной версии отводится русскому крепостному праву. Подчеркивается, что закрепощение в России осуществлялось в то время, когда в Европе правовой статус крестьянина, напротив, эволюционировал. Россия, по оценке автора франкоязычной статьи, стала европейской страной посредством военных конфликтов XVIII–XIX веков. Получается, что объединило ее с Европой ни географическое положение, ни религия, ни культура, а силовое продвижение на Запад.

Резко негативно оценивается сталинский период в истории. Ключевыми явлениями в его характеристике определяются: осуществление репрессивной политики, массовая смертность в ГУЛАГе, культ личности, работа пропагандистской машины. Еще более тенденциозно, чем в англоязычной версии, излагается в википедийной статье о России на французском языке начало Второй мировой войны – согласно представленной в этой статье информации, Германия и СССР предприняли попытку раздела части Европы, а западные державы не нашли возможным этому противостоять.

Советский Союз объективно проигрывал, по оценке франкоязычной «Википедии», странам Запада. Разрыв уровней жизни между ними будто бы не сокращался, а возрастал. Начавшиеся при М.С. Горбачеве реформы вызвали рост национализма, трактуемый в статье ни как конфликты на периферии, а противоречие между русскими и национальными меньшинствами.

Раздел статьи по культуре открывается утверждением о зарождении русской литературы в Петербурге. Значительное место в статье уделяется советской политике разрушения храмов, а также хрущевскому функционализму в архитектуре ³.

В преамбуле *немецкоязычной* статьи ⁴ в «Википедии» утверждается, что современная Российская Федерация ведет свое происхождение от Великого княжества Московского. Купируется, таким образом, период истории российской государственности с IX по XIV века, относимый, очевидно, к истории Украины.

Современная политическая система России характеризуется как постдемократия. Обращается внимание на автократичность современной российской системы государственного управления. К признакам автократизации статья относит использование российским чиновничеством в положительном значении понятия «управляемая демократия». В действительности же во властном дискурсе России использовалось понятие «суверенная демократия», имеющая с понятием «управляемая демократия» принципиальные различия. Находится в преамбуле статьи и место для обвинения России в аннексии Крыма, которая будто бы и определила ее конфликт с Западом. Статья солидаризируется с позицией о нарушении российским правительством системы европейского мирного порядка ⁵.

В негативном ракурсе излагается история Русской Православной Церкви. Утверждается, что только этой Церкви в России давалась возможность заниматься религиозным прозелитизмом при ограничении в пользу православия других конфессий. Как стремление быть единственно возможной «версией» христианства трактуется распространение концепта «Москве – Третий Рим».

¹ Russia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Russia> (дата доступа: 2.01.2022).

² Russie. URL: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Russie> (дата доступа: 22.12.2021).

³ Russie. URL: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Russie> (дата доступа: 25.12.2021).

⁴ Russland. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Russland> (дата доступа: 20.11.2021).

⁵ Russland. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Russland> (дата доступа: 20.11.2021).

При этом немецкоязычная версия википедийной статьи о России – единственная, содержащая раздел о «русской душе». Однако «русская душа» раскрывается как следование определенным стереотипам. Ключевым среди них определяется идущий от общины коллективизм. Отмечается при этом, что после распада СССР среди образованной части российского общества начинают все более преобладать индивидуалистические установки. Побочным эффектом коллективизма в России назван феномен кумовства. В указанном разделе статьи приводится сенсационная и недостоверная информация о том, будто бы в стенах Государственной Думы в 2015 году шло обсуждение запрета преподавания в России иностранного языка. Как известно, российская образовательная политика, напротив, ориентирована на расширение языковой подготовки, и утверждение немецкоязычной «Википедии» является очевидным фейком¹.

Как и в других рассмотренных выше версиях «Википедии», немецкоязычная статья вменяет СССР вину за развязывание Второй мировой войны. Утверждается, что пакт Молотова – Риббентропа развязал руки А. Гитлеру в запланированном им нападении на Польшу, скоординированном со вторжением в восточно-польские земли Красной Армии. То, что соответствующее положение представлено в немецкоязычной «Википедии», соотносимой со страной, развязавшей мировую войну, показательно в плане отражения соответствующих политических тенденций в современной информационной войне против России.

Применительно к современной ситуации утверждается отсутствие в России конституционной легитимности и конституционной культуры. Слова Президента РФ о ручном управлении толкуются как стремление встать над законом. Российским властям приписывается намерение оправдать авторитаризм в качестве временной меры ограничения демократии. В осуждении воссоединения Крыма с Россией добавляется также утверждение, что с его правомерностью не согласны и в самой Российской Федерации².

Менее очевидной негативная тенденция представления российского образа обнаруживается в *италоязычной* версии статьи³ о России. С одной стороны, ее автор присоединяется к позиции, рассматривающей присоединение Крыма как российскую агрессию. Но с другой – он не соглашается с распространенной на Западе трактовкой реформ В.В. Путина как недемократических, указывая на то, что они реально поддерживаются большинством российского общества, связывающего с ними восстановление порядка, стабильности и прогресса в стране.

Особенностью представления истории России в италоязычной версии «Википедии» является значение, придаваемое монгольскому периоду. С ним связывается последующее отставание от Запада, развитие недемократических тенденций, проявившихся в западно-русских землях. Но в изложении истории советского периода автору италоязычной статьи удается выдержать двойственность подходов. При освещении Гражданской войны осуждаются за убийства и казни и красные, и белые. Сообщается и об интервенции в Россию и о поддержке антикоммунистических сил Антантой. Резко осуждается Сталин, но констатируется, что при нем страна была превращена из аграрной в «великую промышленную державу». Освещая распад СССР, подчеркивается, что ликвидация союзного государства была осуществлена вопреки волеизъявлению народа⁴.

Известно, что отношение в Италии к современной России несколько отличается в лучшую сторону от позиции, доминирующей в Европе в целом, хотя его и нельзя считать русофильским. Такое отношение корреспондируется и с содержанием статьи о России в «Википедии».

¹ Russland. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Russland> (дата доступа: 20.11.2021).

² Russland. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Russland> (дата доступа: 22.12.2021).

³ Russia. URL: <https://it.wikipedia.org/wiki/Russia> (дата доступа: 18.10.2021).

⁴ Russia. URL: <https://it.wikipedia.org/wiki/Russia> (дата доступа: 18.10.2021).

Испаноязычная статья о России в «Википедии» представляет совершенно другой образ России, нежели это делается в выше рассмотренных версиях. В ней нет информации ни о российской автократии, ни о российской внешней экспансии. Отсутствует также утверждение о нарушении в Российской Федерации прав человека. В представлении российской истории, к примеру, в трактовке политики Ивана Грозного, указывается, что он вел борьбу против иностранной интервенции. Нет однозначности в осуждении сталинского периода истории. В завершение обзора 1930-х годов сделан вывод, что, несмотря на большие потрясения, в это время была создана мощная индустриальная экономика, позволившая СССР выстоять во Второй мировой войне. Советский Союз не объявляется виновным во Второй мировой войне. Напротив, указывается на вынужденность заключения им компромисса с Германией после подписания Великобританией и Францией Мюнхенского соглашения. В сообщении о войне СССР с Финляндией указывается, что первоначально Советский Союз пытался решить проблему границ (отодвинуть их на 25 километров от Ленинграда) в преддверии грядущей большой войны дипломатическим путем и, только получив отказ, был вынужден прибегнуть к силовому решению.

Предельно корректно в испаноязычной версии освещается деятельность Президента России В.В. Путина без традиционных для западной публицистической риторики обвинений в авторитарности. В разделе об успехах российского спорта отсутствуют представленные в других википедийных статьях темы допинга ¹.

Объяснение столь нетипичной для современного западного контекста позиции испаноязычной «Википедии» состоит в том, что главный контингент ее пользователей составляют не испанцы (граждане страны – члена НАТО), а латиноамериканцы. В странах же Латинской Америки существует разное видение конфликта Россия – Запад и имеется значительный круг симпатизирующих российской позиции.

Ожидаемо в *сербоязычной* версии «Википедии» образ России представлен фактически без «черных пятен». Википедийная статья на сербском языке была взята для исследования преднамеренно в связи с дружественностью и духовной близостью Сербии и России. Нас интересовал вопрос, оказывает ли дружественность государств влияние на контент о стране в свободной энциклопедии. Анализ статьи «Россия» на сербском языке подтверждает такое влияние.

Российский исторический процесс представлен как вынужденная защита от врагов, возвращение собственных земель, освобождение других народов. Обвинения России в империалистичности совершенно отсутствуют. Подчеркивается, что российская государственность складывалась как многонациональная общность.

Ряд фактов о России, которые могли бы негативно быть восприняты на Западе, в статье купированы. Нет в ней, к примеру, упоминаний о советско-германском договоре 1939 года. Описание участия СССР во Второй мировой войны начинается непосредственно с нападения в 1941 году гитлеровской Германии. Нет также темы о присоединении Крыма. При этом только в сербоязычной статье о России, в отличие от всех рассмотренных статей на других языках, кроме русского, Крымский полуостров представлен на карте частью Российской Федерации ².

Выводы

Сравнительный анализ статей о России в «Википедии» на семи языках – русском, английском, французском, немецком, итальянском, испанском и сербском – приводит к заключению о том, что представления о России значительно отличаются в зависимости от языковой версии энциклопедии. Эта констатация дает основание не согласиться с позиционированием «Википедии» как нейтрального проекта. Политические и идеологические

¹ Rusia. URL: <https://es.wikipedia.org/wiki/Rusia> (дата доступа: 20.11.2021).

² Русија. URL: <https://sr.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%B8%D1%98%D0%B0> (дата доступа: 20.11.2021).

расхождения статей о России позволяют говорить о «Википедии» как особом виде гражданской журналистики.

Результаты исследования показали, что «Википедия» включена в мировые политические процессы и конфликты. Образ России в разноязыковых википедийных версиях связан с отношением к ней государств, на языках которых представлена соответствующая статья. В языковых версиях государств, находящихся с Россией в острой фазе информационного конфликта, этот образ преподносится в резко негативном ключе, на грани русофобии. Статьи на языках государств, имеющих дружественные или нейтральные отношения с Россией, дают ей более комплиментарные характеристики.

Ввиду значимости «Википедии» в современном обществе как информационного ресурса и справочного источника, негативизация в википедийных статьях России и российского государства представляется угрозой, требующей соответствующего вмешательства. Необходима постановка на международном уровне вопроса о политической ангажированности определенных разделов «Википедии» и выдвижение пакета предложений о формировании механизма интернациональной конвенциональности в отношении википедийных публикаций.

Список литературы

- Багдасарян В.Э. 2016. Антироссийские исторические мифы. СПб., Питер, 384 с.
- Багдасарян В.Э., Архимандрит Сильвестр (Лукашенко). 2022. Стратегия Александра Невского и цивилизационные трансформации XVIII века. М., Отчий дом, 272 с.
- Березина И.А. 2013. Новые формы журналистики во взаимодействии с гражданским обществом. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 1: 40–51.
- Володихин Д.М. 2001. Феномен фольк-хистори. В кн.: Мифы «новой хронологии». Материалы конференции на историческом факультете МГУ, г. Москва, 21 декабря 1999 года. Под ред. В.Л. Янина. М., SPSL-Русская панорама: 177–189.
- Гарифуллин Р.Р. 2018. Феномен неопределенности в Википедии и его роль в образовательной системе. В кн.: Человек в условиях неопределенности. Сборник научных трудов в 2-х т. Т. 2. Под ред. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. Самара, Самар. гос. техн. ун-т: 12–18.
- Жежко И.В. 2013. Гражданская журналистика как социальное действие: о роли новых медиа в общественном дискурсе США. *Социологический журнал*, 4: 160–175.
- Жолнерович П. 2018. Факт в Википедии и его интерпретация на сайтах (на примере персоналии «Короткевич, Владимир Семёнович»). В кн.: Мультимедийная журналистика. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, г. Минск, 1–2 марта 2018 года. Под ред. В.П. Воробьева. Минск, Изд. центр БГУ: 287–292.
- Красноярова О.В. 2013. Гражданская журналистика как стимул развития профессиональной журналистики. *Вопросы теории и практики журналистики*, 1: 121–125.
- Львович А.Ю. 2013. Сетевые информационные культуры как социальное явление. В кн.: Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти академика Э.П. Круглякова, г. Санкт-Петербург, 21–22 июня 2013 года. Под ред. С.В. Тихоновой. СПб., Изд-во ВВМ, 146–148.
- Медведева М.В. 2019. «Википедия» как один из ресурсов формирования имиджа политического субъекта современной России. В кн.: Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании. 3-й молодежный конвент. Материалы международной студенческой конференции, г. Екатеринбург, 14–16 марта 2019 года. Под ред. И.В. Красавина. Екатеринбург, Издательство Уральского университета: 589–592.
- Сущкевич В.А. 2021. Технология коллаборативного перевода при создании русскоязычного варианта статьи «Википедии». Магистерская диссертация. Екатеринбург, 140 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/106532/1/m_th_v.a.sushkevich_2021.pdf (дата обращения: 11.11.2021).
- Ульянов Н.И. 1994. Комплекс Филофея. *Вопросы истории*, 4: 152–162.
- Хлебникова Н.В. 2011. Общественные инициативы в медиапространстве гражданской журналистики. Дис. ... канд. филолог. наук. М., 197 с.

- Шнирельман В.А. 2003. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., Академкнига, 245 с.
- Bridgewater M. 2017. History Writing and Wikipedia. *Computers and Composition*, 45: 36–50. DOI: 10.1016/j.compcom.2017.06.005
- Kousha K., Thelwall M. 2017. News stories as evidence for research? BBC citations from articles, Books, and Wikipedia. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 68(8): 2017–2028. DOI: 10.1002/asi.23862
- Lewoniewski W. 2019. Measures for quality assessment of articles and infoboxes in multilingual Wikipedia. In: *Business Information Systems Workshops. BIS 2018. Lecture Notes in Business Information Processing*, vol. 339. Eds. W. Abramowicz, A. Paschke. N.Y., Springer, Cham: 619–633. DOI: 10.1007/978-3-030-04849-5_53
- Lewoniewski W., Wećel K., Abramowicz W. 2017. Analysis of References Across Wikipedia Languages. In: *Information and Software Technologies. ICIST 2017. Communications in Computer and Information Science*, vol. 756. Eds. R. Damaševičius, V. Mikašytė. N.Y., Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-67642-5_47
- Pooladian A., Borrego A. 2017. Methodological issues in measuring citations in Wikipedia: a case study. *Library and Information Science. Scientometrics*, Springer; *Akadémiai Kiadó*, 113(1): 455–464. DOI: 10.1007/s11192-017-2474-z
- Teplitskiy M., Lu G., Duede, E. 2017. Amplifying the impact of open access: Wikipedia and the diffusion of science. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 68(9): 2116–2127. DOI: 10.1002/asi.23687
- Todorovic M. 2018. From Diderot’s Encyclopedia to Wales’s Wikipedia: a brief history of collecting and sharing knowledge. *KSIO: Humanistički časopis za mlade istraživače*, 1: 132–145. DOI: 10.5281/zenodo.3235309

References

- Bagdasaryan V.E. 2016. *Antirossiyskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. SPb., Publ. Piter, 384 p.
- Bagdasaryan V.E., Arkhimandrit Sil'vestr (Lukashenko). 2022. *Strategiya Aleksandra Nevskogo i tsivilizatsionnye transformatsii XVIII veka* [Strategy of Alexander Nevsky and civilizational transformations of the 18th century]. M., Publ. Otchiy dom, 272 p. Pp. 161–169.
- Berezina I.A. 2013. New forms of journalism in cooperation with civil society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 1: 40–51 (in Russian).
- Volodikhin D.M. 2001. Fenomen fol'k-khystori [Folk history phenomenon]. In: *Mify «novoy khronologii»* [Myths of the “new chronology”]. Materials of the conference at the Faculty of History of Moscow State University, Moscow, December 21, 1999. Ed. V.L. Yanin. M., Publ. SPSL-Russkaya panorama: 177–189.
- Garifullin R.R. 2018. The phenomenon of uncertainty in wikipedia and its role in the educational system. In: *Chelovek v usloviyakh neopredelennosti* [Man in conditions of uncertainty]. *Sbornik nauchnykh trudov in 2 volumes*. Vol. 2. Ed. E.V. Bakshutova, O.V. Yusupova, E.Yu. Dvoynikova. Samara, Publ. Samar. gos. tekhn. un-t: 12–18.
- Zhezhko I.V. 2013. *Grazhdanskaya zhurnalistika kak sotsial'noe deystvie: o roli novykh media v obshchestvennom diskurse SShA* [Citizen Journalism as a Social Action: On the Role of New Media in US Public Discourse]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4: 160–175.
- Zholnerovich P. 2018. Fakt v Vikipedii i ego interpretatsiya na saytakh (na primere per-personalii «Korotkevich, Vladimir Semenovich») [Fact on Wikipedia and its interpretation on websites (on the example of the person “Korotkevich, Vladimir Semyonovich”)]. In: *Mul'timediynaya zhurnalistika* [Multimedia journalism]. Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, March 1–2, 2018. Minsk, Publ. Izd. tsentr BGU: 287–292.
- Krasnoyarova O.V. 2013. Citizen journalism as an impetus of development of professional journalism. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 1: 121–125.
- L'vovich A.Yu. 2013. *Setevye informatsionnye kul'ty kak sotsial'noe yavlenie* [Network information cults as a social phenomenon]. In: *Lzhenauka v sovremennom mire: mediasfera, vysshee obrazovanie, shkola* [Pseudoscience in the modern world: media sphere, higher education, school]. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Academician E.P. Kruglyakov, St. Petersburg, June 21–22, 2013. Ed. S.V. Tikhonova. SPb., Publ. Izd-vo VVM: 146–148.

- Medvedeva M.V. 2019. Wikipedia as a resource of formation of image of the political subject in Russia. In: *Mnogomernost' obshchestva: tsifrovoy povorot v gumanitarnom znanii. 3-y molodezhnyy convent [Multidimensionality of Society: Digital Turn in the Humanities. 3rd youth convention]. Materials of the International Student Conference, Yekaterinburg, March 14–16, 2019.* Ed. I.V. Krasavina. Ekaterinburg, Publ. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: 589–592.
- Sushkevich V.A. 2021. *Tekhnologiya kollaborativnogo perevoda pri sozdaniі russkoyazychnogo varianta stat'i «Vikipedii» [Technology of collaborative translation when creating a Russian version of a Wikipedia article].* Master's thesis. Ekaterinburg, 140 p. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/106532/1/m_th_v.a.sushkevich_2021.pdf (accessed: 11.11.2021).
- Ul'yanov N.I. 1994. *Kompleks Filofeya [Philotheus complex].* *Voprosy istorii*, 4: 152–162.
- Khlebnikova N.V. 2011. *Obshchestvennyye initsiativy v mediaprostranstve grazhdanskoй zhurnalistiki [Public initiatives in the media space of civil journalism].* Dis. ... cand. philolog. sciences. M., 197 p.
- Shnirel'man V.A. 2003. *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory Wars: Myths, Identity, and Politics in Transcaucasia].* M., Publ. Akademkniga, 245 p.
- Bridgewater M. 2017. *History Writing and Wikipedia.* *Computers and Composition*, 45: 36–50. DOI: 10.1016/j.compcom.2017.06.005
- Kousha K., Thelwall M. 2017. *News stories as evidence for research? BBC citations from articles, Books, and Wikipedia.* *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 68(8): 2017–2028. DOI: 10.1002/asi.23862
- Lewoniewski W. 2019. *Measures for quality assessment of articles and infoboxes in multilingual Wikipedia.* In: *Business Information Systems Workshops. BIS 2018. Lecture Notes in Business Information Processing*, vol. 339. Eds. W. Abramowicz, A. Paschke. N.Y., Springer, Cham: 619–633. DOI: 10.1007/978-3-030-04849-5_53
- Lewoniewski W., Węcel K., Abramowicz W. 2017. *Analysis of References Across Wikipedia Languages.* In: *Information and Software Technologies. ICIST 2017. Communications in Computer and Information Science*, vol. 756. Eds. R. Damaševičius, V. Mikašytė. N.Y., Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-67642-5_47
- Pooladian A., Borrego A. 2017. *Methodological issues in measuring citations in Wikipedia: a case study.* *Library and Information Science. Scientometrics*, Springer; *Akadémiai Kiadó*, 113(1): 455–464. DOI: 10.1007/s11192-017-2474-z
- Teplitskiy M., Lu G., Duede, E. 2017. *Amplifying the impact of open access: Wikipedia and the diffusion of science.* *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 68(9): 2116–2127. DOI: 10.1002/asi.23687
- Todorovic M. 2018. *From Diderot's Encyclopedia to Wales's Wikipedia: a brief history of collecting and sharing knowledge.* *KSIO: Humanistički časopis za mlade istraživače*, 1: 132–145. DOI: 10.5281/zenodo.3235309

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чекунова Марина Анатольевна, доцент кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Chekunova, Associate Professor of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 371.134

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-49-59

Образовательный путь в профессиональном становлении: от мечты к достижению цели

Асанова З. Р., Чалбаш Э.Р.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Россия, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, Учебный переулок, 8
E-mail: asanova.zarema@yandex.ua; celmaz@mail.ru

Аннотация. В условиях демократического государства каждый имеет право на выбор своего образовательного пути, который может быть разным. Само понятие «образовательный путь» в педагогических исследованиях не уточнено, однако можно выделить попытку анализа трактовок схожих дефиниций. Цель исследования – определить варианты образовательного пути в профессиональном становлении и условия, которые ведут к достижению образовательных целей. В ходе исследования определены возможные образовательные маршруты профессионального становления (на примере получения профессии педагога); изучен индивидуальный образовательный путь профессионального становления. Определено, что образовательный путь в профессиональном становлении – это процесс перемещения в образовательном пространстве образовательных организаций среднего профессионального и/или высшего образования с целью получения профессионального образования, в результате которого происходит формирование соответствующих компетенций (универсальных, общепрофессиональных и профессиональных). Анализ образовательного пути профессионального становления на основе ретроспективной рефлексии позволяет отметить некоторую преемственность между разными уровнями образования и отдельными направлениями подготовки. Сформированные навыки самоорганизации могут привести к исполнению мечты и достижению цели в профессиональном становлении.

Ключевые слова: образовательный путь, образовательный маршрут, образовательная траектория, профессиональное становление, образовательная цель, мечта, самоорганизация, педагог

Для цитирования: Асанова З.Р., Чалбаш Э.Р. 2022. Образовательный путь в профессиональном становлении: от мечты к достижению цели. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(1): 49–59. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-49-59

Educational Path in Professional Development: from a Dream to Achieving a Goal

Zarema R. Asanova, Elmaz R. Chalbash

Crimean Engineering and Pedagogical University of Fevzi Yakubov,
8 Uchebnyperuolok, Simferopol, Republic Crimea 295015, Russia
E-mail: asanova.zarema@yandex.ua; celmaz@mail.ru

Abstract. In the Russian Federation, due to the adaptability of the education system to the level of training, peculiarities of development, abilities and interests of a person, it is possible to build an individual educational route throughout life in accordance with the needs of the individual. The very concept of «educational path» in pedagogical research has not been clarified. The purpose of the study is to determine the options of the educational path in professional development and the conditions that lead to the achievement of educational goals. In the course of the study, the concept of «educational path» was

concretized; possible educational routes of professional formation were determined (by the example of obtaining the profession of a teacher); the individual educational path of professional formation was studied and analyzed. It is determined that the educational path in professional formation is the process of moving in the educational space of educational organizations of secondary vocational and/or higher education in order to obtain professional education, as a result of which the formation of appropriate competencies (universal, general professional and professional) takes place. The analysis of the individual educational path of professional formation on the basis of retrospective reflection allows us to note some continuity between different levels of education (basic general education, secondary general education, secondary vocational education, higher education) and individual areas of training (vocational education, pedagogical education). The formed skills of self-organization (observance of the school day regime, planning of educational activities, conducting study notes, searching and filtering additional educational information, introspection of educational activities) can lead to the fulfillment of dreams and the achievement of goals in professional development.

Keywords: educational path, educational route, educational trajectory, professional formation, educational goal, dream, self-organization, teacher

For citation: Asanova Z.R., Chalbash E.R. 2022. Educational Path in Professional Development: from a Dream to Achieving a Goal. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(1): 49–59 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-49-59

Введение

В РФ, благодаря адаптивности системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека¹, существует возможность построения индивидуального образовательного маршрута в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности. В условиях демократического государства каждый имеет право на выбор своего образовательного пути, который может быть разным. У многих он начинается с детского сада, школы и заканчивается получением профессии. У кого-то проходит гладко, постепенно, один образовательный уровень, накладывается на другой, а у кого-то – с перерывами и/или скачками из одного направления в другое.

В современной педагогике используются понятия «образовательный путь», «образовательный маршрут», «образовательная траектория». Так, преподаватели Тюменского государственного университета (С.М. Герцен, Л.В. Скороходова, О.Е. Сухарева, Л.Ю. Фетисова, Л.В. Шилова), в котором образовательное пространство основано на концепции индивидуальных образовательных траекторий, оперируют ими в своих научных публикациях: понятие «индивидуальная образовательная траектория» раскрывают через «образовательный маршрут» или «образовательный путь» [Герцен и др., 2019; Шилова, Фетисова, 2020]. М.А. Шеманаева [2017], анализируя суть дефиниций «индивидуальная образовательная траектория» и «индивидуальный образовательный маршрут», не считает их тождественными, обосновывая, что первое понятие включает в себя второе.

Анализ публикаций позволяет утверждать, что многие современные ученые, так же как и Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк [2014], рассматривают образовательную траекторию как условие индивидуализации профессионального становления личности в пространстве непрерывного образования. Индивидуальная образовательная траектория определяется как представление личности о процессе и результате образования, описанном в индивидуальной образовательной программе, для реализации которой составляется индивидуальный образовательный план последовательных действий обучающегося [Краснощок, 2018]. Построение индивидуальной образовательной траектории может меняться в связи с изменением подходов к личностному и профессиональному потенциалу будущего специалиста

---

¹ Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). Статья 3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 24.01.2022)

[Belousova et al., 2020; Klieba et al., 2020]. Под индивидуальным образовательным маршрутом И.В. Сутеева [2012], понимает замысел обучающегося относительно его собственного продвижения в образовании, который может осуществляться не только в высшей школе, но и в рамках получения среднего образования. Понятие «образовательный путь» встречается в работах Т.Ю. Кротенко [Кротенко, 2020; Кротенко и др., 2021], которая связывает его со специально разработанным маршрутом, где отмечены станции и остановки, представляющие интерес природного, технического либо культурного характера.

Цель исследования – определить варианты образовательного пути в профессиональном становлении и условия, которые ведут к достижению образовательных целей.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования стал образовательный путь профессионального становления, начинающийся с мечты, которая затем была трансформирована в цель.

Одной из задач исследования была конкретизация понятия «образовательный путь». Для решения поставленной задачи использовались методы анализа научных публикаций, сравнение трактовки синонимичных понятий («образовательный путь», «образовательный маршрут», «образовательная траектория»). Вторая задача заключалась в определении возможных образовательных маршрутов профессионального становления педагога, для чего были проанализированы структура системы образования в РФ; результаты, которые можно получить, окончив каждый образовательный уровень; условия для перехода на новый образовательный уровень. В рамках решения третьей задачи изучался индивидуальный образовательный путь профессионального становления, который начинался с мечты о профессии воспитателя. Образовательный путь был разбит на этапы, каждый из которых анализировался по критериям: пункт отправления, цель на данном этапе, мотивы выбора обозначенного маршрута, принятое решение и результат обучения. Также были обозначены препятствия, которые встречались на пути к мечте. Последней задачей стало определение способов достижения образовательных целей в профессиональном становлении.

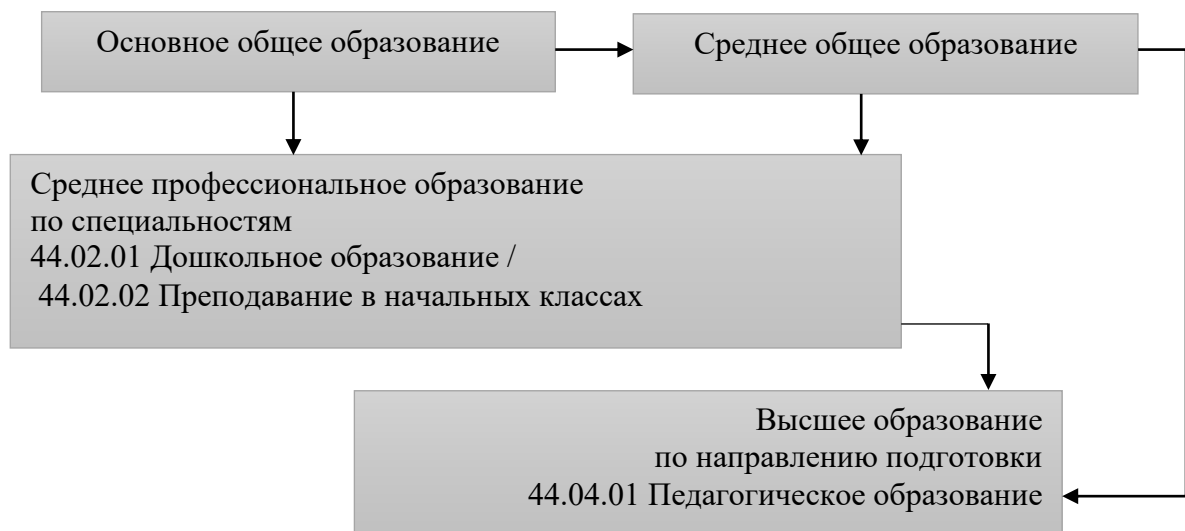
Результаты и их обсуждение

1. Конкретизация понятия «образовательный путь». Если рассматривать образовательный путь как специально разработанный маршрут, то жизнь человека представляется как путешествие, в котором он узнает много нового и интересного, познает окружающий мир, учится с ним взаимодействовать. Благодаря такому путешествию, в котором существенное место занимает образование, происходит становление личности, а затем и непрерывное ее совершенствование. Сравнение образовательного пути с путешествием объясняется тем, что путешественник, то есть, обучающийся, ступает по образовательному пространству, выбрав свой определенный путь. При этом на пути он задействует все возможные средства для достижения своей цели, иногда делает неизбежные остановки в обучении или вовсе двигается в другом направлении, справляется с возникшими проблемами и решает вновь поставленные задачи. Образовательное пространство может меняться, и со временем приходит понимание – насколько масштабным, обширным оно может быть, какое большое влияние оказывает на выбранный образовательный путь. В связи с этим образовательный путь в профессиональном становлении рассматриваем как процесс перемещения в образовательном пространстве образовательных организаций среднего профессионального и/или высшего образования с целью получения профессионального образования, в результате которого происходит формирование соответствующих компетенций (универсальных, общепрофессиональных и профессиональных). Сравнение синонимичных понятий позволяет конкретизировать, что в процессе перемещения по образовательному пути обучающийся может выстраивать образовательный маршрут, определяя направления движения по образовательным уровням, отмечая пункты начала и конца, а

также очерчивать индивидуальную образовательную траекторию, учитывая собственные интересы и возможности образовательной организации.

2. Разнообразие вариантов образовательного пути в профессиональном становлении. Анализируя различные трактовки образовательного пути, стоит отметить, что многие исследователи соотносят образовательный путь с персональным выбором, который впоследствии позволяет реализовать личный потенциал, определенный талант обучающегося в процессе обучения и даст возможность двигаться дальше к достижению своей цели.

Рассмотрим образовательный путь, который начинается с мечты о педагогической профессии. Чаще всего мечта стать воспитателем или учителем появляется у ребенка, когда он знакомится с представителями данной профессии в детском саду и школе. Также на возникновении данной мечты может оказать близкий родственник (например, мама, бабушка, тетя), который работает в образовательной сфере. Мечта становится осознанной целью, когда приходится задуматься о выборе своей будущей профессии (9–11 кл.). На рисунке представлены возможные варианты образовательного пути в профессиональном становлении педагога. Несмотря на вариации, это прямой образовательный маршрут.

Варианты образовательного пути в профессиональном становлении педагога
Variants of the educational path in the professional formation of a teacher

3. Ретроспективная рефлексия индивидуального образовательного пути в профессиональном становлении. Используя метод ретроспективной рефлексии, предложенный [Колесникова, 2017], покажем, что от мечты к цели стать педагогом может лежать и «извилистый» образовательный путь.

Первый этап образовательного пути в профессиональном становлении «От школы до получения первой профессии».

Пункт отправления – 11 класс.

Мечта стать воспитателем связана с тем, что деятельность педагога всегда была и остается важной в судьбе каждого человека: хороший воспитатель, помимо того, что дает знания детям, оставляет добрый след в душе растущего поколения, формирует их как личность [Максименко, 2017].

Препятствие на пути к мечте: 1) проблемы с биологией, которую необходимо сдавать при поступлении по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование»; 2) проблема жилья и расстояния (например, Симферополь – с. Почтовое Бахчисарайского района) до инженерно-педагогического колледжа, который принимает по специальности 44.02.01 «Дошкольное образование».

Выбор на данном этапе образовательного пути был между тем, чтобы в течение года усиленно готовиться к вступительным экзаменам по необходимым учебным предметам для поступления в университет на воспитателя или же поступить сразу после окончания школы, но на другую специальность.

Решение: страх потерять безрезультатно один год и сомнения осилить биологию перевесили чашу весов, поэтому было принято решение подать документы в Симферопольский колледж сферы обслуживания и дизайна, специальность «Закройщик, портной».

Мотив выбора – любовь к рукоделию, понимание того, что выбранная специальность поможет не только в возможной профессиональной деятельности, но и в обычной жизни.

Результат – диплом о среднем профессиональном образовании с квалификацией «закройщик», свидетельство с квалификацией «портной», опыт работы в ателье.

Второй этап образовательного пути в профессиональном становлении «От колледжа до получения высшего образования».

Пункт отправления – заключительный второй курс колледжа.

Цель – получить высшее педагогическое образование.

Выбор – между направлением 44.03.01 «Педагогическое образование» и 44.03.04 «Профессиональное обучение».

Препятствие на пути к мечте – неуверенность в своих способностях для поступления в университет по профилю «Дошкольное образование».

Решение – поступить в Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова по направлению подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение», профиль «Декоративно-прикладное искусство и дизайн», профилизация «Технология и дизайн одежды».

Мотив выбора – окончание колледжа стало крепким фундаментом для продолжения обучения в университете по схожему направлению подготовки; знания, полученные в колледже, дали уверенность на вступительном экзамене, а в дальнейшем и в учебной деятельности.

Результатом обучения является диплом о высшем образовании, сформированные общие и профессиональные компетенции в области профессиональной педагогики, получение опыта педагогической деятельности в ходе практики.

Третий этап образовательного пути в профессиональном становлении «От бакалавра до магистра».

Пункт отправления – университет (уровень образования – бакалавр).

Цель – получить диплом магистра по дошкольному образованию. На данном этапе мечта трансформируется в цель, которая реализуется.

Выбор был между тем, чтобы сделать перерыв в обучении или поступить в магистратуру (магистерская программа «Управление дошкольным образованием» / «Методическое сопровождение в дошкольном образовании»).

Препятствие – отсутствие базовых знаний и умений в сфере дошкольного образования. Но наличие диплома о высшем образовании по схожему направлению подготовки, знаний, полученные на бакалавриате, из области общей педагогики и психологии придавали уверенности.

Решение – вернуться к своей мечте и продолжить обучение в магистратуре уже по любимой профессии.

Мотив выбора. Осознанное решение стать воспитателем связано с любовью к детям и желанием научиться работать с детьми дошкольного возраста.

Поступление в магистратуру (магистерская программа «Методическое сопровождение в дошкольном образовании») дало возможность реализовать свою мечту, но вместе с этим появились и размышления над проблемой – как справиться с тем, что нет базовых знаний по дошкольному образованию.

Несмотря на то, что профили «Декоративно-прикладное искусство и дизайн» («Технология и дизайн одежды») (бакалавриат) и «Дошкольное образование» (магистратура)

разные, направления подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение»¹ и 44.03.01 «Педагогическое образование»² перекликаются и охватывают изучение общих вопросов педагогики, особенностей сферы образования и педагогической деятельности. Есть точки соприкосновения в разных программах, на которые можно опереться и идти дальше в своем образовательном пути к поставленным целям, опираясь на уже сформированные компетенции [Чеботарева, 2020]. Сравнительный анализ компетенций по двум направлениям подготовки (ст. таблицу), позволяет сделать вывод, что сформированность общих универсальных и общепрофессиональных компетенций дает возможность продолжить успешно обучение в рамках магистерской программы «Методическое сопровождение в дошкольном образовании».

Сравнение компетенций
 Comparison of competencies

44.03.04 «Профессиональное обучение»	44.03.01 «Педагогическое образование»
<i>Универсальные компетенции (УК)</i>	
Системное и критическое мышление; разработка и реализация проектов; командная работа и лидерство; коммуникация; межкультурное взаимодействие; самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение); безопасность жизнедеятельности.	
<i>Общепрофессиональные компетенции (ОПК)</i>	
Правовые и этические основы профессиональной деятельности; разработка основных и дополнительных образовательных программ; совместная и индивидуальная учебная и воспитательная деятельность обучающихся; построение воспитывающей образовательной среды; контроль и оценка формирования результатов образования; психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности; взаимодействие с участниками образовательных отношений; научные основы педагогической деятельности	
<i>Профессиональные компетенции</i>	
СПОи/или ДПП	ДО
ПК-1 – Способен реализовать программы профессионального обучения, СПО и/или ДПП по учебным предметам, курсам, дисциплинам (модулям), практикам.	ПК-1 – Способен к участию в коллективной работе по проектированию и реализации образовательных программ развития и воспитания обучающихся
ПК-2 – Способен разрабатывать, обновлять программное и учебно-методическое обеспечение учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практик и планировать занятия.	ПК-2 – Способен реализовывать образовательные программы в соответствии с требованиями ФГОС ДО
ПК-3 – Способен решать задачи воспитания, развития и мотивации обучающихся в учебной, учебно-профессиональной, проектной, научной и иной деятельности по программам СПО и(или) ДПП	ПК-3 – Способен к реализации различных видов деятельности детей дошкольного возраста
...	...

¹ Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.04 Профессиональное обучение (по отраслям). 2018б. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. N 124 (ред. от 08.02.2021). URL: [https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-04-professionalnoe-obucheniye-po-otraslyam-124_\(дата обращения: 24.01.2022\)](https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-04-professionalnoe-obucheniye-po-otraslyam-124_(дата обращения: 24.01.2022)).

² Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. 2018. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22.02.2018 N 121 (ред. от 08.02.2021). URL: [https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-121_\(дата обращения: 24.01.2022\)](https://fgos.ru/fgos/fgos-44-03-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-121_(дата обращения: 24.01.2022)).

Однако для достижения *результата* необходима дополнительная усиленная подготовка по дошкольной педагогике и соответствующим методикам, которую можно получить как при прослушивании лекционного материала, так и в процессе самостоятельной работы при подготовке к семинарским и практическим занятиям, олимпиаде, во время прохождения учебных и производственных практик, участия в научно-практических конференциях.

4. Самоорганизация учебной деятельности на всех этапах образовательного пути как способ достижения цели в профессиональном становлении. В профессиональном становлении важна самореализация творческого потенциала личности, сформированная способность ставить цели и решать задачи в определенных условиях, готовность к гибкой смене профессии, системного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков [Мірошник, 2016; Замфереско, 2017]. Осмысление индивидуального образовательного пути позволяет утверждать, что в достижении цели и получении необходимого результата важную роль играет самоорганизация учебной деятельности.

1. *Режим учебного дня.* Объем учебной информации постоянно растет, поэтому рекомендуется следить и корректировать режим дня, учитывая нагрузку обучения. Режим дня должен сочетать в себе умственную и физическую нагрузку с рациональным подходом, необходимо учитывать время отдыха, сна, а также правильного питания. Засыпать и просыпаться следует в одно и то же время каждый день.

2. *Планирование учебной деятельности.* Для планирования рекомендуются некоторые полезные приложения с заметками для различных гаджетов, чтобы было удобно вести расписание дня, расписание занятий, с вечера готовить список дел на следующий день (EverNote, Microsoft OneNote, Google Keep).

Для рационального использования своего времени следует обратиться к матрице Эйзенхауэра, в основе которой лежит принцип Парето, он формируется как «20 % усилий дают 80 % результата». Эйзенхауэр нашел способ улучшить этот принцип. В итоге он представил матрицу в виде квадрата, которая разделена двумя пересекающимися осями на 4 сектора. Вертикальную ось можно изобразить как «важность», горизонтальную – как «срочность».

Сектор А – пересечение осей «важно» и «срочно», это означает, что всю работу необходимо сделать прямо сейчас. Сюда попадают приоритетные задачи и дела, требующие срочного вмешательства. Они имеют краткие сроки и должны выполняться прежде всего остального и лично. Суть этого пересечения состоит в том, что он должен быть в идеале пустым, а если в нем записаны срочные дела и их множественное количество, то работа ведется непродуктивно, приоритеты явно не расставляются и делу мешает банальная лень.

Сектор В – «не срочно, но важно». Для Эйзенхауэра именно сектор В имел большое значение. Чтобы вовремя выполнить задание, какое-то дело или задачу, нужно в определенный момент записать ее в сектор, это позволит выполнять все уверенно и поэтапно, не запутываясь в задачах, и не думая, что нет времени на ее осуществление. При этом задачи имеют определенный срок сдачи и тоже выполняются лично.

Сектор С – «срочно, но неважно». В этот сектор относят телефонные звонки, электронные письма и планирование встреч и мероприятий, которые можно делегировать. Это дела, которые мешают сосредоточиться на более важных и серьезных задачах прямо сейчас, поэтому их нужно скорее устранить и решить.

Сектор D – «не срочно, не важно». Дела из этого сектора оказывают неблагоприятное влияние на всю работу в целом, и могут привести к потере результата. Они забирают много времени, мешают выполнению более срочных и важных дел, и являются необязательными.

К ним можно отнести какие-либо развлечения, которые не приносят пользы. Эйзенхауэр называл такие дела «пожирателями времени» [Давыдова, Богославец, 2020, с. 45].

Все это влияет на самоорганизацию, поэтому важно планировать учебную деятельность и следовать матрице тайм-менеджмента Эйзенхауэра.

3. *Ведение учебных конспектов.* Для повышения эффективности обучения рекомендуются различные методики ведения конспекта. Распространенным методом ведения конспекта является метод Корнелла, который предполагает разделение записей конспекта на три колонки – левую, правую и нижнюю. В колонке справа рекомендуется делать заметки с пройденных лекций или работы с учебными пособиями. Чаще всего они содержат основные идеи текста или лекции. Запись должна быть короткой и понятной. На замену длинных предложений можно применить символы или сокращения. Для левой колонки конспекта характерны другие записи – это могут быть вопросы, возникшие после лекции, ключевые слова или понятие, а также план. Стоит сделать заметку, если требуется более глубокое изучение материала. Для подведения итога и обобщения пройденного материала служит нижняя часть страницы. В этот раздел полагается добавить определенные термины и формулы [Минько, 2001, с. 20].

Помимо этого, рекомендуется использовать закладки по конспекту для быстрого поиска страницы и стикеры (наклейки) для записи тезисов или важных моментов.

4. *Организация поиска и фильтрации дополнительной учебной информации* – хороший способ расширить и обогатить свои знания. Можно найти литературу по теме, интересные научные статьи и другие источники информации, чтобы лучше понимать учебный материал. К примеру, можно пользоваться электронными библиотечными системами, научными электронными библиотеками для поиска информации (ЭБС «Лань», НЭБ «eLIBRARY.ru», «КиберЛенинка»).

5. *Самоанализ* – по окончании каждого занятия нужно проследить личный прогресс, понимать, что нового вы узнали и чего смогли добиться. Самоанализ позволяет не допустить в будущем ошибок, которые были допущены, совершенствовать навыки и поднимать свой уровень выше прежнего.

Выделяют три вида рефлексии, которые обучающийся может применять на своем образовательном пути для достижения цели:

1) ситуативная рефлексия – характеризуется реакцией на происходящие события. Содержит в себе возможность анализировать свою деятельность. В соответствии с изменяющимися условиями позволяет контролировать и ориентировать действия;

2) ретроспективная рефлексия – выражается анализом и оценкой собственной деятельности, которая была выполнена в прошлом. Такой вид рефлексии требует более детального описания отдельных этапов жизни или деятельности и может включать в себя определенные мотивы, условия и причины собственных действий. Ретроспективная рефлексия позволяет узнать и определить причину результативной или безуспешной деятельности, обнаружить ошибки и провести работу над ними для дальнейшего профессионального становления;

3) проспективная рефлексия – отличается от других видов рефлексии тем, что события и действия еще не произошли. Данный вид рефлексии содержит лишь рассуждение, планирование собственной деятельности, пути ее реализации и предсказывание ошибок и успеха [Александрова, Буракова, 2018, с. 39].

Следует задаваться вопросами согласно карточке рефлексии:

Я узнал...

Я понял...

Я научился...

Основные трудности/проблемы были связаны с...

Заключение

В условиях постоянного увеличения объема информации, когда человек вынужден постоянно обогащать свои знания, образовательный путь может быть длиною всю жизнь. Образовательный путь в профессиональном становлении чаще всего проходит через образовательные организации среднего профессионального и высшего образования, проложить маршрут к которым можно только при условии освоения основного и/или среднего общего образования. Наблюдается определенная преемственность между разными уровнями образования (основное общее образование, среднее общее образование, среднее профессиональное образование, высшее образование) и отдельными направлениями подготовки (например, «Профессиональное обучение» и «Педагогическое образование»).

На образовательном пути могут возникать сложности и затруднения, так как достижение цели в профессиональном становлении достаточно трудоемкий процесс. Однако сформированные навыки самоорганизации (соблюдение режима учебного дня, планирование учебной деятельности, ведение конспектов, организация поиска и фильтрации дополнительной учебной информации, самоанализ учебной деятельности) могут привести к осуществлению мечты и достижению целей в профессиональной деятельности.

Список литературы

- Александрова Т.И., Буракова Е.А. 2018. Развитие рефлексии как профессионально-значимого качества личности студента – будущего учителя. В кн.: Мотивация и рефлексия личности: теория и практика. Сборник научных трудов. Под ред. Е.Н. Ткач. Хабаровск, Издательство Тихоокеан. гос. ун-та: 37–41.
- Герцен С.М., Сухарева О.Е., Скороходова Л.В. 2019. Индивидуальные образовательные траектории в формировании межкультурной компетентности студентов вуза. Высшее образование сегодня, 10: 57–61. DOI: 10.25586/RNU.NET.19.10.P.57
- Давыдова О.И., Богославец Л.Г. 2020. Тайм-менеджмент руководителей организаций дошкольного и дополнительного образования. Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет, 148 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/108866.html> (дата обращения: 20.01.2022).
- Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. 2014. Индивидуальные образовательные траектории в системе непрерывного образования. Педагогическое образование в России, 3: 74–82.
- Колесникова И.А. 2017. Опыт ретроспективной рефлексии индивидуального образовательного пути. Непрерывное образование: XXI век, 4 (20). URL: <https://i1121.petsu.ru/journal/article.php?id=3726> (дата обращения: 20.01.2022). DOI: 10.15393/j5.art.2017.3726
- Кротенко Т.Ю. 2020. Поиск и выбор образовательного пути. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, 1(43): 193–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-i-vybor-obrazovatel'nogo-puti> (дата обращения: 20.01.2022).
- Кротенко Т.Ю., Кануникова М.И., Лесникова О.В. 2021. Образовательное путешествие: поиск и выбор пути. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, 1(51): 288–293. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'noe-puteshestvie-poisk-i-vybor-puti> (дата обращения: 20.01.2022). DOI: 10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.045
- Максименко Ю.С. 2017. Образ учителя в современном обществе. Концепт, 39: 3351–3355. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970997.htm> (дата обращения: 20.01.2022).
- Минько Э.В. 2001. Методы и техника ускоренного конспектирования и чтения. СПб., СПбГУАП, 98 с.
- Сутеева И.В. 2012. Модель индивидуального образовательного маршрута в рамках исследовательской деятельности обучающегося. Ярославский педагогический вестник, 4: 217–221.
- Чеботарева И.И. 2020. Индивидуальный образовательный маршрут как способ реализации лично-ориентированного подхода в системе современного образования. Молодой ученый, 4 (294): 329–331.

- Шеманаева М.А. 2017. О трактовках термина «индивидуальная образовательная траектория». Концепт, S12: 43–47. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470154.htm> (дата обращения: 20.01.2022).
- Шилова Л.В., Фетисова Л.Ю. 2020. Индивидуальная образовательная траектория обучения студента как инновационная модель профессионального и личностного развития. Высшее образование сегодня, 7: 40–43. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.07.P.40
- Belousova N.A., Korchemkina Yu.V., Makhmutova L.G., Fortygina S.N. 2020. The individual educational trajectory as a means for the formation of students' informational-analytical skills in a digital educational environment. Revista Espacios. Educación. Education. Educação, 41(39): 261–270. Available at: <https://www.revistaespacios.com/a20v41n39/a20v41n39p19.pdf> (accessed: 20.01.2022).
- Замфереско О.О. 2017. Особистісно орієнтований вимір професійної освіти. У кн.: Гуманітарний дискурс суспільних проблем: минуле, сучасне, майбутнє. Матеріали Міжвузівської наукової конференції молодих науковців, курсантів, студентів та слухачів, м. Черкаси, 19 квітня 2017 рік. Під ред. Т.Д. Чубіної. Черкаси, ЧПБ імені Героїв Чорнобиля НУЦЗ України: 51–52.
- Klieba A.I., Bludova Yu.O., Galushko N.A., Pavlova O.H., Pylypenko N.V. 2020. Construction of an Individual Educational Trajectory as a Way to Reveal the Personal and Professional Potential of a Future Teacher. International Journal of Higher Education, 9(7): 73–83.
- Краснощок І.П. 2018. Індивідуальна освітня траєкторія студента: теоретичні аспекти організації. У кн.: Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах. Зб. наук. пр. Вип. 60, т. 1. Під ред. А.В. Сущенко. Запоріжжя, КПУ: 101–107.
- Мірошник С.І. 2016. Професійний розвиток педагога: сучасні підходи. Народна освіта, 2(29). URL: https://www.narodnaosvita.kiev.ua/?page_id=4133 (дата звернення: 20.01.2022).

References

- Aleksandrova T.I., Burakova E.A. 2018. Rftlxion development as important professional part of personality of teacher to be. In: Motivatsiya i refleksiya lichnosti: teoriya i praktika [Motivation and reflection of personality: theory and practice]. Sbornik nauchnykh trudov. Ed. E.N. Tkach. Khabarovsk, Publ. Izdatel'stvo Tikhookean. gos. un-ta: 37–41.
- Gertsen S.M., Sukhareva O.E., Skorokhodova L.V. 2019. Individual'nye obrazovatel'nye traektorii v formirovanii mezhkul'turnoy kompetentnosti studentov vuza [Individual educational trajectories in the formation of intercultural competence of university students]. Vyssee obrazovanie segodnya, 10: 57–61. DOI: 10.25586/RNU.HET.19.10.P.57
- Davydova O.I., Bogoslavets L.G. 2020. Taym-menedzhment rukovoditeley organizatsiy doshkol'nogo i dopolnitel'nogo obrazovaniya [Time management of heads of organizations of preschool and additional education]. Barnaul, Publ. Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 148 p. Available at: <https://www.iprbookshop.ru/108866.html> (accessed: 20.01.2022).
- Zeer E.F., Symanyuk E.E. 2014. Individual educational trajectories in the system of continuous education. Pedagogical Education in Russia, 3: 74–82. (in Russian)
- Kolesnikova I.A. 2017. On retrospective reflection of the individual educational way. Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek, 4 (20). Available at: <https://i1121.petsu.ru/journal/article.php?id=3726> (accessed: 20.01.2022). DOI: 10.15393/j5.art.2017.3726
- Krotenko T.Yu. 2020. Finding and choosing an educational path. Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya, 1 (43): 193–197. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-i-vybor-obrazovatel'nogo-puti> (accessed: 20.01.2022).
- Krotenko T.Yu., Kanunikova M.I., Lesnikova O.V. 2021. Educational journey: search and select a path. Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya, 1 (51): 288–293. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnoe-puteshestvie-poisk-i-vybor-puti> (accessed: 20 yanvarya 2022). DOI: 10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.045
- Maksimenko Yu.S. 2017. Obraz uchitelya v sovremennom obshchestve [The image of the teacher in modern society]. Kontsept, 39: 3351–3355. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/970997.htm> (accessed: 20.01.2022).
- Min'ko E.V. 2001. Metody i tekhnika uskorennoy konspektirovaniya i chteniya [Methods and techniques for rapid note taking and reading]. SPb., Publ. SPbGUAP, 98 p.
- Suteeva I.V. 2012. A model of the individual educational route within pupils' research activity. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 2(4): 117–121. (in Russian)

- Chebotareva I.I. 2020. Individual'nyy obrazovatel'nyy marshrut kak sposob realizatsii lichnostno orientirovannogo podkhoda v sisteme sovremennogo obrazovaniya [Individual educational route as a way to implement a student-centered approach in the system of modern education]. *Molodoy uchenyy*, 4 (294): 329–331.
- Shemanaeva M.A. 2017. O traktovkakh termina «individual'naya obrazovatel'naya traektoriya» [On the interpretation of the term "individual educational trajectory"]. *Kontsept*, S12: 43–47. Available at: <http://e-kontsept.ru/2017/470154.htm> (accessed: 20.01.2022).
- Shilova L.V., Fetisova L.Yu. 2020. Individual educational trajectory of a student as an innovative model of professional and personal development. *Vyssee obrazovanie segodnya*, 7: 40–43. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.07.P.40
- Belousova N.A., Korchemkina Yu.V., Makhmutova L.G., Fortygina S.N. 2020. The individual educational trajectory as a means for the formation of students' informational-analytical skills in a digital educational environment. *Revista Espacios. Educación. Educação*, 41(39): 261–270. Available at: <https://www.revistaespacios.com/a20v41n39/a20v41n39p19.pdf> (accessed: 20.01.2022).
- Zamferesko O.O. 2017. Osobistisno orientovaniy vimir profesiynoi osviti [Personality-oriented dimension of vocational education]. In: *Gumanitarniy diskurs suspil'nikh problem: minule, suchasne, maybutne* [Humanitarian discourse of social problems: past, present, future]. *Materiali Mizhvuzivs'koï naukovoï konferentsii molodikh naukovtsiv, kursantiv, studentiv ta slukhachiv*, m. Cherkasi, 19 kvitnya 2017 r. Ed. T.D. Chubina. Cherkasi, Publ. CHIPB imeni Geroïv Chornobilya NUTsZ Ukraini: 51–52. (In Ukrainian)
- Klieba A.I., Bludova Yu.O., Galushko N.A., Pavlova O.H., Pylypenko N.V. 2020. Construction of an Individual Educational Trajectory as a Way to Reveal the Personal and Professional Potential of a Future Teacher. *International Journal of Higher Education*, 9(7): 73–83.
- Krasnoshchok I.P. 2018. Individual'na osvitnya traektoriya studenta:teoretichni aspekti organizatsii [Individual educational trajectory of the student: theoretical aspects of the organization]. In: *Pedagogika formuvannya tvorchoï osobistosti u vishchii i zagal'noosvitniy shkolakh* [Pedagogy of creative personality formation in higher and secondary schools]. *Zb. nauk. pr. Vip. 60, Vol. 1*. Ed. A.V. Sushchenko. Zaporizhzhya, Publ. KPU: 101-107.
- Miroshnik S.I. 2016. Professional Development of Teachers: Modern Approaches. *Narodna osvita*, 2(29). Available at: https://www.narodnaosvita.kiev.ua/?page_id=4133 (accessed: 20.01.2022). (In Ukrainian)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Асанова Зарема Ризаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного образования и педагогики, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия.

Чалбаш Эльмаз Рефат кызы, студент направления подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Методическое сопровождение в дошкольном образовании», Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zarema R. Asanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Preschool Education and Pedagogy, Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia.

Elmaz R. Chalbash, student of the direction of preparation 44.04.01 Pedagogical education, master's program "Methodological support in preschool education", Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia.

УДК 37.026.7

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-60-66

Использование цифровых образовательных ресурсов для развития самостоятельности у подростков

Ахметов С.И.

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет,
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83,
E-mail: akhmetov.stepan@mail.ru

Аннотация. Проблема использования цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) является актуальной в образовании на сегодняшний день, так как наблюдается интенсификация их применения в обучении, воспитании и развитии обучающихся. Помимо этого, в тяжёлых жизненных ситуациях (например, коронавирусная инфекция) ЦОР способны помочь педагогам осуществлять учебно-воспитательный процесс, а также помочь обучающимся самостоятельно освоить необходимую информацию. Так ЦОР становятся не только инновационным средством обучения, но и средством для развития самостоятельности у подростков. Целью данного исследования является анализ использования ЦОР для развития самостоятельности у подростков. В результате исследования были выявлены сущность ЦОР, преимущества и недостатки их использования для развития самостоятельности у подростков, определена их классификация. В качестве примера приводится разработанная научная модель использования ЦОР для развития самостоятельности у подростков.

Ключевые слова: цифровые образовательные ресурсы, цифровой инфопродукт, дистанционное обучение, виртуальные образовательные ресурсы

Для цитирования: Ахметов С.И. 2022. Использование цифровых образовательных ресурсов для развития самостоятельности у подростков. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(1): 60–66. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-60-66

Using Digital Educational Resources to Develop Self-reliance in Adolescents

Stepan I. Akhmetov

Saratov National Research State University,
83 Astrakhanskaya St, Saratov 410012, Russia,
E-mail: akhmetov.stepan@mail.ru

Abstract. The problem of using digital educational resources is relevant in education today, as there is an intensification of their use in training, education and development of students. In addition, in difficult life situations (for example, coronavirus infection) TSRs are able to help teachers to carry out the educational process, as well as to help students independently master the necessary information. In this way, CSRs become not only an innovative means of learning, but also a means for developing independence in adolescents. The purpose of this study is to analyze the use of CSR for the development of independence in adolescents. As a result of the study, the essence of CSR, the advantages and disadvantages of their use for the development of independence in adolescents were identified, their classification was determined. As an example, the developed scientific model of the use of CSR for the development of independence in adolescents is given.

Keywords: digital educational resources, digital information product, distance learning, virtual educational resources

For citation: Akhmetov S.I. 2022. Using Digital Educational Resources to Develop Self-reliance in Adolescents. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(1): 60–66 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-60-66

Введение

Сегодня быстро развивающиеся информационные и коммуникационные технологии, созданные отнюдь не для нужд системы образования, ведут к подлинной революции в этой области [Акулова, 2004]. Мы стали свидетелями того, как сетевой мир встраивается в систему образования: активно разрабатываются электронные пособия, учебники, самоучители [Ваграменко, 1996]. Все представленные в цифровой форме видеотрекеры, различные модели и объекты виртуальной реальности, а также учебные материалы, необходимые для организации учебного процесса, – всё это цифровые образовательные ресурсы (ЦОР). Они значимы в настоящее время, так как имеют потенциал, способствуя поддержанию на актуальном уровне учебно-воспитательного процесса в любых ситуациях [Савелова, 2008], также развитию подростков в процессе образования как в любых образовательных организациях, так и за их рамками; немаловажным качеством, которое им подвластно развивать, на сегодняшний день является самостоятельность у подростков.

Сущность ЦОР. Во-первых, это некий содержательно представленный объект в электронной форме, который предназначен для образовательных целей [Кузьмина, 2019]. Во-вторых, ЦОР – это совокупность информации в цифровом виде, которую возможно применять для использования в учебном процессе [Марцинковская и др., 2017]. Исходя из данных определений, мы под ЦОР будем понимать предназначенный для использования в образовании некий цифровой аудио-, видео- и другой инфопродукт.

ЦОР являются инновационным средством обучения [Красильникова, 2006]. Они имеют особое значение, так как являются помощниками в обучении и воспитании детей различных возрастов. Возможность дистанционного обучения и воспитания является важным инновационным качеством ЦОР. Вне учебной аудитории обучающийся может самостоятельно и последовательно изучать новый материал, выполнять практические задания, следить за собственными достижениями, посещать воспитательные мероприятия и участвовать в них. Дистанционное обучение особо актуально при возникновении непредвиденных ситуаций, которые вносят существенные коррективы в жизнь людей. Такая ситуация возникла в начале 2020 года, когда по всей стране наступила эпидемия опасной коронавирусной инфекции.

Достоинства и недостатки ЦОР. Цифровые ресурсы имеют много преимуществ перед традиционными методами развития самостоятельности у подростков. Во-первых, они создают единую информационно-образовательную среду обучения и воспитания [Смирнова, 2008]. Во-вторых, они делают образовательный процесс независимым от места и времени обучения. В-третьих, с помощью них повышается доступность образования, расширяются формы получения образования [Орлов, 2004]. К плюсам можно отнести и обеспечение возможности выбора индивидуальной траектории обучения; развитие самостоятельной поисковой, в том числе творческой деятельности обучающегося; повышение наглядности обучения; автоматизацию процессов контроля; развитие личности обучающегося, подготовка его к жизни в условиях информационного общества [Коробкова, Калиновский, 2012].

К преимуществам можно отнести и возможность реализации принципа индивидуализации обучения и воспитания и обязательной деятельности обучающегося [Чернявская, 2008]; управление процессом усвоения через представленные в ЦОР алгоритмы и обучающе-воспитывающий материал; возможность использования обучающимися ЦОР в удобное время и в удобном месте [Осетрова и др., 2012].

Отметим, что помимо положительных факторов имеются и негативные (неудобство чтения с экрана, нарушение зрения, повышенная утомляемость и т.д.). Однако при рационально организованном использовании ЦОР они не несут опасности.

Классификация ЦОР. Практически каждый педагог сегодня обращается к различным видам цифровых образовательных ресурсов, а также вовлекает в их использование обучающихся. Цифровые образовательные ресурсы можно классифицировать следующим образом: для классной работы и для внеклассной работы. В данные пункты входят: конспекты уроков, методические и дидактические материалы, учебные программы, электронные учебники, презентации, видео- и аудиоматериалы, научные статьи т.д. Исходя из этой классификации, выделим следующие виды ЦОР: *текстографические, гипертекстовые, мультимедийные ресурсы, виртуальные образовательные ресурсы.*

Обращение к подобным ресурсам и их использование помогает развивать у подростков самостоятельность [Жарова, 2013]. Подростки смело принимают рекомендации по использованию, вовлекаются в работу и с удовольствием её выполняют. Это вызвано тем, что им ближе и интереснее современная техника (технологии в целом), чем книги и старые методики обучения (книги, учебники) [Осин, 2011]. Нами замечено, что обучающиеся, использующие средства ИКТ и цифровые образовательные ресурсы, в основном демонстрируют более высокие результаты обучения, чем те, кто их не использует. Предполагаем, это вызвано большими возможностями и значительным набором инструментов. В связи с этим необходимо признать особую роль ЦОР в обучении учащихся.

Экспериментальная работа

С целью рассмотрения возможности использования цифровых образовательных ресурсов для развития самостоятельности у подростков и выявления результативности нами проводился эксперимент на базе МОУ «СОШ п. Белоглинный» Озинского района Саратовской области. Он заключался в том, что подростки на уроках и во внеурочное время работали с рекомендованными цифровыми ресурсами и создавали собственные.

Классная и внеклассная работа проходила по нормам ФГОС без нарушений. Особенностью было то, что педагог выдавал ссылки на ресурсы, которые необходимо было изучить, принять за образец и сделать аналогичное. Разработанный контент становился не просто результатом деятельности учащихся, развивающим их, но и дополнительным материалом для тех учащихся, которые по каким-либо уважительным обстоятельствам не могли посещать школу. Они изучали эти разработки и по рекомендации учителя создавали похожий. Таким образом, происходило развитие самостоятельности даже отсутствующих ребят. Отметим, что работа для подростков была увлекательной и принесла положительные результаты. Обучающиеся успешно выполняли задания и просили давать подобные на других уроках. Постепенно каждый обучающийся уже сам ориентировался в учебном материале, изучал различные ресурсы и создавал свой. Так, использование ЦОР в учебно-воспитательной работе развивало самостоятельность у подростков, а также способствовала развитию мотивации.

Эта работа проводилась в течение всего учебного года: классная работа – постоянно, внеклассная работа – по плану внеклассных работ. Согласно модели развития у подростков самостоятельности посредством цифровых образовательных ресурсов (см. таблицу) два обозначенных блока организовывались поэтапно. Классная работа имела следующие этапы: теоретический, практический и заключительный. Внеклассная работа имела другие этапы: подготовки, проведения и подведения итогов. При этом последние этапы внеклассной работы проводились постепенно. Они имели пролонгированное действие. Приведём примеры. На теоретическом этапе урока учитель даёт новые знания. Помимо сообщения информации по теме он выдаёт ссылки учащимся, которые они должны изучить. Уточним: для такой работы необходима хорошая оснащённость школы ИКТ или наличие хотя бы нескольких классов с компьютерами, где можно проводить уроки.

Модель развития у подростков самостоятельности
 посредством цифровых образовательных ресурсов
 A model for the development of independence in adolescents
 through digital educational resources

<p>Цель: развитие у подростков самостоятельности посредством цифровых образовательных ресурсов.</p> <p>Задачи: активизация ЦОР для развития у подростков самостоятельности; обеспечение согласованной работы субъектов развития самостоятельности; реализация возможностей цифровых образовательных ресурсов.</p> <p>Подходы: системный, деятельностный, личностный.</p> <p>Принципы: целесообразности, индивидуализации, наглядности.</p>					
<p>Специфика развития у подростков самостоятельности посредством цифровых образовательных ресурсов</p>					
Этапы работы	Классная работа		Этапы работы	Внеклассная работа	
	Учитель	Ученик		Учитель	Ученик
Теоретический (в рамках урока)	Даёт или проверяет знание, выдаёт ссылки на ЦОР	Слушает, задаёт вопросы, обращается к ЦОР, заполняет электронную страничку предмета (5 мин)	Этап подготовки (некоторое кол-во дней)	Разрабатывает материал (сценарий), готовит список ЦОР, принимает предложения	Изучает тематику, выдвигает предложения
Практический (в рамках урока)	Выдаёт задания, рекомендует ЦОР	Принимает ЦОР за образцы, выполняет задания, заполняет электронную страничку (10 минут)	Этап проведения (45 и более минут)	Проводит мероприятие, делится списком ЦОР, ориентирует на выполнение творческой работы (время выполнения обговаривается)	Принимает участие в мероприятии, консультируется, выполняет творческую работу
Заключительный (в рамках урока)	Проверяет работы, публикует лучшие работы в специальном разделе на сайте школы	Рефлексия урока, своей деятельности	Этап подведения итогов (любой выбранный день)	Слушает, корректирует, проверяет работы, выбирает лучшие и публикует в специальном разделе на сайте школы	Рефлексия внеклассного занятия, своей работы, возможные предложения
<p>Условия, требующиеся для реализации модели</p>					
<p>Материально-технические (оснащённость ОУ ИКТ, наличие ЦОР и доступа в Интернет)</p>		<p>Научно-методические (работа ШМО, повышение профессиональной компетентности педагогов)</p>	<p>Психолого-педагогические (взаимодействие педагогов и психологов, психологическая помощь)</p>	<p>Системно-деятельностные (бесперебойное участие в работе всего школьного коллектива)</p>	

Окончание таблицы

Критерии эффективности развития у подростков самостоятельности посредством цифровых образовательных ресурсов		
Отношение к учебно-воспитательному процессу	Стабильность мотивации	Сформированность знаний и умений
Положительное Пограничное Отрицательное	1. Низкая 2. Средняя 3. Высокая	1. Знания о том, как использовать цифровые образовательные ресурсы - обширные - скудные - примитивные 2. Умение эффективно использовать цифровые образовательные ресурсы - виртуозное - заурядное - примитивное 3. Отсутствие знаний и умений
Показатели эффективности развития у подростков самостоятельности посредством цифровых образовательных ресурсов		
Копирующий	Воспроизводящий	Оригинальный
Уровни развития у подростков самостоятельности посредством цифровых образовательных ресурсов		
Подражательный (низкий)	Поисковый (средний)	Творческий (высокий)
РЕЗУЛЬТАТ: развитие у подростков самостоятельности посредством ЦОР		

Учащиеся слушают учителя и обращаются к электронным ресурсам, которые учитель рекомендует. В процессе они могут задавать уточняющие вопросы. После изучения материала дети заполняют электронную страничку предмета (создают теоретический материал по теме), при этом учитель с целью рациональной организации работы оказывает педагогическую помощь, то есть он выступает в роли координатора и помощника, что сейчас очень важно при наличии новых стандартов. На теоретический этап урока выделяется 15 минут.

Далее следует практический этап. Ему отводится 15 минут. Здесь учитель выдаёт задания и рекомендует ссылки с учебным материалом, который поможет подросткам восполнить пробелы в предметной области и корректно выполнить задания. Учащиеся в свою очередь выполняют задания и заполняют электронную страничку. При этом им предлагается создать аналогичные, но оригинальные задания. В процессе выполнения учитель не оставляет детей без участия. Он по-прежнему продолжает курировать и координировать учащихся.

Заключительный этап (10 минут) – не менее важный период урока. Тут важно уметь провести рефлексию. Подростки должны «пропустить» весь урок через себя и сделать анализ: что получилось, что нет, что требует проработки, понравился урок или нет. Учитель должен выслушать, просмотреть работы на электронной страничке и отобрать самые лучшие, которые будут опубликованы в специальном разделе на сайте школы.

Внеклассная работа проходит приблизительно по такому же принципу. Учитель вместе с подростками в течение некоторых дней готовит материал, учащиеся выдвигают предложения, материалы. После этого проводится само мероприятие, в процессе которого педагог рекомендует ЦОР и ориентирует на выполнение творческой работы (время выполнения обговаривается). В отдельный день подводятся итоги: учитель слушает ребят, проверяет работы, корректирует и вместе с активом класса выбирает лучшие, которые будут публиковаться в специальном разделе на сайте школы.

Заключение

Изучение литературы, практики коллег и собственного опыта показало, что цифровые образовательные ресурсы представляют богатый арсенал средств для развития самостоятельности у подростков. С их помощью можно успешно использовать время, проведенное возле компьютера. Кроме того, рационально организованная деятельность позволяет развивать и другие личные качества подростка.

Список литературы

- Акулова О.В. 2004. Концепция системных изменений школьного процесса обучения в условиях перехода к информационному обществу. СПб., Изд-во РГПУ им А.И. Герцена, 254 с.
- Ваграменко Я.А. 1996. О направлениях информатизации российского образования. В кн.: Системы и средства информатики: Информационные технологии в образовании: От компьютерной грамотности - к информационной культуре общества. Под ред. И.А. Мизина. Вып. 8. М., Наука, Физматлит: 27-38.
- Жарова Л.В. 2013. Учить самостоятельности. М., Просвещение, 203 с.
- Коробкова К.В., Калиновский Е.А. 2012. Возможности использования цифровых образовательных ресурсов в учебном процессе. В кн.: Студенческий научный форум – 2012. IV Международная студенческая научная конференция, г. Москва, 15 февраля – 31 марта 2012 года. М., РАЕ. URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2012/2296.pdf>
- Красильникова В.А. 2006. Информационные и коммуникационные технологии в образовании. Оренбург, ГОУ ОГУ, 235 с.
- Кузьмина М.В. 2019. Формирование цифровой грамотности обучающихся. Киров, Изд-во ИРО Кировской области, 47 с.
- Марцинковская Т.Д., Марютина Т.М., Поливанова К.Н., Стефаненко Т.Г., Краснова О.В., Белинская Е.П. 2017. Психология развития. Под ред. Т.Д. Марцинковской. М., Академия, 528 с.
- Орлов В.Н. 2004. Активность и самостоятельность учащихся. М., Логос, 228 с.
- Осетрова Н.В., Смирнов А.И., Осин А.В. 2012. Книга и электронные средства в образовании. М., Логос, 144 с.
- Осин А.В. 2011. Электронные образовательные ресурсы нового поколения. В кн.: Аналитическая записка ИИТО, август 2011 года. М., ИИТО ЮНЕСКО, 12 с. URL: <https://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214693.pdf>
- Осин А.В., Калина И.И. 2007. Электронные образовательные ресурсы нового поколения в вопросах и ответах. М., Агентство «Социальный проект», 32 с. URL: http://window.edu.ru/resource/957/63957/files/EOR_NP_v_voprosah_i_otvetah-1.pdf
- Савелова Е.В. 2008. Цифровые образовательные ресурсы в школе: методика использования. Обществознание. М., Университетская книга, 224 с.
- Смирнова Н.М. 2008. Развитие навыков самостоятельной деятельности учащихся. М., Просвещение, 112 с.
- Чернявская А.П. 2008. Развитие самостоятельности учащихся в процессе индивидуально-ориентированного обучения. Ярославль, Издательство ЯГПУ, 184 с.

References

- Akulova O.V. 2004. Kontseptsiya sistemnykh izmeneniy shkol'nogo protsessa obucheniya v usloviyakh perekhoda k informatsionnomu obshchestvu [The concept of systemic changes in the school

- learning process in the context of the transition to an information society]. SPb., Publ. Izd-vo RGPU im A.I. Gertsena, 254 p.
- Vagramenko Ya.A. 1996. O napravleniyakh informatizatsii rossiyskogo obrazovaniya [On the directions of informatization of Russian education]. In: Sistemy i sredstva informatiki: Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: Ot komp'yuternoy gramotnosti - k informatsionnoy kul'ture obshchestva [Systems and Means of Informatics: Information Technologies in Education: From Computer Literacy to the Information Culture of Society]. Ed. I.A. Mizin. Iss. 8. M., Publ. Nauka, Fizmatlit: 27–38.
- Zharova L.V. 2013. Uchit' samostoyatel'nosti [Teaching independence]. M., Publ. Prosveshchenie, 203 p.
- Korobkova K.V., Kalinovskiy E.A. 2012. The possibilities of use of digital educational resources in educational process. In: Studencheskiy nauchnyy forum – 2012 [Student Scientific Forum – 2012]. M., RAE. Available at: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2012/2296.pdf>
- Krasil'nikova V.A. 2006. Informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii v obrazovanii [Information and Communication Technologies in Education]. Orenburg, Publ. GOU OGU, 235 p.
- Kuz'mina M.V. 2019. Formirovanie tsifrovoy gramotnosti obuchayushchikhsya [Formation of digital literacy of students]. Kirov, Publ. IRO Kirovskoy oblasti, 47 p.
- Martsinkovskaya T.D., Maryutina T.M., Polivanova K.N., Stefanenko T.G., Krasnova O.V., Belinskaya E.P. 2017. Psikhologiya razvitiya [Developmental Psychology]. Ed. T.D. Martsinkovskaya. M., Publ. Akademiya, 528 p.
- Orlov V.N. 2004. Aktivnost' i samostoyatel'nost' uchashchikhsya [Activity and independence of students]. M., Publ. Logos, 228 p.
- Osetrova H.B., Smirnov A.I., Osin A.V. 2012. Kniga i elektronnye sredstva v obrazovanii [Book and Electronic Means in Education]. M., Publ. Logos, 144 p.
- Osin A.V. 2011. Elektronnye obrazovatel'nye resursy novogo pokoleniya [Electronic educational resources of a new generation]. In: Analiticheskaya zapiska IITO [IITE Policy Brief], avgust 2011 goda. M., Publ. IITO YuNESKO, 12 p. Available at: <https://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214693.pdf>
- Osin A.V., Kalina I.I. 2007. Elektronnye obrazovatel'nye resursy novogo pokoleniya v voprosakh i otvetakh. M., Publ. Sotsial'nyy proekt, 32 p. Available at: http://window.edu.ru/resource/957/63957/files/EOR_NP_v_voprosah_i_otvetah-1.pdf
- Savelova E.V. 2008. Tsifrovye obrazovatel'nye resursy v shkole: metodika ispol'zovaniya. Obshchestvoznaniye [Digital educational resources at school: method of use. Social Studies]. M., Publ. Universitetskaya kniga, 224 p.
- Smirnova N.M. 2008. Razvitie navykov samostoyatel'noy deyatel'nosti uchashchikhsya [Development of students' independent activity skills]. M., Publ. Prosveshchenie, 112 p.
- Chernyavskaya A.P. 2008. Razvitie samostoyatel'nosti uchashchikhsya v protsesse individual'no-orientirovannogo obucheniya [Development of student autonomy in the process of individually oriented learning]. Yaroslavl', Publ. YaGPU, 184 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахметов Степан Идрисович, аспирант Саратовского государственного университета, учитель русского языка и литературы МОУ "СОШ 8" г. Саратова, г. Саратов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepan I. Akhmetov, postgraduate student of Saratov State University, teacher of Russian language and literature, MOU "SOSH 8" Saratov, Saratov, Russia

УДК 372.881.1

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-67-75

Профориентированный видеофильм как средство формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в железнодорожном вузе

Белявцева И.В., Кукшинова Е.Н.

Филиал Ростовского государственного университета путей сообщения в г. Воронеж,
Россия, 394026, г. Воронеж, ул. Урицкого, 75а
E-mail: ibelyavtseva@rambler.ru; elnik-k@mail.ru

Аннотация. Представлен опыт реализации дистанционного обучения иностранному языку с помощью аутентичного профориентированного видеофильма в железнодорожном вузе. Цель настоящего исследования – описать возможности интерактивного модуля H5P, интегрированного в систему управления обучением MOODLE, для работы с профориентированными фильмами в формате дистанционного обучения. В основе исследования лежат методические принципы преподавания иностранного языка в формате дистанционного обучения. В процессе исследования были использованы такие методы, как наблюдение, анализ, синтез, сравнение, систематизация и классификация. Нами представлена типология интерактивных заданий поэтапной работы с видеоматериалом профессиональной направленности. Практика показала широкие возможности данной системы, позволяющей активизировать познавательную деятельность обучающихся, повысить интерес к изучению иностранного языка в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: иностранный язык в железнодорожном вузе, дистанционное обучение, аутентичный профориентированный видеофильм, интерактивный модуль H5P, интерактивные упражнения

Для цитирования: Белявцева И.В., Кукшинова Е.Н. 2022. Профориентированный видеофильм как средство формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в железнодорожном вузе. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 67–75. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-67-75

Profession-oriented Video Film as a Means of Formation of Foreign Language Professional Communicative Competency in a Higher Education Institution of Railway Transport

Irina V. Belyavtseva, Elena N. Kukshinova
Rostov State Transport University, Voronezh Branch
75a Uritskogo St, Voronezh 394026, Russia
E-mail: ibelyavtseva@rambler.ru; elnik-k@mail.ru

Abstract. The article presents the experience of teaching foreign languages by means of authentic profession-oriented video films in higher education institutions of railway transport. The purpose of this study is to describe the capabilities of the interactive module H5P, integrated into the MOODLE learning management system, for working with profession-oriented video films in the distance learning format. The research is based on the methodological principles of teaching foreign languages in the distance learning format. In the course of the research, such methods as observation, analysis, synthesis, comparison, systematization and classification were used. A typology of interactive tasks of step-by-step work on profession-oriented video material is presented in the article. Practice has shown wide opportunities of this system making it possible to activate cognitive activity of learners, raise interest in foreign language learning in the conditions of distance education.

Keywords: foreign language in higher education institutions of railway transport, distance education, authentic profession-oriented video film, interactive module H5P, interactive tasks

For citation: Belyavtseva I.V., Kukshinova E.N. 2022. Profession-oriented Video Film as a Means of Formation of Foreign Language Professional Communicative Competency in a Higher Education Institution of Railway Transport. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41 (1): 67–75 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-67-75

Введение

В условиях активной интеграции цифровых технологий в современный образовательный процесс сегодня перед преподавателями, в том числе перед преподавателями иностранных языков, стоит важная задача – найти такие формы, методы и средства обучения, которые сделали бы процесс формирования профессиональной компетенции более интерактивным, активизировали бы познавательную деятельность студентов на аудиторных занятиях, в процессе самостоятельной работы, а особенно при дистанционном взаимодействии. Одним из возможных способов решения этой задачи является включение в процесс обучения иностранному языку аутентичных профориентированных видеофильмов с интерактивными заданиями. Такой вид работы особенно актуален для студентов отраслевых, в том числе железнодорожных вузов: «аутентичные видеофильмы являются прекрасным дополнительным источником для формирования профессиональной компетенции» [Коваленко, 2018, с.173], создают атмосферу реальной профессионально ориентированной иноязычной коммуникации, а интерактивные задания облегчают усвоение материала, помогают студентам почувствовать свою успешность и интеллектуальную состоятельность.

На данный момент в отечественной и зарубежной лингводидактике накоплен значительный опыт исследований, подтверждающих эффективность применения видеоматериалов в обучении иностранным языкам [Зимняя, 1970; Willis, 1983; Lonergan, 1984; Stempleski, Tomalin, 1990; Harmer, 1991; Liversidge, 2000; Allan, 2001; Глушак, 2001; Писаренко, 2002; Поляков, 2003; Соловова, 2008; Grigorenko et al., 2020]. В работах этих авторов признается, что видеоматериалы обладают большим лингвометодическим потенциалом по сравнению с печатными и звучащими текстами, «наглядно демонстрируя протекание процесса инокультурной и межкультурной коммуникации» [Дворжец, 2006, с. 4]. Растет научный интерес и к использованию профориентированных видеофильмов [Дементьева, 2016; Исупова, 2016; Белявцева, 2018]. С точки зрения данных авторов, профориентированные видеофильмы не только способствуют формированию иноязычной коммуникативной компетенции, но и являются средством профессионального развития.

В то же время в научной литературе, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания вопросам методики использования указанных выше видеофильмов при дистанционной форме обучения. В этой связи возникает необходимость описать особенности организации работы с подобными видеофильмами в условиях дистанционного обучения. Для этого мы предлагаем использовать интерактивный модуль H5P, интегрированный в систему управления обучением MOODLE, который является объектом исследования в настоящей статье. Цель исследования – описать возможности интерактивного модуля H5P, интегрированного в систему управления обучением MOODLE, для работы с профориентированными фильмами в формате дистанционного обучения. В работе были использованы такие методы, как наблюдение, анализ, синтез, сравнение, систематизация и классификация.

Результаты исследования

При выборе профориентированных фильмов железнодорожной тематики можно обратиться к некоторым корпоративным и образовательным интернет-сайтам или видеохостингу YouTube. Примером такого ресурса для обучения немецкому языку может послужить сайт: <http://www.br.de/fernsehen/ard-alpha/sendungen/ich-machs/index.html>. Данный сайт содержит цикл мини-фильмов, презентующих наиболее востребованные профес-

сии в Германии (более 300), в том числе специальности железнодорожной направленности. Среди британских профориентированных фильмов заслуживает внимания ряд короткометражных фильмов Network Rail. Engineering Education, в которых показана работа специалистов на разных участках железнодорожного транспорта в одной из крупнейших железнодорожных компаний Великобритании. Данные фильмы предназначены для тех, кто хочет связать свою будущую профессиональную деятельность с железной дорогой.

Профориентированные фильмы железнодорожной тематики в доступной форме демонстрируют сущность той или иной профессии и историю её развития, знакомят с должностными обязанностями и особенностями организации работы специалиста на конкретном рабочем месте, условиями труда и размером заработной платы, показывают процесс работы железнодорожников на специальном оборудовании, помогают сформировать представление о профессиональном обучении и возможностях карьерного роста на железных дорогах стран изучаемого языка. Удобство работы с данными фильмами обеспечивает то, что они значительно короче художественных, документальных или учебных (от 5 до 15 минут), в то же время они обладают законченным сюжетом. С точки зрения языкового наполнения представленные видеоматериалы являются посильными для понимания, так как темп речи в них не такой высокий, как, например, в новостных программах. Кроме того, с содержанием фильмов можно познакомиться с помощью скриптов (напечатанного текста).

Как показала практика, при организации дистанционной работы с профориентированными видеофильмами широкие возможности имеет интерактивный модуль H5P, о котором речь шла выше. Интерактивный модуль H5P предлагает большое количество шаблонов, которые позволяют преподавателям иностранных языков создавать разнообразные виды интерактивных заданий (презентации, игры, задания на основе изображений, аудио и видео, тестовые задания) для отработки и контроля речевых навыков и умений студентов. Интерактивный характер данных заданий позволяет студентам осуществлять взаимодействие с учебным контентом в режиме реального времени и получать незамедлительную обратную связь. В процессе выполнения интерактивных заданий студенты имеют возможность выбирать варианты ответов, перемещать объекты, вводить ответы на вопросы, получать подсказки с наводящими вопросами, видеть количество правильных ответов и допущенные ошибки, проходить упражнения повторно и т.д.

Организация обучения с помощью видеофильмов предусматривает последовательное формирование коммуникативных навыков, начиная с первичного употребления языковых явлений и заканчивая ситуативными заданиями творческого и дискуссионного характера.

Традиционно обучение иностранному языку с помощью видеофильмов осуществляется в три этапа: преддемонстрационный, демонстрационный и последедемонастрационный [Соловова, 2008; Кузьмина, Попова, 2019; Носенко, 2020]. Ключевыми задачами на преддемонстрационном этапе является введение студентов в эмоционально-смысловую атмосферу профориентированного фильма, создание мотивации для его активного просмотра, а также снятие возможных языковых трудностей восприятия и понимания содержания видеоматериала. Для этого преподаватель делает небольшое вступительное слово, во время которого он осуществляет ввод в проблематику фильма, привлекая при этом уже имеющиеся профессионально ориентированные речевые и дискурсивные умения, связанные с темой видеоресурса. Непосредственный просмотр следует предварить заданиями на антиципацию, преодоление возможных языковых трудностей, активизацию лексического материала, предвосхищение содержания текста.

Задания на антиципацию включают работу с заголовком фильма и работу с ключевыми словами по теме.

Для создания заданий этого вида мы использовали следующие компоненты модуля H5P: «Вопросы с одиночным выбором» (Single Choice Set) и «Вопросы с множественным выбором» (Multiple Choice).

Приведем примеры упражнений.

1. Опираясь на название фильма на иностранном языке, выберите вариант ответа на русском языке, в котором отражено содержание фильма.

2. Исходя из названия, выберите из списка слов 3 слова, которые можно встретить в фильме.

Задания на преодоление возможных языковых трудностей содержат:

– работу над произношением, ударением, интонацией через имитацию речи носителей языка;

– семантизацию новых слов (особое внимание уделяется терминам, профессиональным фразеологизмам);

– анализ топонимов, антропонимов.

Эти задания у нас представлены с помощью шаблонов: «Диалоговые карточки» (Dialog Cards) и «Произношение слов» (Speak the Words). Инструмент «Диалоговые карточки» (Dialog Cards) служит для быстрого запоминания слов. Данный элемент позволяет создать отдельную двустороннюю карточку для каждой лексической единицы, которая может содержать изображение соответствующей тематики, слово на иностранном языке, перевод слова на русский язык либо аудиофайл со стандартным произнесением слова.

Элемент «Произношение слов» (Speak the Words) работает на основе системы распознавания речи и позволяет организовать проверку произношения на высоком уровне с помощью программы. Также у студента есть возможность записать аудиофайл и отправить на проверку преподавателю.

Приведем пример упражнения.

Используя скрипты, прочитайте наиболее трудные в звуковом предъявлении лексические единицы (сложные слова, топонимы, антропонимы) и словосочетания из фильма.

Задания на активизацию лексического материала предполагают:

– подбор антонимов, синонимов к словам;

– подбор к существительному нескольких глаголов или прилагательных.

В конструкторе H5P существует несколько элементов, позволяющих создавать задания подобного типа. Это «Перетаскивание» (Drag the Words и Drag and Drop), «Выделение слов» (Mark the Words) и «Множественный выбор» (Multiple Choice).

Элемент «Перетаскивание» позволяет студентам перемещать как слова (фрагмент текста), так и изображения на одну или несколько соответствующих областей размещения в заданиях типа: «подбери под пару», «сделай сочетание», «соотнеси». Подобные упражнения позволяют обучающемуся связать два или более элемента и визуализировать логические соединения. В последние годы подобные задания приобрели особую популярность и широко применяются при обучении иностранному языку. «Перетаскивание» в H5P можно организовать несколькими способами. Если студент переместил объект в неправильную зону, то данное слово (изображение) возвращается автоматически обратно; либо объект может остаться в зоне, но ответ фиксируется как неправильный. Задания H5P с перетаскиванием поддерживают несколько комбинаций зон перетаскивания: один к одному, один ко многим, многие к одному и многие ко многим.

Задания могут быть следующими:

1. Найдите к определенному слову синоним (антоним).

2. Перенесите в соответствующее место на изображении вагона слова, указывающие на его составные части.

3. После просмотра одного из эпизодов фильма из предложенных для анализа слов, относящихся к железнодорожной терминологии, выберите те, которые встречаются (или не встречаются) в эпизоде.

4. После просмотра части фильма отметьте слова определенной тематики, которые встречаются в данном эпизоде (например, слова, указывающие на устройство железнодорожного полотна).

5. Отметьте все прилагательные, которые употреблялись в эпизоде фильма с существительным «дорога».

Задания на предвосхищение содержания текста включают:

- вопросы по содержанию с вариантами ответов;
- вопросы по содержанию с открытым ответом.

Данные задания могут быть реализованы с помощью элемента «Множественный выбор» (Multiple Choice). Усложнить задачу можно, воспользовавшись элементом «Заполнение пробелов» (Fill in the Blanks). С его помощью части слов или предложений удаляются из текста, и студентам необходимо заполнить отсутствующий текст с помощью ввода с клавиатуры.

Приведем пример.

Просмотрите без звука эпизод видеофильма, в котором само действие, обстановка, ситуация помогают понять содержание, и заполните недостающие реплики.

На демонстрационном этапе осуществляется работа над содержанием фильма. Цель этого этапа – формирование навыков аудирования, развитие профессиональной и социокультурной компетенций студентов. Главным используемым здесь элементом сервиса-конструктора Н5Р становится «Интерактивное видео» (Interactive Video), которое позволяет вставлять задания и комментарии в сам фильм. С помощью этого шаблона можно контролировать степень внимания и уровень понимания информации во время демонстрации аудиовизуального материала. На демонстрационном этапе студентам обычно предоставляется возможность просматривать фильм дважды.

Во время первого просмотра нужно понять общий смысл фильма, поэтому задания, которые студенты выполняют на данном этапе, не должны отвлекать их от просмотра. Это могут быть в первую очередь интерактивные упражнения, составленные с помощью элемента «верно/неверно» (True/False), содержащего вопросы, предполагающие выбор ответа-высказывания, подтверждающего или опровергающего то или иное утверждение.

Приведем следующий пример.

Определите корректность высказывания (правильно/неправильно): а) «Зарплата машиниста в Германии (Великобритании) выше среднего заработка по стране»; б) «Длительность обучения дежурного по станции в Германии (Великобритании) составляет 3 года».

После первого просмотра студентам можно предложить выполнить задания, сформированные на основе элементов «Сортировка» (Sort the Paragraphs), «Резюме (краткое) изложение» (Summary), «Эссе» (Essay). Целью подобных заданий является контроль уровня понимания видеоматериала.

С помощью элемента «Сортировка» (Sort the Paragraphs) можно создать задания, в которых необходимо расположить предложения или абзацы в правильном порядке.

«Резюме (краткое) изложение» (Summary) – это элемент, который позволяет учащимся в интерактивном режиме изложить ключевую информацию. Вниманию студента предлагается набор утверждений, из которых ему необходимо выбрать только те, которые передают основную мысль.

Элемент «Эссе» (Essay) может быть использован студентами для изложения краткого содержания фильма (эпизода фильма) с опорой на ключевые слова.

Приведем примеры упражнений.

1. Расположите пункты плана, размещенные в произвольном порядке, в соответствии с логикой развития событий фильма.

2. Разбейте видеосюжет на смысловые части и выберите заголовки к каждой из предложенных частей.

3. Напишите план фильма.

4. Передайте краткое содержание фильма, выбрав необходимые предложения из ряда предложенных.

5. Опишите кратко, используя ключевые слова, один из эпизодов фильма.

Второй просмотр ориентирован на детальное понимание содержания. Задания, предлагаемые студентам для выполнения на данном этапе, могут быть созданы с помощью элементов «Перетаскивание» (Drag the Words), «Заполнение пробелов» (Fill in the Blanks), «Вопросы с открытым ответом» (Free Text Questions). Задания, созданные с помощью последнего элемента, отсылаются для проверки преподавателю.

Задания могут быть следующими:

1. Запишите имена собственные, которые используются в профориентированном фильме.

2. Запишите даты или числительные, которые прозвучали в том или ином эпизоде.

3. Завершите предложения.

4. В скриптах отдельных монологов или диалогов видеофильма вставьте пропущенные слова, словосочетания, предложения.

5. Запишите информацию о ... (скорости современных поездов, о зарплате машинистов высокоскоростных поездов и т.д.).

Этап последемонстрационного просмотра является наиболее продуктивным для раскрытия языкового потенциала студента. Цель данного этапа – мотивировать обучающихся к творческой деятельности, стимулировать развитие языковых навыков устной и письменной речи при создании ситуативной основы для коммуникации. В современной методике преподавания иностранных языков принцип ситуативности признается как один из самых значимых и является важным условием развития речевых умений. Ситуативность в сфере профессиональной деятельности вслед за Л.В. Малетиной мы определяем как соответствие ситуации профессиональным реалиям, информативной ценности и проблемности [Малетина, 2017, с. 242]. Проецируя представленный профориентированный фильм на ситуацию будущей профессиональной деятельности студентов, преподаватель может предложить следующую работу:

- продуцирование текста (пересказ, описание, аннотация);
- письменный перевод;
- кросс-культурные сопоставления;
- составление рассказа (монолога) по аналогии;
- диспутивные задания (ведения дискуссии, аргументация, комментирование);
- инициативные задания (ролевая игра, решение ситуационных задач);
- проектные задания (доклад, сообщение по тематике).

Для подготовки этих заданий используются в основном такие элементы модуля Н5Р, как «Эссе» (Essay) и «Презентация» (Course Presentation). «Презентация» содержит слайды, на которые можно добавлять различные мультимедийные и интерактивные элементы (ссылки, изображения, аудио- и видеоклипы).

Приведем примеры упражнений.

1. Опираясь на сюжет фильма, подготовьте презентацию на аналогичную тему (например, рассказ о профессии машиниста в России).

2. Используя эпизод из фильма, создайте похожие ситуации общения (например, используя эпизод видеофильма, показывающий общение студентов и преподавателей в железнодорожном колледже Германии, создайте аналогичный эпизод об учебе в российском железнодорожном колледже).

3. Составьте резюме для устройства на работу в вагоноремонтном заводе.

4. Решите экстралингвистическую задачу проблемного характера (например, создайте презентацию на тему: «Современные методы укладки путей» или «Особенности эксплуатации новейших высокоскоростных поездов»).

5. Создайте проект (например, по темам: «Перспективы развития высокоскоростных железнодорожных магистралей в Германии и России»; «Влияние железнодорожного транспорта на экосистему Великобритании»).

6. Решите ситуационную задачу (Возникли отклонения от нормальных показаний контрольных приборов. Опишите ваши действия как дежурного по станции).

Заключение

Включение аутентичных профориентированных видеофильмов в процесс обучения иностранному языку является одним из возможных средств повышения иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции в железнодорожном вузе. Работа над видеофильмами позволяет:

- использовать приобретенные знания, умения и навыки в ситуациях профессионального общения;
- повышать уровень владения языковым материалом;
- повышать мотивацию обучения иностранному языку;
- активизировать познавательную деятельность;
- создавать благоприятные условия для формирования профессиональной компетенции.

Использование при этом интерактивного модуля H5P, интегрированного в систему управления обучением MOODLE, делает эффективным процесс обучения иностранному языку в дистанционном формате. Приведенная в настоящей статье система упражнений является, на наш взгляд, оптимальной с точки зрения последовательности действий для организации учебного процесса с использованием видеоматериалов на базе интерактивного модуля H5P.

Список литературы

- Белявцева И.В. 2018. Аутентичный профориентированный видеофильм как средство совершенствования коммуникативных умений в техническом вузе. В кн.: Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Москва 30 января 2018 года. Под ред. Т.Н. Плесканюк. Москва, Научно-издательский центр «Открытое знание»: 8–15.
- Глушак Е.В. 2001. Психологические особенности динамики формирования представлений при использовании тематических видеофрагментов. Дис. ... канд. психолог. наук. СПб., 207 с.
- Дворжец О.С. 2006. Методика работы с аутентичными видеозаписями при обучении английскому языку в рамках элективного курса в вузе (продвинутый уровень). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 23 с.
- Дементьева Т.М. 2016. Видеофильм как средство обучения профессионально-ориентированному иноязычному общению в сфере юриспруденции. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 1: 140–145.
- Зимняя И.А. 1970. О слуховой и зрительной наглядности в обучении иностранным языкам. В кн.: Проблемы зрительной и слуховой наглядности. Сборник статей. М., 11–15.
- Исупова М.М. 2016. Использование неигровых аутентичных видеоматериалов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов. Историческая и социально-образовательная мысль, 8 (2-2): 148–153. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-148-153
- Коваленко А.В. 2018. Аутентичные видеофильмы как средство формирования профессиональной компетенции бакалавров неязыковых направлений подготовки на занятиях по английскому языку в педагогическом вузе. Вестник Сургутского государственного педагогического университета, 4 (55): 172–179.
- Кузьмина А.В., Попова Н.В. 2019. Проблематика педагогических исследований по использованию видеоматериалов по иностранному языку в вузе. Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки, 10 (2): 74–86. DOI: 10.18721/JHSS.10207

- Малетина Л.В. 2014. Ситуативная обусловленность речевой коммуникации. Современные проблемы науки и образования, 3: 242. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13352> (дата обращения: 01.08.2021).
- Носенко А.О. 2020. Дидактические особенности разработки заданий при работе с видеоматериалом на занятиях иностранного языка (на примере инженерных специальностей). Мир науки. Педагогика и психология, 8 (5): 33. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/49PDMN520.pdf> (дата обращения: декабрь 2021). DOI: 10.15862/49PDMN520
- Писаренко В.И. 2002. Методика использования видеоматериалов в обучении второму иностранному языку (на материале французского языка в неязыковом вузе). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Таганрог, 26 с.
- Поляков В.М. 2003. Использование видеофильмов в учебном процессе педагогических вузов. Нижний Новгород, ВГИПА, 91 с.
- Соловова Е.Н. 2008. Методика обучения иностранным языкам. М., Аст; Астрель, 238 с.
- Allan M. 2001. Teaching English with Video. L., Publ. Longman, 117 p.
- Grigorenko S.E., Sagalaeva I.V., Fisunova N.V. 2020. Using video in the process of teaching a foreign language at a university. Research result. Pedagogic and Psychology of education, 6 (3): 69–77 (in Russian). DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-3-0-6
- Harmer J. 1991. The Practice of English Language Teaching. N.Y., Publ. Longman, 296 p.
- Liversidge G. 2000. Using films to develop learner motivation. Internet TESL Journal, 6 (13). Available at: <http://iteslj.org/Articles/Liversidge-Video.html> (accessed: 11 December 2021).
- Lonergan J. 1984. Video in language teaching. In: New Directions in Language Teaching. Eds, H.B. Altman and P. Strevens. Cambridge, Publ. Cambridge University Press, 133 p.
- Stempleski S., Tomalin B. 1990. Video in Action: in Recipes for Using Video in Language Teaching. L., Publ. Prentice-Hall International, 173 p.
- Willis D. 1983. The potentials and limitations of Video. In: Video applications in English language teaching. Ed. J. McGovern. Oxford, England, Publ. Pergamon Press: 17–28.

References

- Belyavtseva I.V. 2018. Authentic profession-oriented video film as a means of improving communication skills in a technical institution of higher education. V kn.: *Novoe v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannykh i russkogo yazykov* [New in Linguistics and Methods of Teaching Foreign and Russian Languages]. Ed. T.N. Pleskanyuk. M., Publ. Nauchno-izdatel'skiy tsentr «Otkrytoe znanie»: 8–15.
- Glushak E.V. 2001. *Psikhologicheskie osobennosti dinamiki formirovaniya predstavleniy pri ispol'zovanii tematicheskikh videofragmentov* [Psychological features of the dynamics of the formation of ideas when using thematic video clips]. Dis. ... cand. psycholog. Sciences. SPb., 207 p.
- Dvorzhets O.S. 2006. *Metodika raboty s autentichnymi videozapisyami pri obuchenii angliyskomu yazyku v ramkakh elektivnogo kursa v vuze (prodvinutyy uroven')* [Methods of working with authentic video recordings in teaching English as part of an elective course at a university (advanced level)]. Abstract dis. ... cand. ped. Sciences. Ekaterinburg, 23 p.
- Dement'eva T.M. 2016. *Videofil'm kak sredstvo obucheniya professional'no-orientirovannomu inoyazychnomu obshcheniyu v sfere yurisprudentsii* [Video film as a means of teaching professionally oriented foreign language communication in the field of jurisprudence]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 1: 140–145.
- Zimnjaja I.A. 1970. *O sluhovoj i zritel'noj nagljadnosti v obuchenii inostrannym jazykam* [O sluhovoj i zritel'noj nagljadnosti v obuchenii inostrannym jazykam]. In: *Problemy zritel'noj i sluhovoj nagljadnosti* [Problemy zritel'noj i sluhovoj nagljadnosti]. Sbornik statej. M., 11–15.
- Isupova M.M. 2016. Use of non-fiction authentic video materials in teaching foreign language to students of non-linguistic universities. *Education and Pedagogical Sciences*, 8 (2-2): 148–153. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-148-153
- Kovalenko A.V. 2018. Authentic Video Films as the Means of the Development of Non-Linguistic Bachelor Students' Professional Competence in the Process of Learning the English Language at Pedagogical University. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 4 (55): 172–179 (in Russian).

- Kuz'mina A.V., Popova N.V. 2019. Analysing the use of video materials in foreign language classes at modern Russian University. *St. Petersburg state Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10 (2): 74-86 (in Russian). DOI: 10.18721/JHSS.10207
- Maletina L.V. 2014. Situational dependancy of oral communication. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 3: 242. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13352>
- Nosenko A.O. 2020. Didactic features of using video materials in english lessons for engineering students. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 8 (5): 33. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/49PDMN520.pdf> (accessed: dekabr' 2021) (in Russian). DOI: 10.15862/49PDMN520
- Pisarenko V.I. 2002. *Metodika ispol'zovaniya videomaterialov v obuchenii vtoromu inostrannomu yazyku (na materiale frantsuzskogo yazyka v neyazykovom vuze)* [Methods of using video materials in teaching a second foreign language (on the basis of French in a non-linguistic university)]. Abstract dis. ... cand. ped. Sciences. Taganrog, 26 p.
- Polyakov V.M. 2003. *Ispol'zovanie videofil'mov v uchebnoy protsesse pedagogicheskikh vuzov* [The use of video films in the educational process of pedagogical universities]. Nizhniy Novgorod, Publ. VGIPA, 91 p.
- Solovova E.N. 2008. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Methods of teaching foreign languages]. M., Publ. Ast; Astrel', 238 p.
- Allan M. 2001. *Teaching English with Video*. L., Publ. Longman, 117 p.
- Grigorenko S.E., Sagalaeva I.V., Fisunova N.V. 2020. Using video in the process of teaching a foreign language at a university. *Research result. Pedagogic and Psychology of education*, 6 (3): 69–77. (in Russian). DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-3-0
- Harmer J. 1991. *The Practice of English Language Teaching*. N.Y., Publ. Longman, 296 p.
- Liversidge G. 2000. Using films to develop learner motivation. *Internet TESL Journal*, 6 (13). Available at: <http://iteslj.org/Articles/Liversidge-Video.html> (accessed: 11 December 2021).
- Lonergan J. 1984. Video in language teaching. In: *New Directions in Language Teaching*. Eds, H.B. Altman and P. Stevens. Cambridge, Publ. Cambridge University Press, 133 p.
- Stempleski S., Tomalin B. 1990. *Video in Action: in Recipes for Using Video in Language Teaching*. L., Publ. Prentice-Hall International, 173 p.
- Willis D. 1983. The potentials and limitations of Video. In: *Video applications in English language teaching*. Ed. J. McGovern. Oxford, England, Publ. Pergamon Press: 17–28.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белявцева Ирина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, естественно-научных и общепрофессиональных дисциплин, филиал Ростовского государственного университета путей сообщения в г. Воронеж, г. Воронеж, Россия

Irina V. Belyavtseva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian, Natural Science and General Professional Disciplines, Branch of the Rostov State University of Railway Transport in Voronezh, Voronezh, Russia

Кукшинова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, естественно-научных и общепрофессиональных дисциплин, филиал Ростовского государственного университета путей сообщения в г. Воронеж, г. Воронеж, Россия

Elena N. Kukshinova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian, Natural Science and General Professional Disciplines of the Branch of the Rostov State University of Railway Transport in Voronezh, Voronezh, Russia

УДК [378.011.3-051:(331.482:005.336.2)]:001.891.5
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-76-85

Анализ результатов опытно-экспериментальной работы по подготовке бакалавров техносферной безопасности

Карпов В.В.

Луганский государственный педагогический университет,
Луганская Народная Республика, 91000, г. Луганск, ул. Оборонная д. 2
E-mail: vip_belyu@mail.ru

Аннотация. Для современной техносферы характерно наличие большого количества промышленных производственных объектов, технологий и производств, потенциально опасных для человека, общества, природы. В этой связи проблема подготовки высококвалифицированных кадров для обеспечения техносферной безопасности особенно актуальна. Изучение закономерностей, теоретико-методологических основ формирования профессиональной компетентности студентов – будущих бакалавров техносферной безопасности – является целью наших теоретических изысканий. Методологической основой исследования являются положения педагогики безопасности, касающиеся формирования компетентной личности в области комплексной безопасности жизнедеятельности. Инфраструктуру методологии педагогики безопасности составили такие методологические подходы, как системный, безопасностный, компетентностный. Результатом исследования является получение объективной информации о динамике формирования профессиональной компетентности бакалавров техносферной безопасности. Результаты опытно-экспериментальной работы получены с использованием эмпирических (наблюдение, метод экспертных оценок, анкетирование) методов и метода математической статистики.

Ключевые слова: техносфера, профессиональная компетентность, педагогический эксперимент, компонент, критерий, показатель, выборка

Для цитирования: Карпов В.В. 2022. Анализ результатов опытно-экспериментальной работы по подготовке бакалавров техносферной безопасности. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(1):76–85. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-76-85

Analysis of the Results of Experimental Work on the Preparation of Bachelors of Technosphere Safety

Vladislav V. Karpov

Luhansk State Pedagogical University,
2 Oboronnaya St, Luhansk 91000, People's Republic
E-mail: vip_belyu@mail.ru

Abstract. The modern technosphere is characterized by the presence of a large number of industrial production facilities, technologies and industries that are potentially dangerous to humans, society, and nature. In this regard, the problem of training highly qualified personnel to ensure technosphere safety is especially urgent. The study of the patterns, theoretical and methodological foundations of the formation of professional competence of students – future bachelors of technosphere safety – is the goal of our theoretical research. The methodological basis of the research is the provisions of safety pedagogy concerning the formation of a competent person in the field of integrated life safety. The infrastructure of the methodology of safety pedagogy was formed by such methodological approaches as system, safety, competence. The result of the research is to obtain objective information about the dynamics of the formation of professional competence of technosphere safety bachelors. The results of the experimental

work were obtained using empirical (observation, method of expert assessments, questionnaires) methods and the method of mathematical statistics.

Keywords: technosphere, professional competence, pedagogical experiment, component, criterion, indicator, sample

For citation: Karpov V.V. 2022. Analysis of the Results of Experimental Work on the Preparation of Bachelors of Technosphere Safety. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(1): 76–85 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-76-85

Введение

Проблема подготовки профессиональных кадров новой генерации для обеспечения безопасности в современном мире в контексте возрастающих техногенных опасностей и угроз для всего человечества предстает сегодня особенно остро и связана с тенденциями развития мирового прогресса. Развиваясь в русле прогресса, человечество все чаще сталкивается с риском, беспрецедентным ростом техногенных катастроф: аварий автомашин, железнодорожного транспорта, пожаров и неисправностей самолетов, вертолетов, теплоходов, метро. Природные экологические и техногенные риски, аварии, катастрофы зачастую обусловлены наличием в промышленности потенциально опасных технологий и производств. Таких производств только в Российской Федерации насчитывается более 45 тыс.

В последнее время в научно-педагогической практике утверждается тезис о формировании компетентной личности в области комплексной безопасности жизнедеятельности, а также реализации методологии педагогики безопасности в процессе подготовки специалистов, обеспечивающих все виды безопасности общества [Роман, 2020]. Наши исследования направлены на изучение теоретико-методологических основ, сущности, структуры и содержания, методологических подходов и принципов формирования профессиональной компетентности будущих бакалавров техносферной безопасности [Карпов, 2020].

Для оптимизации процесса профессиональной подготовки студентов – будущих специалистов нами разработана модель системы целенаправленного формирования профессиональной компетентности бакалавров техносферной безопасности структурно-функционального типа. При разработке модели мы учитывали как внешние, так и внутренние факторы, влияющие на формирование личности будущих бакалавров техносферной безопасности, процесс оформления их профессиональной ориентации, осознание функций будущей работы, развитие профессионально значимых качеств, необходимых для будущей профессиональной деятельности. Обобщение этапов адаптации, самоактуализации и самоопределения студентов, сопровождающих процесс развития личностных компонентов профессиональной компетентности будущих бакалавров техносферной безопасности для осуществления человеко- и природосохраняющей деятельности нуждается в сведении всех исследуемых факторов в единую модель и ее научном обосновании. Таким образом, мы пришли к мысли о важности исследования понятия «профессиональная компетентность бакалавра техносферной безопасности».

Понятие профессиональной компетентности бакалавра техносферной безопасности является многогранным. Мы рассматриваем его как интегративное качество личности студента, проявляющееся в способности и готовности к осуществлению человеко- и природосохраняющей деятельности, основанием для которой является наличие специальных знаний, умений, навыков, опыта и способности их использовать для выполнения профессиональных функций и решения проблем техносферной безопасности.

На основе проведенного в границах диссертационного исследования дефиниционного анализа понятия «профессиональная компетентность» было выяснено, что профессиональная компетентность чаще всего рассматривается как условие успешного осуществления профессиональной и дальнейшей образовательной деятельности и как результат

обучения на определенном уровне высшего образования [Равен, 2002; Хуторской, 2003; Зимняя, 2008]. Рассматривая содержание и структуру профессиональной компетентности будущего бакалавра техносферной безопасности, мы обращаемся к известным работам исследователей в области подготовки профессиональных кадров для обеспечения техносферной безопасности [Девисилов, 2011; Месхи, 2011; Попова, 2013; Сазонова, Федюкина, 2014; Тимофеева, Тимофеев, 2015].

Анализ современной педагогической литературы показал, что до сих пор существуют разные научные подходы к операционализации исследуемого понятия, следствием чего является отсутствие его четкого понимания и определения. А.В. Хуторской отмечает, что «компетентность – это совокупность личностных качеств студента (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определенной социальной личностно значимой отрасли» [Хуторской, 2003]. Рассматривая компетентность с позиций психологии, Д. Равен подчеркивает, что «понятие "компетентность" состоит из множества компонентов, многие из которых относительно независимы». Некоторые компоненты относятся к когнитивной сфере, а другие – к эмоциональной [Равен, 2002]. И.А. Зимняя в структуре компетентности выделяет следующие компоненты: «готовность к проявлению компетентности – мотивационный компонент; владение знанием содержания определенной компетентности – когнитивный компонент; опыт проявления компетентности в различных стандартных и нестандартных ситуациях – поведенческий компонент; содержание компетентности и объект ее применения – ценностно-содержательный компонент; регуляция процесса и результата проявления компетентности – эмоционально-волевой компонент» [Зимняя, 2008, с. 42].

Результаты и их обсуждение

В нашем диссертационном исследовании структуру профессиональной компетентности будущего бакалавра техносферной безопасности мы предлагаем рассматривать как систему, состоящую из четырех компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивно-компетентностного, операционно-деятельностного и эмоционально-волевого [Карпов, 2020]. Мотивационно-ценностный компонент предусматривает наличие мотивов, целей, потребностей, ценностных установок, стимулирует творческое проявление личности; характеризует желание будущего специалиста получать знания; стимулирует творческое отношение к профессиональной деятельности. Мотив, как известно, это устремления личности к тому или иному виду активности (деятельность, общение, поведение), связанной с удовлетворением соответствующих потребностей [Попова, 2013; Панасенкова, Тимофеев, 2017]. В качестве мотивов могут выступать такие витальные ценности, как безопасность, качество жизни, здоровье, экологические ценности, комфорт, уровень защищенности или материальная независимость.

Когнитивно-компетентностный компонент охватывает знания, полученные в процессе обучения, а также знания и способности, основанные на индивидуальном опыте и саморазвитии будущего специалиста. Этот критерий, в котором преломляются такие первичные значения компетентности, как осведомленность, образованность, опыт, является системой приобретенных знаний, с учетом их глубины, универсальности, объема, социальных функций специалиста. Для формирования когнитивно-компетентностного критерия будущему бакалавру техносферной безопасности необходимо иметь развитые восприятие, внимание, безопасный тип мышления, представление и память, а это означает, что гностические умения образуют интеллектуальную основу будущей профессиональной человеко- и природосохраняющей деятельности [Равен, 2002; Месхи, 2011].

Операционно-деятельностный компонент отвечает за проявление профессиональной компетентности на рабочем месте в процессе выполнения служебных обязанностей и ха-

рактируется мастерством использования будущими специалистами техносферной безопасности приобретенных профессиональных знаний. Предусматривает опыт проявления компетентности в стандартных типичных производственных ситуациях и нестандартных (внештатных, аварийных, экстремальных, чрезвычайных) ситуациях, т.е. умение действовать по образцу и опыт творческой нетипичной индивидуальной и групповой деятельности [Попова, 2013; Панасенкова, Тимофеев, 2017; Карпов, 2020].

Эмоционально-волевой компонент отвечает за регуляцию процесса и результата проявления компетентности [Зимняя, 2008] и характеризуется показателями морально-волевого и эмоционально-чувственного содержания (работоспособность, организованность, настойчивость, решимость, смелость, стремительность, коммуникабельность). Этот компонент предусматривает формирование профессионально-значимых качеств, владение приемами преодоления профессиональной деструкции, развитие рефлексии, самоконтроль, самомобилизацию на конкретный вид деятельности и на преодоление трудностей, связанных с ней.

Для проверки эффективности мониторинга качества формирования компетентностей будущих бакалавров техносферной безопасности в ходе проведения экспериментального исследования необходимо выбрать определенные критерии и показатели. Критерии должны отвечать следующим требованиям: объективность отображения данных, характерность исследуемого предмета; объекта исследования, то есть эти данные должны быть постоянными и стойкими; согласованность с учебно-воспитательным процессом и удобство при использовании [Ахмадиева, 2011; Карамушкина, 2018]. Качественная и количественная характеристика сформированности компонентов исследуемого феномена образует понятие «показатель» [Сазонова, Федюкина, 2014].

Все четыре компонента представлены нами в виде критериев, связанных с профессиональной компетентностью выпускника, допускающих структуризацию с возможностью последующего количественного и качественного анализа исследуемого феномена. Для количественного сравнения нами использована 10-бальная шкала. За каждый критериальный показатель студент мог получить 0 или 1 балл: если будущий бакалавр техносферной безопасности владеет определенным спектром умений или знаний, то он получал один балл, если определенное качество не сформировано или сформировано на недостаточном уровне, студент получал ноль баллов.

После оценивания каждого из критериальных показателей, определяли среднее количественное значение каждого компонента по соответствующим формулам:

$$\text{МЦ} = \frac{\sum_{i=1}^N \text{МЦ}_i}{N} \quad (1)$$

– мотивационно-ценностный компонент:

$$\text{КК} = \frac{\sum_{i=1}^N \text{КК}_i}{N} \quad (2)$$

– когнитивно-компетентностный компонент:

$$\text{ОД} = \frac{\sum_{i=1}^N \text{ОД}_i}{N} \quad (3)$$

– операционно-деятельностный компонент:

$$\text{ЭВ} = \frac{\sum_{i=1}^N \text{ЭВ}_i}{N} \quad (4)$$

– эмоционально-волевой компонент:

где i – критериальный показатель; N – количество критериальных показателей, в пределах определяемого компонента.

Были выделены три уровня сформированности профессиональной компетентности будущих бакалавров техносферной безопасности по каждому из компонентов: низкий

уровень – 1–4 балла, средний уровень – 5–8 баллов, высокий уровень – 9–10 баллов. С целью определения уровня сформированности исследуемого феномена был использован комплекс методов педагогического исследования, который показал взаимосвязь между фактом перехода от одного уровня к другому и повышением профессиональной компетентности, необходимой для осуществления человеко- и природосохраняющей деятельности. Экспериментальная работа осуществлялась на базе кафедр техносферной безопасности трех учреждений высшего профессионального образования: Донецкой национальной академии архитектуры и строительства, Луганского национального университета имени Тараса Шевченко и Луганского государственного университета имени Владимира Даля.

Экспериментом были охвачены 324 студента 4 курса: 163 студента в экспериментальной группе и 161 студент в контрольной группе.

Проведем проверку эффективности предложенных мероприятий на основе использования методов математической статистики [Сидоренко, 2000; Стариченко, 2004]. С этой целью будет использован критерий χ^2 (хи-квадрат). С его помощью можно осуществить анализ двух независимых выборок, если обе выборки случайные (студенты были произвольно распределены на контрольные и экспериментальные группы – условие выполнено). Выборки независимы и члены каждой выборки независимы между собой (студенты контрольной и экспериментальной группы по определяемым параметрам и критериальным показателям не находились в контакте, а внутри группы оценивание каждого студента осуществлялось индивидуально – условие выполнено). Шкала измерений должна быть простой шкалой наименований от одной до трех категорий (используется трёхуровневая система оценивания профессиональной компетентности студентов – условие выполнено).

Сформированность профессиональной компетентности будущих бакалавров техносферной безопасности определяем по интегральной оценке четырёх компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивно-компетентностного, операционно-деятельностного и эмоционально-волевого. По аналогии с оцениванием компонентов нами были выделены три уровня сформированности профессиональной компетентности: низкий уровень – 4–23 балла, средний уровень – 24–35 баллов, высокий уровень – 36–40 баллов.

На заключительном этапе экспериментальной работы были сформированы из двух групп (контрольной и экспериментальной) две независимые выборки n_1 и n_2 , в состав которых вошли 91 студент контрольной группы ($n_1 = 91$) и 97 студентов экспериментальной группы ($n_2 = 97$). Уменьшение количества студентов, попавших в выборки на завершающем этапе эксперимента, связано с требованиями критерия χ^2 и региональным размещением студентов, что ограничивало оперативность педагогического влияния и проведения экспериментальной проверки.

Для каждого студента контрольной и экспериментальной выборки был вычислен уровень сформированности профессиональной компетентности. Пример полученных данных приведен в табл. 1. На основе полученных результатов оценивания уровня сформированности профессиональной компетентности у студентов (см. табл. 1) были сформированы данные для вычисления критерия χ^2 (табл. 2). В табл. 2 символ O_{li} означает количество студентов контрольной группы, имеющих соответствующий уровень сформированности профессиональной компетентности: низкий ($i=1$), средний ($i=2$) и высокий ($i=3$). По результатам оценивания уровня сформированности профессиональной компетентности у студентов были получены следующие данные (табл. 2).

Обозначим p_{1i} – вероятность сформированности профессиональной компетентности будущих бакалавров техносферной безопасности на начальном, среднем и высоком уровне ($i=1, 2, 3$); p_{2i} – вероятность сформированности профессиональной компетентности студентов экспериментальной группы на аналогичном уровне. С использованием полученных экспериментальных данных можно проверить нулевую гипотезу H_0 : предложенные мероприятия не влияют на изменение уровня сформированности профессиональной компетентности в контрольной и экспериментальной группах, т.е. для всех трех категорий ($C=3$) вероятность будет одинаковой ($p_{1i} = p_{2i}$).

Таблица 1
Table 1Уровень сформированности профессиональной компетентности
будущих бакалавров техносферной безопасности
The level of formation of professional competence of future bachelors of technosphere safety

Контрольная группа				Экспериментальная группа			
№ п/п	ФИО	Балл	Уровень	№ п/п	ФИО	Балл	Уровень
1	БМА	24	С	1	ОВИ	32	С
2	ГАЛ	13	Н	2	ООА	39	В
3	КАН	32	С	3	БАВ	36	В
4	КВВ	22	Н	4	ГАИ	35	С
5	БНВ	25	С	5	ДОВ	18	Н
...				...			
89	ПАЮ	30	С	89	ФАВ	30	С
90	ЮЕА	15	Н	90	ХВП	39	В
91	КВМ	26	С	91	МЖВ	27	С
				92	ПАА	26	С
				93	САА	33	С
				94	ПИВ	31	С
				95	ИОА	32	С
				96	КЕГ	25	С
				97	ЧТВ	37	В

Таблица 2
Table 2Результаты диагностирования уровня сформированности
профессиональной компетентности студентов
The results of diagnosing the level of formation of professional competence of students

Выборка	Категория 1 (низкий уровень)	Категория 2 (средний уровень)	Категория 3 (высокий уровень)
№ 1 (контрольная группа) $n_1 = 91$	$O_{11} = 34$	$O_{12} = 44$	$O_{13} = 13$
№ 2 (экспериментальная группа) $n_2 = 97$	$O_{21} = 21$	$O_{22} = 54$	$O_{23} = 22$

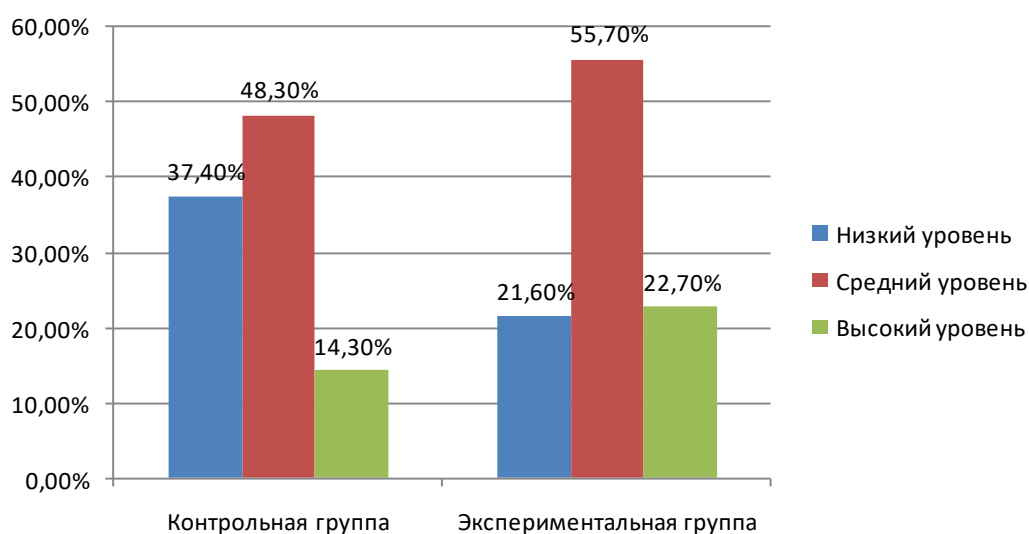
При альтернативной гипотезе H_1 предложенные мероприятия влияют на изменение уровня сформированности профессиональной компетентности в контрольной и экспериментальной группах, т.е. вероятность в обеих выборках будет различной ($p_{1i} \neq p_{2i}$).

Для проверки выдвинутой гипотезы проведем расчет значения статистики критерия χ^2 (хи-квадрат) по формуле [Сидоренко, 2000; Стариченко, 2004]:

$$T = \frac{1}{n_1 \cdot n_2} \cdot \sum_{i=1}^c \frac{(n_1 \cdot O_{2i} - n_2 \cdot O_{1i})^2}{O_{1i} + O_{2i}} = \frac{1}{n_1 \cdot n_2} \cdot \left[\frac{(n_1 \cdot O_{21} - n_2 \cdot O_{11})^2}{O_{11} + O_{21}} + \frac{(n_1 \cdot O_{22} - n_2 \cdot O_{12})^2}{O_{12} + O_{22}} + \frac{(n_1 \cdot O_{23} - n_2 \cdot O_{13})^2}{O_{13} + O_{23}} \right] \quad (5)$$

Значение статистики критерия χ^2 (хи-квадрат), вычисленное по формуле (5), оказалось равным $T_{набл} = 4,863$. Для уровня значимости $\alpha=0,10$ (с вероятностью 0,90) и числа степеней свободы $\nu = C - 1 = 3 - 1 = 2$ определяем критическое значение статистики критерия $T_{критич}=4,605$. Таким образом, верно неравенство $T_{набл} > T_{критич}$ ($4,863 > 4,605$), т.е. полученные результаты дают основание для отклонения нулевой гипотезы и принятия альтернативной.

Результаты диагностики показали, что уровень сформированности составляющих компонентов профессиональной компетентности наблюдался не только в экспериментальной группе, но и в контрольной. Данный факт можно объяснить тем, что у студента, который столкнулся с трудностями при выполнении того или иного задания, возникает стремление к самоусовершенствованию, побуждает его к самообразовательной деятельности, вызывает интерес к поиску путей решения поставленных задач. Однако анализ показал, что уровень сформированности исследуемого феномена в экспериментальной группе, в которой нами была внедрена модель системы целенаправленного формирования профессиональной компетентности бакалавров техносферной безопасности структурно-функционального типа, выше, чем в контрольной (см. рис.), что свидетельствует об эффективности предложенных педагогических условий и методики их реализации.

Сравнительный анализ уровня сформированности профессиональной компетентности бакалавров техносферной безопасности
 Comparative analysis of the level of formation of professional competence of bachelors of technosphere safety

Заключение

Экспериментальная проверка действенности предложенной трехуровневой системы критериев и показателей, проведенная на базе кафедр техносферной безопасности Донецкой национальной академии архитектуры и строительства, Луганского национального университета имени Тараса Шевченко и Луганского государственного университета имени Владимира Даля, подтвердила влияние комплекса педагогических условий на процесс формирования профессиональной компетентности у будущих бакалавров техносферной безопасности и осознанного выбора деятельности в области обеспечения техносферной безопасности. Разработанный спецкурс «Человеко- и природосохраняющая деятельность бакалавра техносферной безопасности» способствует развитию мотивации к овладению профессией, осознанию значимости ценностных ориентаций в профессиональной деятельности, потребности к обучению в течение всей жизни.

Таким образом, внедрение в процесс подготовки будущих бакалавров техносферной безопасности спецкурса «Человеко- и природосохраняющая деятельность бакалавра техносферной безопасности» и реализация выделенного комплекса педагогических условий гарантируют эффективное функционирование системы подготовки бакалавров техносферной безопасности в учреждениях высшего профессионального образования к осуществлению профессиональной деятельности по обеспечению техносферной безопасности.

Список литературы

- Ахмадиева Р.Ш. 2011. Теоретико-методические основания формирования безопасности жизнедеятельности на дорогах как компетенции будущего специалиста. Вестник Чувашского университета, 2: 243–250.
- Девисилов В.А. 2011. О подготовке инженерных кадров по защите окружающей среды в рамках направления «Техносферная безопасность». В кн.: Экология и безопасность жизнедеятельности промышленно-транспортных комплексов ЕЛРПГ 2011. Сборник трудов III Международного экологического конгресса (V Международной научно-технической конференции), г. Самара, 21-25 сентября 2011 года. Под ред. А.В. Васильева. Т.3. Тольятти, ТГУ: 3–15.
- Зимняя И.А. 2008. Единая социально-профессиональная компетентность выпускника университета: понятие, подходы к формированию и оценке. М., Государственный технологический университет «Московский институт стали и сплавов» (МИСиС), 54 с.
- Карамушкина С.В. 2018. Применение проблемного метода обучения в подготовке бакалавров по направлению «Техносферная безопасность». В кн.: Теоретические и практические аспекты инженерного образования. Материалы всероссийской научно-методической конференции, г. Благовещенск, 17 декабря 2018 года. Под ред. М.В. Маканниковой. Благовещенск, Изд-во БГАУ: 106–108.
- Карпов В.В. 2020. Цифровая составляющая в структуре профессиональной компетентности будущих бакалавров техносферной безопасности. Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 10 (153): 60–64.
- Месхи Б.Ч. 2011. Компетенции безопасности жизнедеятельности: стандарты и действительность. Высшее образование в России, 6: 94–98.
- Панасенкова Е.Ю., Тимофеев С.С. 2017. Применение компетентностного подхода при подготовке студентов направления «Техносферная безопасность» на примере дисциплины «Региональная экология». XXI век. Техносферная безопасность, 2 (3(7)): 102–110.
- Попова Л.А. 2013 г. Компетентностный подход к подготовке бакалавров по направлению «Техносферная безопасность». Технологии техносферной безопасности, 3 (49): 22. URL: <http://academygps.ucoz.ru/ttb/2013-3/2013-3.html> (дата обращения: 28.11.2021).
- Равен Дж. 2002. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. Пер. с англ. В.И. Белопольского. Под ред. В.Г. Асеева. М., Когито-Центр, 396 с. (Raven J. 1997. Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Release. Unionville, New York, Royal Fireworks Press)

- Роман С.В. 2020. Комплексная безопасность как актуальная методологическая проблема современного образования. В кн.: Искусствоведение и художественное образование: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научно-практической конференции, г. Луганск, 19 марта 2020 года. Под ред. Л. П. Лабинцевой. Луганск, Книта: 174–180.
- Сазонова З.С., Федюкина Т.В. 2014. Концепция подготовки по техносферной безопасности бакалавров техники и технологий. Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки, 3 (29): 37–46.
- Сидоренко Е.В. 2000. Методы математической обработки в психологии. Под ред. А.Б. Алексева. СПб., Речь, 350 с.
- Стариченко Б.Е. 2004. Обработка и представление данных педагогических исследований с помощью компьютера. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т., 218 с.
- Тимофеева С.С., Тимофеев С.С. 2015. Инновационные методы подготовки специалистов по направлению «Техносферная безопасность». Безопасность жизнедеятельности, 5 (173): 63–67.
- Хуторской А.В. 2003. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования. Народное образование, 2 (1325): 58–64.

References

- Akhmadieva R.Sh. 2011. Theoretical and methodological base for creating life safety on the roads as the competence of the future expert. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2: 243–250.
- Devisilov V.A. 2011. О подготовке инженерных кадров по защите окружающей среды в рамках направления «Техносферная безопасность» [On the training of engineering personnel for environmental protection within the framework of the "Technospheric safety" direction]. In: Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti promyshlenno-transportnykh kompleksov ELPIT 2011 [Ecology and life safety of industrial and transport complexes ELPIT 2011]. Sbornik trudov III Mezhdunarodnogo ekologicheskogo kongressa (V Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii), g. Samara, 21-25 sentyabrya 2011 goda. Ed. A.V. Vasil'eva. T.3. Tol'yatti, Publ. TGU: 3-15.
- Zimnyaya I.A. 2008. Edinaya sotsial'no-professional'naya kompetentnost' vypusknika universiteta: ponyatie, podkhody k formirovaniyu i otsenke [Uniform Social and Professional Competence of a University Graduate: Concept, Approaches to Formation and Evaluation]. M., Publ. Gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet «Moskovskiy institut stali i splavov» (MISiS), 54 p.
- Karamushkina S.V. 2018. Primenenie problemnogo metoda obucheniya v podgotovke bakalavrov po napravleniyu «Tekhnosfernaya bezopasnost'» [Application of the problematic teaching method in the preparation of bachelors in the direction of "Technospheric safety"]. In: Teoreticheskie i prakticheskie aspekty inzhenernogo obrazovaniya [Theoretical and practical aspects of engineering education]. Materialy vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, g. Blagoveshchensk, 17 dekabrya 2018 goda. Ed. M.V. Makannikova. Blagoveshchensk, Publ. Izd-vo BGAU: 106–108.
- Karpov V.V. 2020. Digital component in the structure of the professional competence of future bachelors of technosphere safety. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 10 (153): 60–64.
- Meskhi B.Ch. 2011. Personal and social safety competences in educational standards and present-day life. Higher Education in Russia, 6: 94–98 (in Russian).
- Panasenkova E.Yu., Timofeev S.S. 2017. Competence-based approach for training students of the technosphere safety field (case study of the discipline "regional ecology"). XXI vek. Tekhnosfernaya bezopasnost', 2 (3(7)): 102–110.
- Popova L.A. 2013. Competency approach to training bachelors in the direction "technosphere safety". Tekhnologii tekhnosfernoy bezopasnosti, 3 (49): 22. Available at: <http://academygps.ucoz.ru/ttb/2013-3/2013-3.html> (accessed: ....2021).
- Raven Dzh. 2002. Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vyyavlenie, razvitie i realizatsiya [Competence in Modern Society: Identification, Development, and Implementation]. Per. from Engl. V.I. Belopol'sky. Ed. V.G. Aseev. M., Publ. Kogito-Tsentr, 396 p. (Raven J. 1997. Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Release. Unionville, New York, Royal Fireworks Press)

- Roman S.V. 2020. Kompleksnaya bezopasnost' kak aktual'naya metodologicheskaya problema sovremennogo obrazovaniya [Integrated security as an actual methodological problem of modern education]. In: Iskusstvovedenie i khudozhestvennoe obrazovanie: problemy, poiski, resheniya [Art criticism and art education: problems, searches, solutions]. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Lugansk, 19 marta 2020 goda. Ed. L.P. Labintseva. Lugansk, Publ. Knita: 174–180.
- Sazonova Z.S., Fedyukina T.V. 2014. The concept of training on security technosphere bachelors of engineering and technology. The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy: Psychological and pedagogical sciences, 3 (29): 37–46 (In Russia).
- Sidorenko E.V. 2000. Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii [Methods of mathematical processing in psychology]. Ed. A.B. Alekseev. SPb., Publ. Rech', 350 p.
- Starichenko B.E. 2004. Obrabotka i predstavlenie dannykh pedagogicheskikh issledovaniy s pomoshch'yu komp'yutera [Processing and presentation of pedagogical research data using a computer]. Ekaterinburg, Publ. Ural. gos. ped. un-t., 218 p.
- Timofeeva S.S., Timofeev S.S. 2015. Innovative methods of training specialists majoring "technosphere safety". Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti, 5 (173): 63–67.
- Khutorskoy A.V. 2003. Klyuchevye kompetentsii kak komponent lichnostno-orientirovannoy paradigmy obrazovaniya [Key competencies as a component of the learner-centered paradigm of education]. Narodnoe obrazovanie, 2 (1325): 58–64.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпов Владислав Викторович, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и охраны труда, Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Луганская Народная Республика.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Karpov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Life Safety and Labor Protection, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Luhansk People's Republic.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 811.111-26

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-86-94

Особенности когнитивно-лингвистического анализа речей американских политиков на примере речи Д. Трампа

Афонина О.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, ул. Колмогорова, 1,
Email: afonina.olya@internet.ru

Аннотация. Представлен когнитивно-дискурсивный анализ языковой личности Дональда Трампа. За основу взята речь экс-президента Соединенных Штатов Америки по эпидемиологической ситуации в стране. Цель исследования – выявление характерных речевых особенностей Д. Трампа и установление их прагматического потенциала. Объектом исследования является политическая личность. За основное направление в когнитивной лингвистике мы выделяем подход, разработанный Т.А. ван Дейком. Мы рассмотрели лексические и синтаксические уровни языка, так как они являются наиболее показательными для когнитивного анализа. Результаты исследования выявили наличие большой степени экспрессивности в речи политика. Были выделены следующие дискурсивные модели: использование парцелляции, лексических повторов и разнообразных парентетических внесений. Подобная речевая характеристика Д. Трампа свидетельствует о том, что имидж политика складывается из довольно эмоциональных реакций на происходящие события, что формирует определенное доверие к политику со стороны населения, его речи доступны для понимания широкой аудитории, что показывает желание политика иметь близкие и дружеские отношения с нацией.

Ключевые слова: языковая личность политика, когнитивно-дискурсивный анализ текста политического выступления, парентетические внесения, экспрессивность, парцелляция, когнитивно-речевые стратегии

Для цитирования: Афонина О.И. 2022. Особенности когнитивно-лингвистического анализа речей американских политиков на примере речи Д. Трампа. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 86–94. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-86-94

Features of the Cognitive-Linguistic Analysis of the Speeches of American Politicians on the Example of D. Trump's Speech

Olga I. Afonina

Lomonosov Moscow State University,
1. Kolmogorov St, Moscow 119991, Russia,
Email: afonina.olya@internet.ru

Abstract. A cognitive-discourse analysis of the linguistic personality of Donald Trump is presented. It is based on the speech of the ex-President of the United States of America on the epidemiological situation in the country. The main goal of the study is to identify the characteristic speech features of D. Trump and

establish their pragmatic potential. The object of the research is a political personality. For the main direction in cognitive linguistics, we single out the approach developed by T.A. van Dijk. We have studied the micro and macro levels during the analysis. In our analysis, we examined the lexical and syntactic levels of the language, since they are the most indicative for cognitive analysis. The results of the study revealed the presence of a high degree of expressiveness in the politician's speech. The following discursive models were identified: the use of parcellation, lexical repetitions and various parenthetical contributions. Such a speech characteristic of D. Trump indicates that the image of a politician consists of rather emotional reactions to current events, which forms a certain confidence in the politician on the part of the population, his speeches are available for understanding by a wide audience, which shows the politician's desire to have close and friendly relations with the nation.

Keywords: linguistic personality of a politician, cognitive-discursive analysis of the text of a political speech, parenthetical contributions, expressiveness, parcellation, cognitive-speech strategies

For citation: Afonina O.I. 2022. Features of the Cognitive-Linguistic Analysis of the Speeches of American Politicians on the Example of D. Trump's Speech. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 86–94 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-86-94

Введение

Изучение политического дискурса до недавнего времени находилось исключительно в сфере социальных наук, сейчас его изучение занимает одну из центральных позиций в лингвистике. Роль средств массовой информации нельзя преуменьшать, так как это основной рычаг влияния на общественное сознание. В нашей жизни политика всегда играла наиважнейшую роль, а политиков всегда слушали и обсуждали их высказывания. В когнитивной лингвистике язык представляет собой механизм, другими словами – когнитивный инструмент, при помощи которого создаются определенные когнитивные структуры [Демьянков, 1982].

Говоря о когнитивных аспектах политической речи, нельзя не выдвинуть на первый план проблему правильного понимания политика аудиторией [Мухортов, 2015]. При помощи языка, как мы знаем, анализируются и создаются умственные связи, которые представляют интерес для анализа с позиции производства речи. Каждая политическая речь несет в себе определенные интенции, которые говорящий стремится передать слушающим. Стоит отметить, что политический дискурс является достаточно сложной лингвистической областью, так как задачей политика является донести свои мысли не одному, а как правило, сотням, тысячам, миллионам людей, что безусловно, накладывает определенную ответственность на политика в выборе правильных языковых средств для достижения своей коммуникативной задачи [Dijk, 1988].

В когнитивной лингвистике XXI века на первый план выходит человек как объект исследования [Александрова, 2021], в случае с когнитивным политическим дискурсом – политик [Мухоротов, 2019]. Нельзя не отметить, что коммуникативный подход к языку (а именно рассмотрение языковых явлений в неразрывной связи с говорящим) является наиболее для нас подходящим с точки зрения выявления специфичных когнитивно-лингвистических черт в той или иной политической речи. Анализ политического дискурса необходим в процессе понимания его содержания и для оценки истинных намерений высказываний политиков [Генералова, 2010].

Понятие «дискурс» рассматривалось многими лингвистами нашего и прошлого века. Например, В.З. Демьянков считает, что дискурс – это «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. <...> Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», то есть: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящаяся дискурс с событиями» [Демьянков, 1982; Ахманова, 2004]. Важность дальнейшего изучения языковых

средств, реализующие поведение политиков в английском языке и функционирующие в рамках политического дискурса, обусловлена необходимостью распознавания смысла, заложенного в публичном высказывании.

Целью данного исследования выявление лексико-синтаксических особенностей речи американского политика Д. Трампа на конкретном примере выступления политика о проблеме международного масштаба – пандемии COVID-19.

Объект и методы исследования

Выяснить то, как создается и воспринимается речь – основная задача когнитивного подхода в лингвистике. Такой подход к языку набирает свое распространение в когнитивной лингвистике, что свидетельствует и о распространении в политической сфере, соответственно. Этот подход дает возможность лингвистам рассмотреть текст с другого угла, а именно проследить и выявить когнитивные механизмы, которые отражают мышление человека в политическом дискурсе.

Чтобы оценить важность правильного использования языка в политике, необходимо проанализировать, как он используется, как им играют или как при помощи него манипулируют в политическом контексте. Это даст нам понять, почему многие политики могут получить признание людей лишь только с помощью языковых средств, которые они используют [Караулов, 2010]. Не стоит пренебрегать исследованием социально-культурного фона, который так или иначе связан с контекстом речи политиков. В нашем случае к подобному фону можно отнести эпидемиологическую ситуацию в стране, а также факт гибели сотен тысяч американских граждан из-за COVID-19. Для анализа политической речи важно проследить ментальную цепочку, которую создает политик в своем высказывании, в нее включаются различные мнения, установки, цели и верования говорящего. Необходимо отметить, что данный подход имеет много общего с психологическим подходом, где также исследуются процессы, происходящие в мозге человека, которые затем реализуются в речи. Когнитивный же анализ ставит целью исследовать дискурс и выявить определенные когнитивные модели, использованные говорящими.

Наш анализ будет направлен на изучение типичного стиля политического языка, используемого президентом – человеком, занимающим высшую должность в политической сфере. Объектом исследования стало выступление экс-президента США Дональда Трампа. В качестве основного метода исследования был выбран описательный метод с применением контекстного анализа, поскольку нашей задачей является описание и анализ механизмов языка в конкретной социально значимой речи политика.

Когнитивно-дискурсивный анализ речи Дональда Трампа: обсуждение полученных результатов

Экспрессивная функция языка свойственна всем его уровням: фонетическому, морфологическому, лексическому, синтаксическому. В современной языковой ситуации проблемы экспрессивного синтаксиса являются все более актуальными. Данная тенденция связана прежде всего с антропологическим подходом к изучению языка [Александрова, 2021], интересом к структуре речи/текста, звуковых средств и пр. Еще лингвисты прошлого столетия указывали на важность изучения экспрессии. Виноградов В.В. в своих работах придавал особое значение «формам и видам строения высказывания, состава и объема даже простого предложения» [Виноградов, 1955].

Итак, в нашем анализе мы остановимся на следующих пунктах: 1) характеристике языковой личности (политического деятеля), когнитивно-речевой стратегии политика; 2) характеристике коммуникативно-прагматического контекста; 3) текстуальных особенностях построения речи и ее экспрессивной функции [Шапочкин, 2018].

При проведении когнитивно-дискурсивного анализа речи Дональда Трампа о ситуации с COVID-19 было выявлено следующее:

Речевая характеристика экс-президента США: говоря о состоянии своего здоровья после новости о вирусном заболевании COVID-19, Дональд Трамп не только заверяет американцев, что ему становится гораздо лучше с каждым днем, но и подчеркивает эффективность медикаментов, доступных в США. Д. Трамп уверен, что Америка – сильная страна и она справится с этой вирусной инфекцией. Также политик упоминает Меланию Трамп (Первую Леди), которая также переносит данное вирусное заболевание с положительной динамикой. Экс-президент выражает огромную благодарность гражданам своей страны за поддержку него и его семьи в трудный период их жизни и поддерживает своих граждан в ответ. Более того, политик подтверждает свои слова об эффективности медицины своей страны на собственном примере, что безусловно вселяет надежду гражданам страны. Речь экс-президента США воспринимается легко, степень точности отражения действительности не вызывает сомнений. Целевая направленность данного политического дискурса понятна – показать на своем собственном примере высочайший уровень развития медицинской сферы в США, а также укрепить веру жителей в стабилизирование эпидемиологической ситуации в стране. На основе изложенных критериев мы можем охарактеризовать языковую личность Дональда Трампа как достаточно корректную, он старается вызвать у аудитории чувство единения, веры в свою страну. Данное выступление из Национального военно-медицинского центра имени Уолтера Рида характеризуется повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, что видно из языкового материала, который мы рассмотрим ниже. Стоит отметить, что все выступления Д. Трампа всегда носят определенный эмоциональный колорит.

При анализе когнитивно-речевых стратегий мы выявили следующее:

– усиление, которое достигается за счет использования превосходной степени прилагательных (*I think it's the finest in the world...; This is the greatest country in the world... This is the most powerful country in the world...*), а также эмоционально-окрашенных прилагательных-эпитетов (*incredible medical professionals; It's a beautiful thing to see...; the outpouring of love...*);

– большое количество повторов, которые делают акцент на основном смысле данной речи и помогают Д. Трампу достигать своей коммуникативной цели. Словосочетание “*to be back*” используется говорящим 4 раза за первые минуты его речи (*I have to be back...; I'll be back. I think I'll be back soon...*), что сигнализирует о том, что после перенесения основной стадии заболевания, Д. Трамп верит в положительный исход и ожидает вернуться к своим обязанностям уже в ближайшие дни. Политик призывает население не бояться и верить в «чудодейственные препараты» (*therapeutics... they are miracles*). Помимо своего скорейшего возвращения в Белый Дом, политик также повторяет слова про величие своей страны (*This is the greatest country in the world. This is the most powerful country in the world...*), тем самым делая на этом акцент. Стоит заметить, что Д. Трамп практически в каждой своей речи употребляет известную фразу *Make America great again* и данное выступление экс-главы государства не исключение.

Приведенные примеры когнитивно-речевых стратегий имеют свое дискурсивное значение и характеризуют американского экс-президента как языковую личность [Нелюбин, 2013]. Анализ коммуникативно-прагматического пространства показал следующее: время – 3 октября 2020 г.; место – Соединенные Штаты Америки, Национальный военно-медицинский центр имени Уолтера Рида; событие/действие – сообщает обновленную информацию о своем состоянии здоровья после того, как ему поставили диагноз коронавирус; сфера деятельности – на момент выступления (2020 г) действующий президент США; участники – Д. Трамп в роли адресанта, население США – в роли прямого адресата; роли участников – коммуникативная роль выступающего выражается личным местоимением в единственном числе I, что свидетельствует о том, что говорящий высказывается за себя и

дает свою оценку происходящему, призывая всю страну к единству и вере в силу американского народа; социальная роль говорящего проявляется в благодарности населению за оказанную поддержку; социальные отношения – официальные, информативные; когнитивные характеристики участников – влияние выступающего на сознание общества с целью сплочения государства в тяжелые времена и обеспечения уверенности граждан в победе над вирусной инфекцией.

Речь экс-президента Америки началась с благодарности медицинским работникам:

I want to begin by thanking all of the incredible medical professionals, the doctors, the nurses, everybody at Walter Reed Medical Center. - Хочу поблагодарить всех непревзойденных медицинских сотрудников-профессионалов, врачей, медсестер, всех в Медицинском центре Уолтера Рида.

Стоит также отметить, что патриотизм в речи Дональда Трампа прослеживается нами за счет частого использования личных местоимений I/We (*We're working hard...; I most of all appreciate...*). Поскольку местоимение we используется довольно часто, то аудитория чувствует себя причастной к общей теме высказывания и таким образом говорящий увеличивает общее количество сторонников своей позиции. Также использование притяжательного местоимения our помогает политику упрочить свое положение народного лидера (*our country...; our first lady...*). Из этого следует, что Д. Трамп использует универсальные коммуникативные стратегии, которые используются политиками для формирования доверия у общества (например, аргументация: *so I just want to tell you...*, использование стилистических средств: метафор, эпитетов, гипербол и пр.)

Как упоминалось ранее, важной коммуникативной стратегией политика является использование стилистических средств языка, которые выполняют определенную функцию в высказывании политика. Были выявлены следующие средства:

– метафора (*If you look at the therapeutics... they're miracles coming down from God*). Так как основным посылом Д. Трампа является укрепление веры народа в медицину и в то, что американский народ одержит победу над пандемией, то политик называет чудом все то, что делают медицинские специалисты;

– эпитет (*incredible miracle professionals*) политик использует для усиления своей позиции в отношении медицинских работников, тем самым выражая им уважение;

– гипербола (*an awfully good job*) используется говорящим для подчеркивания значимости работы врачей в период пандемии. Это позволяет нам увидеть ценности Д. Трампа и увидеть его отношение к стране и ее возможностям в тяжелый период пандемии.

При описании нелегкой ситуации в стране политик использует достаточно много эмоционально-окрашенной лексики. Например, при упоминании COVID-19 – эпидемии, унесшей множество жизней американцев, говорящий использует эмоционально-окрашенную лексику и повтор "*We're going to beat this coronavirus and we're going to beat it soundly*", что делает акцент на уверенности политика в удачный исход в нелегкой борьбе с пандемией. Такая мотивация прослеживается на протяжении всей речи политика. Помимо одобрения профессиональной работы медиков, Дональд Трамп также указывает на свой вклад лидера страны (*I have to be back, because we still have to make America great again; ...and I'm fighting for millions of people*), тем самым заверяя свою страну, что он прилагает немалые усилия для поддержания жизни населения в такой тяжелый период.

В ходе текстуального анализа политического дискурса мы ограничимся лексическим и синтаксическим уровнями языка как наиболее результативными в плане когнитивного анализа [Шейгал, 2000; Dijk, 2006]. Нам встретились следующие явления:

1. Наличие в речи нераспространенных предложений (*I promise you; Don't leave*).
2. Преобладающее использование личного местоимения I (*I want to begin...; I came here...; I'm fighting...; I was given that alternative...*).
3. Преобладание лексики, относящейся к вирусной ситуации в стране и мире: *medical professionals, the doctors, the nurses, coronavirus, therapeutics, disease*.

4. Преобладание лексики с положительной коннотацией: *doing well; handling it very nicely; miracles; to beat it soundly; incredible job*.

5. Наличие парентетических внесений, свидетельствующих о наличии экспрессивности в речи политика, желании воздействовать и убедить слушающих в достоверности информации. Используются как односложные парентетические внесения (*frankly; so; again*), так и внесения-предложения (*It's supposed; I think; I guess*). Данные внесения носят функцию отсылки (*again*); делиберативности (*I think*). Данные парентетические внесения довольно многочисленны и носят функцию «характеристики сообщаемого с позиции говорящего к сообщаемому» [Александрова, Стрелец, 2021]. Всё это безусловно вносит вклад в развитие экспрессивности речи Д. Трампа.

Говоря о синтаксисе [Карасик, 2002] данной политической речи, мы можем отметить следующее: большинство предложений имеют в себе субъект “I”, что свидетельствует о том, что Дональд Трамп говорит о своем личном опыте борьбы с коронавирусом и делится своими выводами о состоянии медицины в стране. Но мы также должны упомянуть и наличие безличных предложений в повелительном наклонении (*Don't even go to the Oval Office; Don't ever leave*). Данные предложения вносят дополнительную эмоциональность в речь политика, тем самым побуждая слушающих к определенным действиям и доверию политике [Александрова, 2021].

Наличие парцелляции (*...They're miracles.; ...Not just in the US.; ...This is the United States.*) несет экспрессивно-выделительную функцию, при помощи данного стилистического приема акцентируется внимание на основной идее в речи политика, добавляется определенная степень экспрессии.

В целом, мы можем выделить следующие когнитивные аспекты данной речи Д. Трампа [Шейгал, 2000]:

1) **Взаимодействие** с аудиторией. Дональд Трамп обращается к своим согражданам, о чем свидетельствует употребление личного местоимения множественного числа “we”, тем самым, говорящий сокращает дистанцию между собою и слушателями.

2) **Эмотивность** речи выражается в использовании экс-президентом стилистически окрашенной лексики, которая дает положительную или отрицательную коннотацию тому или иному явлению, затронутому говорящим. Как писалось ранее, общим эмоциональным фоном является проявление патриотизма и поддержка американского народа.

3) Политик использует различные **речевые стратегии** для достижения поставленной задачи. Как удалось проследить в данной речи, политик широко использует повторы и усиление. Благодаря данным стратегиям, говорящий делает определенный акцент на ту или иную интенцию своей речи. Мы можем выделить неоспоримое желание политика вселить веру в народ в период пандемии, поддержать свой статус народного лидера, заявляя, что политик не может просто «отсиживаться» в офисе в столь трудный период и рад вернуться к своим обязанностям после перенесенной болезни COVID-19 (*I had to be out front, and this is America.*).

4) Целевая направленность дискурса реализует его **прагматику**. Любой дискурс воплощается через определенную языковую знаковую систему, политический дискурс не исключение. Соответственно, для говорящего очень важно подбирать подходящие своим интенциям языковые единицы, которые смогут оказать определенное воздействие на слушающих.

Мы пришли к выводу, что анализ дискурса не может обойтись без ряда понятий (язык – выражение – концепт – восприятие), потому как именно таким образом мы получаем и передаем информацию. Задача политика усложняется тем, что ему необходимо донести информацию и убедить большую аудиторию в правильности своих суждений. Поэтому коммуникативный подход, который можно обозначить антропологическим, нам представился наиболее подходящим. Так как проявлением данного подхода является исследование дискурса, то когнитивный анализ предстает перед нами как наиболее продуктивный для реализации наших целей. В свою очередь, он показал ряд описанных выше лингвистических результатов.

Немаловажным фактором является то, что в политическом дискурсе основной интенцией политика является убедить слушателей в том или ином суждении. Политическому деятелю необходимо выбрать правильные языковые символы и позицию, чтобы все это не шло в разрез с народным сознанием, иначе цель говорящего не будет достигнута. Политику необходимо принимать во внимание состояние общественного сознания, которое складывается в тот или иной период жизни общества под влиянием различных факторов, происходящих в стране. В нашем конкретном примере Дональд Трамп произносил свою речь в период пандемии и многочисленные упоминания трудностей жизни в столь тяжелое время являются подтверждением осознания политиком социальной ситуации в стране, что реализуется в выборе тех языковых средств, которые относятся к общему семантическому полю, исходя из данной фоновой ситуации в США.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели лексико-синтаксические средства, которые Дональд Трамп использовал в речи, посвященной ходу своего выздоровления от COVID-19, также он призвал жителей к вере в передовую медицину своей страны, которая поможет в стабилизации эпидемиологической ситуации. Политическая речь всегда является сложной сама по себе, так как говорящие вынуждены тщательно отбирать языковые средства, прибегать к принципу плюрилингвизма, исходя из выбранной стилистической маркированности речи, учитывая при этом ситуацию, характер аудитории и формальность/неформальность обстановки. Безусловно, намерение, которое закладывается в речь политика, играет важную роль, так как в ходе речи ему необходимо поступательно изложить интенции, чтобы побудить слушателей к определенным действиям, сформировать определенное видение.

Из результатов анализа видно, что речь Дональда Трампа эмоционально насыщена, что свидетельствует о эмоциональной вовлеченности политика в вопросы здравоохранения своей страны. Д. Трамп также упоминает, что ему необходимо вернуться к работе как можно быстрее, так как еще не все предвыборные обещания ему удалось реализовать, из чего видно его желание создать честный и благородный имидж.

Речь политика довольно проста для понимания и не содержит в себе большого количества сложных грамматических конструкций. Исходя из этого, мы понимаем, что перед нами именно устная речь, чему свидетельствует большое количество лексических повторов, различных парентетических внесений, сокращений и т.п. Из всего вышесказанного следует, что Дональд Трамп обращается именно к гражданам своей страны и не старается перегрузить речь излишними официальными терминами и конструкциями.

Мы рассмотрели некоторые аспекты американского политического дискурса, но для создания полной картины и описания когнитивной модели требуется более подробное исследование, которое в данную статью не вошло.

Изучение выбора тех или иных лексико-синтаксических средств политиками для реализации своих интенций видится перспективным и требующим проведения дальнейшего исследования в конкретном направлении когнитивной лингвистики. В данном исследовании впервые поднимается проблема важности парентетических внесений и их экспрессивной функции, что вносит вклад в дальнейшее изучение политического дискурса на материале речей американских политиков.

Список источников

- Ахманова О.С. 2004. Словарь лингвистических терминов. М., Едиториал УРСС, 571 с.
Демьянков В.З. 1982. «Тетради новых терминов». № 039. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Выпуск 2. Методы анализа текста. Под ред. Ю.В. Ванникова. М., Всесоюзный центр переводов, 290 с.

Trump D. 2020. Video Transcript from Walter Reed Medical Center with COVID Update. Available at: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-video-transcript-from-walter-reed-medical-center-with-covid-update> (accessed: 11 November 2021)

Список литературы

- Александрова О.В. 2021. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка. М., Ленанд, 214 с.
- Александрова О.В., Стрелец И. Э. 2021. Место и роль дипломатического дискурса в составе современных дискурсивных исследований. Когнитивные исследования языка. Под ред. Н.Н. Болдырева. Вып. 1(44). Когнитивные исследования естественной коммуникации: qs&as. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 29 октября 2020 года. Под ред. О.К. Ирисхановой. Тамбов, Издательский дом «Державинский»: 413-420.
- Виноградов В.В. 1955. Итоги обсуждения вопросов стилистики. Вопросы языкознания, 1: 60–87.
- Генералова С.Н. 2010. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме. Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 5(1): 95–101.
- Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 477 с.
- Караулов Ю.Н. 2010. Русский язык и языковая личность. М., Издательство ЛКИ, 264 с.
- Мухортов Д.С. 2015. Практика когнитивно-дискурсивного анализа языковой личности политика (опыт прочтения публичных выступлений Билла Клинтона). Коммуникативные исследования, 2(4): 86-95.
- Мухоротов Д.С. 2019. Об особенностях исследования языковой личности политика на современном этапе. Филология и человек, 1: 22-29. DOI:10.14258/filichel(2019)1-02
- Нелюбин Л.Л. 2013. Стилистические выразительные средства языка. В кн.: Л.Л. Нелюбин, Лингвистилистика современного английского языка. М., ФЛИНТА: 114–122.
- Паршина О.Н. 2007. Российская политическая речь: теория и практика. Под ред. О.Б. Сиротининой. М., URSS, 227 с.
- Почепцов Г.Г. 2001. Теория коммуникации. М., Рефл-бук, Ваклер, 656 с.
- Шапочкин Д.В. 2018. Политический дискурс: когнитивный аспект. Тюмень, Издательство Тюменского государственного университета, 292 с.
- Шейгал Е.И. 2000. Семиотика политического дискурса. Волгоград, Перемена, 431 с.
- Dijk van T.A. 1988. News as Discourse. New Jersey-L., Lawrence Elbbbaum Associates. Publ., N. VIII, 200 p.
- Dijk van T.A. 2002. Political Discourse and political cognition. In: Politics as Text and Talk: Analytic approaches to political discourse Edited by Paul Chilton and Christina Schäffner Discourse Approaches to Politics, Society and Culture, 203-237. DOI: <https://doi.org/10.1075/dapsac.4.11dij>
- Dijk van T.A. 2006. Discourse, context and cognition. Discourse Studies, 8(1): 159–177. DOI:10.1177/1461445606059565
- Lilliker D.G. 2006. Key Concepts in Political Communication. London, SAGE, 224 p.

References

- Aleksandrova O.V. 2021. Problemy ekspressivnogo sintaksisa. Na materiale an-gliiskogo yazyka [Issues in Expressive Syntax. On the material of the English language]. M., Publ. Lenand, 214 p.
- Aleksandrova O.V., Strelets I. E. 2021. The role and place of the diplomatic discourse within the sphere of modern discourse studies. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Ed. N.N. Boldyrev. Is. 1(44). Kognitivnye issledovaniya este-stvennoy kommunikatsii: qs&as [Cognitive studies of natural communication: qs&as]. Materialy Kruglogo stola. Moskovskiy gosudar-stvennyy lingvisticheskiy universitet. 29 oktyabrya 2020 goda. Ed. O.K. Iriskhanova. Tambov, Publ. Izdatel'skiy dom «Derzhavinskiy»: 413–420.
- Vinogradov V.V. 1955. Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki [Results of the discussion of stylistics]. Voprosy yazykoznaneya, 1: 60-87.
- Generalova S.N. 2010. Political discourse in the linguistic-culturological paradigm. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 5(1): 95–101.

- Karasik V.I. 2002. Yazykovoĭ krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 477 p.
- Karaulov Yu.N. 2010. Russkiĭ yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. M., Publ. Izdatel'stvo LKI, 264 p.
- Mukhortov D.S. 2015. Cognitive discursive insights into the politician's linguistic identity: perusing Bill Clinton's public statements. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2(4): 86–95.
- Mukhorotov D.S. 2019. On the Research of the Politician's Linguistic Profile Today. *Filologiya i chelovek*, 1: 22-29. DOI:10.14258/filichel(2019)1-02
- Nelyubin L.L. 2013. Stilisticheskie vyrazitel'nye sredstva yazyka [Stylistic expressive means of language]. In: Nelyubin L.L. *Lingvostilistika sovremennogo angliĭskogo yazyka* [Linguistics of modern English]. M., Publ. FLINTA: 114–122.
- Parshina O.N. 2007. Rossiĭskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika [Russian Political Speech: Theory and Practice]. Ed. O.B. Sirotinina. M., Publ. URSS, 227 p.
- Pocheptsov G.G. 2001. *Teoriya kommunikatsii* [Theory of communication]. M., Publ. Refl-buk, Vakler, 656 p.
- Shapochkin D.V. 2018. Politicheskiiy diskurs: kognitivnyy aspekt [Political discourse: a cognitive aspect]. Tyumen', Publ. Izda-tel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 292 p.
- Sheĭgal E.I. 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 431 p.
- Dijk van T.A. 1988. *News as Discourse*. New Jersey-L., Lawrence Elbaum Associates. Publ., N. VIII, 200 p.
- Dijk van T.A. 2002. Political Discourse and political cognition. In: *Politics as Text and Talk: Analytic approaches to political discourse* Edited by Paul Chilton and Christina Schäffner *Discourse Approaches to Politics, Society and Culture*, 203-237. DOI: <https://doi.org/10.1075/dapsac.4.11dij>
- Dijk van T.A. 2006. Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*, 8(1): 159-177. DOI:10.1177/1461445606059565
- Lilliker D.G. 2006. *Key Concepts in Political Communication*. London, SAGE, 224 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афонина Ольга Игоревна, аспирантка филологического факультета, Московский государственный университета, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Afonina, 2nd year post-graduate student of the Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow, Russia.

УДК 612.843.3:61:00.4

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-95-103

Семиотика цвета в медицинской терминологии

Байдашева Э.М.

Астраханский государственный медицинский университет,
Россия, 414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, 121,
E-mail: bem27@mail.ru

Аннотация. Для расширения профессиональной картины мира медицинских работников и для развития медицины, ее языка используются медицинские термины с компонентом цветообозначения, которые несут в себе сложную информацию о заболеваниях, конкретизируют и уточняют симптом и т. д. Цель исследования – выявление и изучение различных симптомов, в названии которых есть компоненты цветообозначения. В работе применялись описательный метод, метод теоретического анализа научных данных по медицинской терминологии. Выявлено, что в современной медицинской терминологии существуют такие симптомы, как цветные, бытовые, звериные, природные, городские и другие, в номинациях которых функционируют компоненты цветообозначения, с их помощью распознаются признаки различных заболеваний, которые передают следующим поколениям этот опыт.

Ключевые слова: семиотика, симптом, диагностика, цвет, цветообозначение, с компонентом цветообозначения, медицинская терминология

Для цитирования: Байдашева Э.М. 2022. Семиотика цвета в медицинской терминологии. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 95–103. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-95-103

Semiotics of Color in Medical Terminology

Elvira M. Baydasheva

Astrakhan State Medical University,
121 Bakinskaya St, Astrakhan 414000, Russia,
E-mail: bem27@mail.ru

Abstract. The article discusses the semiotics of color in medical terminology. An important role for expanding the professional picture of the world of medical workers and for the development of medicine, its language uses medical terms with a component of color designation, which carry complex information about diseases, concretize and clarify the symptom, etc. The purpose of the study is to identify and study various symptoms, in the name of which there are components of color designation. The work used descriptive as the main method, the method of theoretical analysis of scientific data on medical terminology. It has been revealed that in modern medical terminology there are such symptoms as color, household, animal, natural, urban, etc., in the nominations of which the components of color designation function, with their help the symptoms of various diseases are recognized, which transmit this experience to the next generations.

Keywords: semiotics, symptom, diagnosis, color, color designation, with a component of color designation, medical terminology

For citation: Baydasheva E.M. 2022. Semiotics of Color in Medical Terminology. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 95–103 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-95-103

Введение

Восприятие цвета зависит от условий, национальностей, социального положения, некоторых проблем заболеваний, настроения и т.д. По мнению многих ученых, цвет воздействует на всех людей по-разному и его восприятие имеет свою специфику в разных видах деятельности. Умение видеть, чувствовать, воспринимать, анализировать, свойственны врачам, которые борются с болезнями: проводят профилактику, диагностируют и прогнозируют соответствующую болезнь. На протяжении многих столетий врачи наблюдали цвет и, оценивая его, могли анализировать признаки болезни, их проявления. Соответственно, в медицинской терминологии появилось достаточное количество симптомов, в названиях которых есть компонент цветообозначения.

Несмотря на разноаспектные изучения понятия цвета, цветовосприятия и цветовой ассоциации, общей концепции цвета лингвистикой пока не выделено. Мы же рассматриваем семиотику цвета в современной медицинской терминологии, без которой невозможна фиксация и передача научной информации.

Согласно мнению О.А. Буренковой, «восприятие цвета зависит от многих факторов, а именно: физиологических, психологических и культурно-социальных. Первоначально исследования восприятия цвета проводились в рамках цветоведения; позже эта проблема стала объектом изучения этнографов, социологов и психологов. В настоящее время научно доказано, что цвета и их производные способны вызвать у человека различные эмоциональные состояния, например: радость, грусть, беспокойство, меланхолию и др. Кроме того, оттенки одного и того же цвета могут задавать разный эмоциональный тон. Замечено, что в теплых оттенках больше «жизни», они активизируют деятельность; холодные релаксируют, располагают к отдыху. Считается, что наиболее благоприятны те мягкие светлые оттенки трех главных цветов спектра – красного, желтого и синего, которые существуют в природе» [Буренкова, 2013].

Следует отметить, что в роли «цветных» симптомов в медицине, прежде всего, выступают симптомы, характеризующие кожные покровы при различных патологиях. Так, гемолитическая желтуха сопровождается *лимонно-желтым окрашиванием кожи*, цвет кожи «кофе с молоком» указывает на бактериальный эндокардит, *алебастровая бледность* – ювенильный хлороз [Михайленко и др., 2011]. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных лингвистов [Берлин, Кей, 1969; Фрумкина, 1984; Васильевич, 1987; Гребенев, 2001; Борисова, 2008; Мыльников, 2018; Мизинов и др., 2019; Маджаева, Байдашева, 2020; Байдашева, 2021; и др.], посвящены изучению цветообозначений.

Цвет занимает важную часть в структуре человеческого опыта и репрезентируется в языке посредством цвета. В медицинской терминологии наименования симптомов с компонентом цветообозначения относятся к различным частям речи: существительные (*краснуха, желтуха и т.д.*); прилагательные (*красный, белый, синий и т.д.*); глагол (*побледнеть, покраснеть и т.д.*). Цветовое ощущение в медицине может также передаваться в языке свободными словосочетаниями, фразеологизмами, метафорами и терминологически устойчивыми выражениями (*белая линия, красная волчанка, белый инфаркт, бронзовая роза, красная лихорадка, красных капелек симптом и т.д.*).

Семиотика цвета в медицине

«Семиотика – (греч. semeiotikon знак, признак) учение о признаках болезни, раскрывающее их содержание и проявление. Семиотика (семиология, симптоматология) – важная составная часть диагностики» [Соколов, Полосова, 1974–1989а; Субботин, 1979, 1980]. В то же время «семиотика имеет самостоятельное значение как дисциплина, излагаемая в учебных программах по пропедевтике и во вводных курсах различных клинических дисциплин» [Большая советская..., 1969–1978]. Интересным представляется то, что не только диагностика, а данные семиотики используют для прогнозирования, выбора тактики лечения и вторичной профилактики болезней. Как представляет нам И.Р. Лазовский, «на всех

стадиях развития болезни врач неоднократно возвращается к семиотической картине болезни, углубляя и уточняя ее в соответствии с конкретными требованиями диагностического процесса и с появлением новых или исчезновением первоначально выраженных симптомов» [Лазовский, 1971]. По мнению Р. Хегглина [Hegglin, 1952], «предмет изучения общей семиотики является признаком, относящимся к общей характеристике больного (пол, возраст, национальность, профессия, наследственность, перенесённые заболевания, телосложение) и его состояния (изменение сознания; положение тела, выражение лица; лихорадка и т. д.)» [Хегглин, 1965]. Многие ученые придерживаются точки зрения, согласно которой «терминология медицинская – совокупность слов и словосочетаний, используемых специалистами для обозначения научных понятий в области медицины и здравоохранения» [Чернявский, Дубынина, 1974–1989].

Рассматривая симптом с точки зрения медицины, мы ориентируемся на Большую Медицинскую Энциклопедию, где «симптом (греч. *symptoma* совпадение, случай, признак) – признак болезни, качественно новый, не свойственный здоровому организму феномен, который можно обнаружить с помощью клинических методов исследования, используемый для диагностики и (или) прогноза заболевания» [Соколов, Полосова, 1974–1989]. В нашем исследовании мы рассматриваем симптом с помощью компонента цветообозначения в медицине, где «большинство болезней характеризуются определенным лечебным цветом в медицине, разные цвета способствуют излечению некоторых болезней» [Байдашева, 2021]. С точки же зрения ученых, цвет – это сложный семантический феномен, имеющий собственное специфическое значение. Хотелось бы обратить внимание на медицинский и специфический контекст восприятия цветов, где фигурирует «*красочный симптом*». Безусловно, мы рассматриваем цветовое восприятие как некий средовой фон для определения медицинского содержания: в одном случае это «цвет симптома и его описание» окраски кожи человека (*белый цвет волос, кожи, ресниц и т.д.*), в другом – «*цвет фона*» медицинского учреждения (*белая палата, белый халат*).

Мы считаем, что симптом имеет свою определенную краску, цвет и средство лечения с помощью цвета. Основными терминами науки колористики являются «цвет», «цветовой тон», «насыщенность», «контраст», «колорит», «смешение цветов» [Маджаева, Байдашева, 2020]. В предыдущих исследованиях мы рассматривали уникальный характер цветопонимания и цветообозначения в различных аспектах науки, его сравнение с соответствующими аналогами в медицинской терминологии представляется интересным [Маджаева, Байдашева, 2020; Байдашева, 2021]. Учитывая данные, полученные в ходе анализа медицинских терминов с компонентом цветообозначения, было выявлено 191 медицинский термин с компонентом цвета. В данном исследовании семиотики цвета в медицине рассматриваются два аспекта: выявление семиотики (признаки болезни) с компонентом цветообозначения; части речи, которые содержат компоненты с цветообозначением: 37,47 % – имя существительное (краснуха, желтуха и т.д.), 51,33 % – имя прилагательное (бледный, красный, синий и т.д.), 12,2 % – глагол (побледнеть, краснеть) и т.д.

Анализ переводных, толковых, энциклопедических медицинских словарей и справочников позволил сделать следующие выводы:

1) Каждый признак играет роль в диагностике: например, *системная красная волчанка* – хроническое заболевание, при котором иммунная система начинает воспринимать «свои» клетки как «чужие» и атакует их [Бадюкин и др., 2014]. Выработка аутоантител («ауто» означает «свои») к изначально здоровым клеткам своего организма приводит к хроническому воспалению. *Красная волчанка* получила своё название из-за сходства кожных проявлений с укусами голодного волка. «Системная» означает, что при данной болезни страдают различные органы, включая сердце, мозг, суставы, почки, кожу, лёгкие и кровеносные сосуды [Насонов, Насонова, 2010].

Ярко-красные щеки, стоящие в резком контрасте с *бледностью губ*, подбородка и носа, постоянно встречаются при скарлатине и никогда при кори. Очень *бледное и одутловатое лицо* позволяет предполагать нефрит.

2) «Организм человека представляет собой единое целое, поэтому о состоянии здоровья человека можно судить по состоянию кожи, волос, по цвету мочи, языка и т.д.» [Бельченко, Лавриненко, 2004].

«Общая семиотика изучает также изменения функции и морфологии органов и лабораторных проб (например, диагностическое значение увеличения печени, особенности мочи и кала *при желтухах* и т. п.)» [Соколов, Полосова, 1974–1989а]. Врач при диагностике любого заболевания учитывает все аспекты заболевания больного и дает общую характеристику. В книге Н.Ф. Филатова «Семиотика и диагностика детских болезней с приложением терапевтического указателя» описано, как врач осматривает новорожденного и диагностирует желтуху, но не придает особого значения, считая ее явлением физиологическим, между тем у детей старшего возраста этот симптом всегда имеет патологическое значение [Филатов, 1890]. В процессе анализа были выявлены медицинские термины, обозначающие симптом, имеющие в своей структуре компонент цветообозначения (табл. 1).

Таблица 1
 Table 1

Наименования медицинских терминов с компонентом цвета и симптомов с компонентом цвета
 Names of medical terms with a color component and symptoms with a color component

Медицинский термин с компонентом цвета	Описание симптомов с компонентом цвета
<i>Большая белая печень</i>	Вид печени в начальной стадии прогрессирования хронического вирусного гепатита. Печень выглядит большой и умеренно плотной, край ее заострен, поверхность гладкая, <i>бело-серая</i>
<i>Большая белая почка</i>	Вид почек, которые значительно увеличены, дряблые, <i>бело-желтые или белые</i> (что и обусловило название), и их трудно отличить от липидного нефроза (идиопатического нефротического синдрома); характерна для нефротического варианта хронического гломерулонефрита.
<i>Красный инфаркт</i>	Инфаркт, при котором участок омертвения пропитан кровью, он <i>темно-красный</i> и хорошо отграничен. Встречается, как правило, в легких, редко – в кишечнике, селезенке, почках.
<i>Красных капелек симптом</i>	Участок ярко-красных пятнышек, разбросанных по всему телу, преимущественно на коже живота, груди и спины.
<i>Мраморность кожи</i>	В дерматовенерологии – характеризуется пятнами <i>синеватого цвета с пятнистым рисунком</i> . При растирании кожи рукой пятнистый рисунок исчезает; дифференцируют с сифилитической розеолой; в хирургии – чередование <i>участков побледнения кожи стопы с участками нормальной окраски</i> . Возникает вследствие облитерирующего эндартериита; наблюдается при симптоме подошвенной ишемии.
<i>Пылающий зев</i>	Характерная <i>яркая краснота слизистой оболочки</i> , резко прерывающаяся на границе с твердым небом, наблюдающаяся при скарлатинозной ангине; позже присоединяется такой симптом, как <i>малиновый язык</i>
<i>Синяя болезнь</i>	Цианоз кожи и слизистых оболочек при врожденном стенозе легочной артерии, который нередко комбинируется с другими пороками развития сердца и сосудов.
<i>Черная катаракта</i>	Один из видов зрелой катаракты, при котором изредка происходит накопление большого количества <i>бурого пигмента</i> , вследствие чего хрусталик приобретает <i>черноватый оттенок</i> .
<i>Черная рвота</i>	<i>Кровавая рвота</i> , цвет которой обусловлен свернувшейся в желудке кровью; наблюдается на 2-3-й день при заболевании <i>желтой лихорадкой</i> .
<i>Ядерная желтуха</i>	Желтуха, сопровождающаяся поражением центральной нервной системы - <i>желтушным окрашиванием ядер больших полушарий и ствола головного мозга</i> ; наблюдается при гемолитической болезни новорожденных, синдроме Криглера - Найяра и др.

Из табл. 1 можно сделать следующие выводы: во-первых, во всех наименованиях используются метафоры и устойчивые выражения (*красный инфаркт, черная катаракта, большая белая почка и т.д.*); во-вторых, в наименовании симптомов используется компонент *цвет* при хронических заболеваниях, наблюдении, диагностике и лечении.

Безусловно, в медицине существуют термины, номинирующие симптомы, но в своей структуре не имеют компонента цвета, сам симптом проявляется в признаках, в которых есть компонент цвета. Проиллюстрируем это примерами. Согласно мнениям В.А. Молочкова и Л.В. Демидова, «меланома (от греч. *melanos* – «чёрный», «тёмный») – это злокачественная опухоль, развивающаяся из меланоцитов (клеток, синтезирующих меланин). Чаще всего она образуется из кожных меланоцитов, то есть располагается на коже. В 7 % случаев меланома локализуется на сетчатке глаза и в 1–3 % случаев – на слизистых оболочках прямой кишки, полости рта, оболочках головного и спинного мозга» [Молочков и др., 2012]. И.М. Воронцов и А.В. Мазурин пишут о том, что «нарушения в системе меланоцитов подразделяются на *гипермеланозы* (увеличение меланина в эпидермисе или дерме) и *гипомеланозы* (уменьшение содержания или отсутствие меланина в дерме, лейкодерме) и гипермеланозы подразделяются на эпидермальные (коричневая окраска) и дермальные (синяя, синевато-серая, серая окраска)» [Воронцов, Мазурин, 2009].

В процессе анализа мы увидели, что в сознании врача при выявлении каких-нибудь симптомов у больного ассоциируются разные цвета и он описывает симптом с помощью названия цвета (*красные пятна при краснухе, желтые зрачки при гепатите*).

Рассмотрим семиотику кожи при гипермеланозе (меланодермия – интенсивная окраска кожи на отдельных участках, вызванная патологией или генетической предрасположенностью) и гипомеланозе (состояние кожных покровов, характеризующееся очаговым уменьшением количества меланина, обусловленным генетическими или некоторыми физическими (ультрафиолетовое воздействие) факторами (табл. 2)).

Из табл. 2 следует, что медицинские термины, номинирующие симптомы, в своей структуре не имеют компонента цвета, сам симптом проявляется в признаках, в которых есть компонент цвета, где врач использует эти цвета при описании симптомов болезни.

В современной медицинской терминологии рассматриваются такие симптомы, как *цветные, бытовые, звериные, природные, городские и др.* К «цветным» симптомам относятся: *кожа цвета кофе с молоком* (при бактериальном эндокардите), *лимонно-желтое окрашивание кожных покровов* (при гемолитической желтухе), *шафраново-желтый цвет кожи с красноватым оттенком* (при паренхиматозной желтухе), *алебастровая бледность* (при ювенильном хлорозе), *восковидная кожа* (при В12-дефицитной анемии), *симптом черничной булки* (при врожденной краснухе), *фиолетово-красные щеки* (при митральном стенозе) и т. д.» [Мизинов и др., 2019]. Симптом *медной проволоки* является особым симптомом в офтальмологии и характеризуется появлением *золотистого «медного» рефлекса* на сосуде нормального или слегка расширенного калибра, вследствие чего сосуд имеет вид *медной проволоки*» [Мизинов и др., 2019].

«Часто *золотистый рефлекс* виден только местами, на других же участках артерии он может быть *белым, крапчатым* или обычным. Проявляется симптом *медной проволоки* преимущественно на крупных артериях» [Мизинов и др., 2019]. Золотистый рефлекс позволяет специалисту-медику поставить диагноз. Данный симптом «информирует о склеротических изменениях сосудистой стенки с элементами фиброза и эластической гипертрофии, гиалиновым перерождением сосудистой стенки, образованием в стенке сосуда липоидных отложений. В сознании врача рефлексированы знания о стадии склероза сосудов сетчатки – при гипертензивном синдроме и при ангиосклерозе возрастного характера с нормальным давлением» [Мизинов и др., 2019]. Цвет, указывающий на золото, сообщает врачу также и о признаке ангиосклероза.

Таблица 2
 Table 2

Описание семиотики кожи при гипомеланозах
 Description of skin semiotics in hypomelanose

Гипомеланозы	Описание семиотики кожи
Меловой язык	Припухлый, сухой, дрожащий, обложенный <i>белым налетом</i> , напоминающим мел, язык у больных чумой.
Медно-красного цвета папулы	Беспорядочно разбросанные папулы, возвышающиеся над уровнем кожи, плотноэластической консистенции, безболезненные при пальпации.
Меловое пятно эмали	Ранняя стадия кариеса эмали, при которой обнаруживается лишь изменение ее цвета.
Мерцающая скотома (син.: гемианопсия)	Характеризуется своеобразными приступами в сфере зрения. В поле зрения внезапно возникают световые ощущения в форме зигзагообразных линий, огненных звезд, <i>блесток, светлых точек</i> , вслед за чем перед глазами появляются туман и темные пятна.
Пятна Мейергофера	Самые ранние проявления экссудативно-катарального диатеза в виде круглых желтоватых пятен на передней поверхности голеней.
Пятна Труссо	Патологический дермографизм при менингитах, проявляющийся возникновением <i>красных и белых пятен на коже</i> в ответ на всякое, даже легкое, надавливание.
Пятна Максвелла	Одно из энтопических явлений, возникающее при взгляде на ярко освещенный экран после предварительного рассматривания этого же экрана в течение 15-20 с через <i>голубой фильтр</i> . Явление обусловлено наличием пигмента в <i>желтом пятне сетчатки</i> .
Пятна цвета кофе с молоком	Располагаются на коже верхнего плечевого пояса. Местами пятна сливаются, на их поверхности отмечается шелушение; наблюдаются при отрубевидном лишае.
Пятнистая селезенка	Увеличенная и дряблая селезенка пятнистого вида на разрезе вследствие ее неравномерного кровенаполнения; наблюдается при острой кровопотере, шоке.
Радужные круги	Один из первых симптомов при вторичной глаукомы при этом – пигментная миома, исходящая из корневых отделов дилатора в месте его слияния с цилиарной мышцей и перехода пигментного эпителия в беспигментный.

Симптом *серебряной проволоки*, наблюдаемый при офтальмоскопии, характеризуется *серебристо-белым отблеском* артерий сетчатки и данный признак указывает на ангиопатии сетчатки.

Согласно Д.С. Мизинову, В.Г. Субботиной, Ю.Ю. Крючкову, Н.В. Сушковой, следующим *«фатальным симптомом*, известным еще с древних времен, является *мертвенная смертельная бледность*, которую еще называли "гробовой", безжизненной, так как появлялась у людей в агональном состоянии и у покинувших мир. Однако *выраженная бледность* может быть и у людей с обильной кровопотерей. Она свидетельствует о патологическом процессе, который развивается вследствие кровотечения» [Мизинов и др., 2019]. При любом описании той или иной болезни сопровождающая характеристика симптома связана с цветом: *бронзовая окраска кожных покровов (при хронической недостаточности надпочечников)*, *ярко-красные щеки и бледность губ (при скарлатине)*, *беловатые папулы (при кори)* и т.д.

Заключение

Вышеописанные названия симптомов с компонентом цветообозначения широко используются в медицине. С развитием медицины становится необходимым обогащать языковую единицу новыми медицинскими терминами в наименованиях симптомов, которых существует компонент цвета. Характеризуемые в научной работе медицинские термины с компонентом цветообозначения могут быть рассмотрены в качестве важных составляющих языка медицины, следовательно, они представляют интерес для языкового моделирования медицинской терминологии и поэтому важной проблемой становится определение сущности медицинского термина в наименованиях симптомов с компонентом цветообозначения с учетом расширения его роли в современной медицине.

Список источников

- Англо-русский медицинский энциклопедический словарь. 2003. М., ГЭОТАР-Медицина, 724 с.
- Большая советская энциклопедия. 1969 – 1978. В 30-ти т. Под ред. А.М. Прохорова. Т.23. М., Сов. энцикл., 640 с.
- Молочков В.А., Демидов Л.В., Харкевич Г.Ю., Дорошенко М.Б., Багапш Л.С., Соколов Д.В., Синельников И.Е. 2012. Меланоцитарные невусы и меланома кожи: руководство для практикующих врачей. Под ред. В.А. Молочкова, Л.В. Демидова. М., Литтерра, 112 с.
- Насонов Е.Л., Насонова В.А. 2010. Ревматология: национальное руководство. Под ред. Е.Л. Насонова, В.А. Насоновой. М., ГЭОТАР-Медиа, 720 с.
- Русско-английский словарь. 1991. Под ред. Р.С. Даглиша. М., Рус.яз., 624 с.
- Соколов Е.И., Полосова Т.А. 1974-1989а. Семиотика. В кн.: Большая Медицинская Энциклопедия. Под ред. Б.В. Петровского. Т. 23. URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%A1%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%9E%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90>
- Соколов Е.И., Полосова Т.А. 1974-1989б. Симптом. В кн.: Большая Медицинская Энциклопедия. Под ред. Б.В. Петровского. Т. 23. URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%9F%D0%A2%D0%9E%D0%9C>
- Филатов Н.Ф. 1890. Семиотика и диагностика детских болезней с приложением терапевтического указателя. М., 460 с.
- Чернявский М.Н., Дубынина Е.И. 1974-1989. Терминология медицинская. В кн.: Большая Медицинская Энциклопедия. Под ред. Б.В. Петровского. Т. 25. URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9C%D0%98%D0%9D%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF%D0%9C%D0%95%D0%94%D0%98%D0%A6%D0%98%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF>

Список литературы

- Бадочкин В.В., Алекберова Е.С., Гусева Н.Г. 2014. Ревматология. М., Литтерра, 586 с.
- Байдашева Э.М. 2021. Таксономия медицинских терминов заболевания и лечения с колоронимами в медицинской терминологии. Вестник Башкирского университета, 26 (1): 171–178. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.27
- Берлин Б., Кей П. 1969. Основные цвета. Их универсальность и видоизменения. М., Знание, 169 с.
- Бельченко Л.А., Лавриненко В.А. 2004. Физиология человека. Организм как целое. Новосибирск, Сибирское университетское издательство, 229 с.
- Борисова Д.Н. 2008. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке. Вестник Челябинского государственного университета, 21: 32–37.
- Буренкова О.А. 2013. Влияние цвета на психофизиологическое состояние Личности Успехи современного естествознания, 10: 153–154 URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=33038> (дата обращения: 20.01.2022).
- Васильевич А.П. 1987. Исследования лексики в психолингвистическом аспекте: на материале цветообозначений в языках разных систем. Под ред. В.Н. Телия. М., Наука, 140 с.
- Воронцов И.М., Мазурин А.В. 2009. Пропедевтика детских болезней. М., Фолиант, 1008 с.
- Гребенев А.Л. 2001. Пропедевтика внутренних болезней. М., Медицина, 592 с.

- Лазовский И.Р. 1971. Клинические симптомы и синдромы. Эпонимы. Рига, Звайгзне, 840 с.
- Маджаева С.И., Байдашева Э.М. 2020. К вопросу об изучении термина с компонентом цветообозначения в языке медицины. Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, 1(75): 88–97. DOI: 10.25587/SVFU.2020.75.55416
- Мизинов Д.С., Субботина В.Г., Крюков Ю.Ю., Сушкова Н.В. 2019. Прошлое и настоящее в симптоматологии. Международный студенческий научный вестник, 1: 25. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19548> (дата обращения: 08.12.2021).
- Михайленко О.А. Субботина В.Г., Оленко Е.С., Екимова Н.В., Локтионова А.В. 2011. «Цветные» симптомы в практической медицине. Успехи современного естествознания, 1: 101–102.
- Мыльников А.М. 2018. Симптоматология в клинической практике в контексте научно-технического прогресса. Бюллетень медицинских Интернет-конференций, 8(8): 349.
- Субботин Ю.К. 1979. Методологические вопросы медицинской семиотики. Вестник Академии медицинских наук СССР, 5: 76.
- Субботин Ю.К. 1980. Семиотическое обеспечение машинного диагноза. Вестник Академии медицинских наук СССР, 4: 84.
- Фрумкина Р.М. 1984. Психолингвистические аспекты изучения цвета. Москва, Наука, 232 с.
- Хегглин Р. 1965. Дифференциальная диагностика внутренних болезней. Пер. с нем. Н. Вельмин, Э. Левицкий, Т. Меерзон, В. Мойсеева. Под ред. Е.М. Тареева. М., Медицина, 794 с. (Robert Hegglin. 1952. Differentialdiagnose innerer Krankheiten Eine kurzgefasste Darstellung für Ärzte u. Studierende. Ed. W. Siegenthaler. German, Stuttgart Thieme, 454 p.)

References

- Badokin V.V., Alekberova E.S., Guseva N.G. 2014. Revmatologija [Rheumatology]. M., Publ. Litterra, 586 p.
- Bajdasheva Je.M. 2021. Taxonomy of medical terms with a color component that denote disease and treatment in medical terminology. Vestnik Bashkirskogo universiteta, 26 (1): 171–178. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.27
- Berlin B., Kej P. 1969. Osnovnye cveta. Ih universal'nost' i vidoizmeneniya. [Basic colors. Their versatility and modifications] M., Publ. Znanie, 169 p.
- Bel'chenko L.A., Lavrinenko V.A. 2004. Fiziologiya cheloveka. Organizm kak tseloe [Human Physiology. The body as a whole]. Novosibirsk, Publ. Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 229 p.
- Borisova D.N. 2008. K probleme vybora termina dlya nazvaniya form tsvetooboznacheniya v yazyke [On the problem of choosing a term for the name of color terms in the language]. Bulletin of Chelyabinsk State University, 21: 32–37.
- Burenkova O.A. 2013. Vliyanie tsveta na psikhofiziologicheskoe sostoyanie Lichnosti [Influence of color on the psychophysiological state of the Personality]. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya, 10: 153–154. Available at: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=33038> (accessed: 20.01.2022).
- Vasil'evich A.P. 1987. Issledovaniya leksiki v psikholingvisticheskom aspekte: na materiale tsvetooboznacheniy v yazykakh raznykh system [Studies of vocabulary in the psycholinguistic aspect: on the material of color designations in languages of different systems]. Ed. V.N. Teliya. M., Pub. INauka, 140 p.
- Vorontsov I.M., Mazurin A.V. 2009. Propedevtika detskikh bolezney [Propaedeutics of childhood diseases]. M., Publ. Foliant, 1008 p.
- Grebenev A.L. 2001. Propedevtika vnutrennikh bolezney [Propaedeutics of internal diseases]. M., Publ. Meditsina, 592 p.
- Lazovskiy I.R. 1971. Klinicheskie simptomy i sindromy. Eponimy [Clinical symptoms and syndromes. Eponyms]. Riga, Publ. Zvaygzne, 840 p.
- Madzhaeva S.I., Baydasheva E.M. 2020. On the question of studying the term with a component of color designation in the language of medicine. Vestnik of North-Eastern Federal University, 1 (75): 88–97 (in Russian). DOI: 10.25587/SVFU.2020.75.55416
- Mizinov D.S., Subbotina V.G., Kryukov Yu.Yu., Sushkova N.V. 2019. Past and present in smptomatology. Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik, 1: 25. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19548> (accessed: 08.12.2021).
- Mikhaylenko O.A. Subbotina V.G., Olenko E.S., Ekimova N.V., Loktionova A.V. 2011. «Tsvetnye» simptomy v prakticheskoy meditsine ["Colored" symptoms in practical medicine]. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya, 1: 101–102.

- Mylnikov A.M. 2018. Simptomatologiya v klinicheskoy praktike v kontekste nauchno-tekhnicheskogo progressa [Symptomatology in clinical practice in the context of scientific and technological progress]. Bulletin of medical internet conferences, 8(8): 349.
- Subbotin Yu.K. 1979. Metodologicheskie voprosy meditsinskoj semiotiki [Methodological issues of medical semiotics]. Vestnik Akademii meditsinskikh nauk SSSR, 5: 76.
- Subbotin Yu.K. 1980. Semioticheskoe obespechenie mashinnogo diagnoza [Semiotic support of machine diagnosis]. Vestnik Akademii meditsinskikh nauk SSSR, 4: 84.
- Frumkina R.M. 1984. Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya tsveta [Psycholinguistic aspects of the study of color]. Moskva, Publ. Nauka, 232 p.
- Khegglin R. 1965. Differentsial'naya diagnostika vnutrennikh bolezney [Differential diagnosis of internal diseases]. Per. with him. N. Vel'min, E. Levitskiy, T. Meerzon, V. Moyseeva. Ed. E.M. Tareev. M., Publ. Meditsina, 794 p. (Robert Hegglin. 1952. Differentialdiagnose innerer Krankheiten Eine kurzgefasste Darstellung für Ärzte u. Studierende. Ed. W. Siegenthaler. German, Stuttgart Thieme, 454 p.)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Байдашева Эльвира Максutowна, кандидат психологических наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета, г. Астрахань, Россия

Elvira M. Baidasheva, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

УДК 81'13
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-104-113

Лингвокраеведческая методология в исследованиях А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева и ее отражение в лингвокраеведческой работе начала XXI века

Верховых Л.Н.

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета,
Россия, 397160, г. Борисоглебск, ул. Народная, 43,
E-mail: lverhovyh@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены методологические основы лингвокраеведческой деятельности А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова. В процессе исследования установлено сходство лингвокраеведческих методик А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова, определены важные для научного исследования принципы лингвокраеведческой работы, отраженные в деятельности А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова: научность, точность, репрезентативность материала, системность и опора на краеведческие сведения. Установлено, что в современном лингвокраеведении методология А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова применяется в усовершенствованном виде, обогатившись новейшими способами анализа языкового материала в соответствии с актуальными направлениями изучения языка в современной лингвистике.

Ключевые слова: русский язык, лингвокраеведение, диалектология, региональная ономастика, методика лингвокраеведческих исследований

Для цитирования: Верховых Л.Н. 2022 Лингвокраеведческая методология в исследованиях А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова и ее отражение в лингвокраеведческой работе начала XXI века. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 104–113. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-104-113

Linguistic Local History Methodology in Research of A.N. Gvozdev and V.I. Chernyshev and Its Reflection in the Linguistic Local History Work of the Early 21st Century

Ludmila N. Verkhovyykh

Borisoglebsk branch of Voronezh State University,
43 Narodnaya St, Borisoglebsk 397160, Russia,
E-mail: lverhovyh@mail.ru

Abstract. The article discusses the methodological foundations of the linguistic local history activity of A.N. Gvozdev and V.I. Chernyshev. We used the following methods: descriptive (descriptive) method, analysis of methodologies for studying the language of the region, comparative-comparative method. In the course of the research, the similarity of the linguistic local lore methods of A.N. Gvozdev and V.I. Chernyshev, the principles of linguistic local history work, which are reflected in the activities of A.N. Gvozdev and V.I. Chernysheva: scientific character, accuracy, representativeness of the material, consistency and reliance on local history information. It has been established that in modern linguistic local history the methodology of A.N. Gvozdev and V.I. Chernyshev is applied in an improved form, enriched with the latest methods of analyzing language material in accordance with the current trends in language learning in modern linguistics.

Keywords: Russian language, linguistic local history, dialectology, regional onomastics, methods of linguistic local history research

For citation: Verkhovykh L.N. 2022. Linguistic Local History Methodology in Research of A.N. Gvozdev and V.I. Chernyshev and Its Reflection in the Linguistic Local History Work of the Early 21st Century. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 104–113 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-104-113

Введение

Современные методы изучения местных лингвосистем во многом продолжают научные лингвокраеведческие традиции, сформировавшиеся в XIX – начале XX вв. Методы и приемы изучения языка региона, применявшиеся в исследованиях выдающихся лингвистов XX века А.Н. Гвоздева и В. И. Чернышева, используются в современных лингвокраеведческих исследованиях. Продолжая лингвокраеведческую деятельность В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, И.И. Срезневского, В.И. Даля, А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколова, Д.Н. Ушакова, А.Н. Гвоздев и В.И. Чернышев разработали и применили на практике методики изучения русских говоров (во многом эти методики были схожими). В дальнейшем данная методика совершенствовалась в научных исследованиях другими лингвистами.

Целью данного исследования является изучение особенностей методологии лингвокраеведческих исследований А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева и описание того, как отражается данная методология в научно-исследовательской работе современных лингвистов.

Новизна исследования состоит в том, что в данной работе нами проводится ранее не предпринимавшийся сопоставительный анализ лингвокраеведческих методик А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева и доказываемся отражение данных методик в современной лингвокраеведческой работе.

Объекты и методы

Объект исследования – лингвокраеведческая деятельность А.Н. Гвоздева, В.И. Чернышева и научно-исследовательская работа современных лингвистов, изучающих особенности языка региона. Предмет изучения – особенности лингвокраеведческой методологии А.Н. Гвоздева, В.И. Чернышева и современных ученых-лингвистов, а также основные черты лингвокраеведческой методологии А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева, применяемые в научном изучении языка региона в настоящее время.

Основными методами исследования являются дескриптивный (описательный), анализ методологий изучения языка региона, сравнительно-сопоставительный.

Отметим, что под лингвокраеведческой исследовательской деятельностью мы понимаем научное изучение языка региона (диалектное, ономастическое и отчасти этнолингвистическое) на основе привлечения данных краеведения.

Результаты и дискуссия

Лингвокраеведческая методология в работах А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева в основе своей продолжает лучшие традиции исследователей народного языка XIX – начала XX века: 1) в исследованиях применяется метод анкетирования и полевой метод (экспедиционный); 2) к научной работе привлекаются местные жители; 3) языковой материал запрашивается из наибольшего количества населенных пунктов; 4) описание проводится на строгой научной основе и с опорой на данные о крае (исторические, географические, этнографические); исследования опираются на научные работы предшественников.

Рассмотрим особенности исследовательской деятельности А.Н. Гвоздева в области изучения диалектов Пензенской области.

Лингвокраеведческое (диалектологическое) обследование населенных пунктов Пензенской губернии (в настоящее время Пензенской области) осуществлялось А.Н. Гвоздевым прежде всего с помощью метода анкетирования. А.Н. Гвоздевым был изучен говор 408 сел и деревень [Гвоздев, 1925].

К особенностям лингвокраеведческой работы А.Н. Гвоздева отнесем следующие: учет результатов проведенных диалектологических исследований предшественниками; привлечение для исследования историко-географических данных о крае; применение анкетирования для упрощения процесса обработки полученного материала; включение в план обследования территорий вопросов, имеющих первостепенное значение для определения типа говора (учет фонетических и некоторых морфологических явлений в ущерб синтаксическим и лексическим особенностям); привлечение к лингвокраеведческой работе местных жителей – учителей школ, слушателей партийных школ, техникумов; строгий научный отбор материала для исследования; учет системности и последовательности в описании информантом диалекта; опора на краеведческие данные; нанесение на карту полученных данных в виде изоглосс языковых явлений (впервые при изучении диалектов восточнославянских языков метод изоглосс был применен авторами «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» (1915)); системное описание материала и параллельно с составлением изоглосс внесение предложений по исправлению «Диалектологической карты русского языка в Европе» (имеется в виду «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе – Л.В.») [Гвоздев, 1925]. В дальнейшем в рамках теории лингвистической географии метод изоглосс был применен Р.И. Аванесовым в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы».

Особое внимание А.Н. Гвоздев уделял соблюдению принципа достоверности, и для этого им выполнялись следующие условия:

- проверка достоверности полученного в результате анкетирования диалектного материала, в том числе и с помощью личных наблюдений (по возможности);
- разработка анкет специальным образом для получения репрезентативного языкового материала;
- проведение «двойного» анкетирования: получение двух и более ответов от разных лиц в разное время;
- отсутствие информации у заполняющих анкеты о типе и особенностях обследуемого говора для повышения достоверности полученного описания говора (для исключения стремления «подогнать» результаты);
- отбор полученного материала первой (незаполнение программы) и второй степени (исключение из материалов для анализа ошибочных сведений, неточных и неполных ответов, ответов, в которых отмечены орфографические написания вместо фонетических);
- проведение исследования в максимально возможном числе населенных пунктов [Гвоздев, 1925].

Достаточно подробные историко-географические сведения о распределении населенных пунктов по уездам и волостям Пензенской губернии А.Н. Гвоздев приводит в качестве исторической справки-ссылки [Гвоздев, 1925].

В результате применения разработанной лингвокраеведческой методики была выполнена основная задача А.Н. Гвоздева – «выяснить место говоров Пензенской губернии среди других великорусских говоров, к которым они принадлежат; в частности, установить более или менее точное распространение в губернии северновеликорусских, средневеликорусских и южновеликорусских говоров [Гвоздев, 1925].

Основными методами, которые применял А.Н. Гвоздев в исследовании языка Пензенской губернии, стали: анализ исследований в области русской диалектологии, метод анкетирования (разработка, отбор полученных сведений, анализ, интерпретация анкет), отчасти – полевой метод (метод личного наблюдения), сравнительно-сопоставительный

метод, описательный метод, метод изоглосс, прием историко-географического комментирования (историческая справка дается один раз в начале исследования).

Подобную лингвокраеведческую методику использовал выдающийся лингвист В.И. Чернышев. Научные исследования В.И. Чернышева имеют особое значение для русской диалектологии: ученый изучал говоры территории современной Владимирской области, описал говор Петербурга, Москвы, дал характеристику псковского наречия, составил «Программу для собирания особенностей великорусских говоров», стоял у истоков научного направления, связанного с созданием Диалектологического атласа русского языка.

На основании анализа научных исследований в области русской диалектологии отметим следующие важные особенности лингвокраеведческой методики В.И. Чернышева: учет уже имеющихся исследований относительно изучаемого говора; изучение говора преимущественно в ходе личного посещения населенного пункта, в ходе экспедиций, отчасти – посредством метода анкетирования; обращение с респондентами в личной беседе только к тем людям, которые хорошо знают местный говор, к старожилам, использование для наблюдения материала, сообщенного только коренными жителями населенного пункта; подробное описание изучаемых говоров, при этом в первую очередь учитывались и описывались дифференциальные признаки говора; наблюдение над лексикой говоров, приведение примеров диалектизмов разных типов (фонетических, морфологических, собственно лексических, семантических и др.), учет синтаксических особенностей говора; приведение контекстов употребления слов; составление рекомендаций для осуществления диалектных исследований; критическое наблюдение функционирования диалектов; учет воздействия литературного языка на говоры; учет возраста и пола информантов [Чернышев, 1970, с. 423]; проверка полученных сведений, поскольку одним из важных условий лингвокраеведческого исследования является не количество материала, а его качество, точность и достоверность данных; системное описание языкового материала, преимущественно в виде характеристики каждого населенного пункта, на основе приемов лексикографического описания [Чернышев, 1970, с. 325–425].

Особую роль в лингвокраеведческой методологии В.И. Чернышева играл краеведческий компонент: ученый настаивал на описании говора населенного пункта в тесной связи с краеведческими данными: исторические, этнографические сведения учитывались им при проведении научного исследования. В научной исследовательской методологии В.И. Чернышева лингвокраеведческий подход осуществляется более последовательно по сравнению с фрагментарным использованием историко-географического комментирования у А.Н. Гвоздева.

Довольно часто при описании диалекта В.И. Чернышев приводит сведения по истории края, подтверждающие справедливость лингвистических выводов: «Необходимо иметь в виду, что край (Владимирский. – *Л.В.*), о говорах которого собраны предлагаемые сведения, заселен известной ветвью новгородского населения...» [Чернышев, 1970, с. 329]; «несколько отрывочных данных о быте и говоре этого населения, которые я здесь сообщаю, может быть, побудят кого-либо из этнографов или диалектологов посетить эту, как мне казалось, благодарную для изучения местность (бывший Вере́йский уезд «в какой-нибудь сотне верст от Москвы». – *Л.В.*) с целью более пристальных и долговременных наблюдений» [Чернышев, 1970, с. 332]; «Изборск, пригород, № 1291 (произносится по-местному Избо́рьск); в окрестностях слышно также: Избо́рьска), большое селение на речке Смо́лке, при озере Горо́дищенском и при Соловене́цких ключах. Население занимается земледелием. Торговцы – пришлые люди» [Чернышев, 1970, с. 362] и др.

Особо, в качестве рекомендации В.И. Чернышев отмечает, что необходимо описывать состав населения, его занятия, историю населенного пункта, сведения о первопоселенцах, в том числе и по сохранившимся местным преданиям. При этом ученый считает, что отсутствие исторической справки о населенном пункте может привести к искажению

лингвистической информации, ошибочности интерпретации диалектного материала, В.И. Чернышов приводит пример одной из таких ошибок [Чернышев, 1970, с. 419–420].

К основным методам исследования русских говоров у В.И. Чернышева отнесем полевой метод, метод анкетирования (разработка вопросов, рекомендаций для организации анкетирования), сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный метод, описательный метод, собственно лингвокраеведческий метод (привлечение данных краеведения для объяснения языковых явлений). Отметим, что в научной деятельности В.И. Чернышева лингвокраеведческая составляющая рассматривалась как показатель достоверности сделанных выводов.

Анализ методики организации диалектологических исследований А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышевым позволяет установить основные принципы лингвокраеведческих исследований, применяющиеся учеными:

- строгая научность в отборе материала для исследования и в интерпретации полученных результатов;
- репрезентативность выборки;
- достоверность и точность полученных результатов и выводов;
- системность в описании и учет системности в описании языковых явлений информантами;
- опора на краеведческую составляющую (изучение, помимо лингвистического, и экстралингвистического материала, относящегося к обследуемой местности, привлечение к работе коренных жителей обследуемой местности).

К методам, применявшимся А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышевым в лингвокраеведческой работе, можно отнести: анализ научно-справочной литературы, описательный метод, метод анкетирования, полевой метод, приемы лексикографического описания языковых единиц, методы лингвистической географии, сравнительно-исторический метод, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического подсчета.

На основе анализа современной научной литературы кратко рассмотрим, какие методы используются в лингвокраеведческих исследованиях и какие традиции в изучении языка региона А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева используются современными лингвистами.

Современные лингвокраеведческие исследования выполняются на основе применения целого комплекса методов. Так, Е.Н. Полякова характеризует проблемы исторической и современной русской лексикологии и ономастики на материале исторических документов: памятников письменности XVI–XVIII вв., а также говоров, городской речи XX–XXI вв. Пермского края, применяя в комплексе различные методы анализа языкового материала.

Е.Н. Поляковой рассматривается широкий круг вопросов лингвистического краеведения: «заселение региона и формирование на его территории русских говоров, взаимодействие их с другими языками, состав и закономерности развития лексики и ономастики края, методы их изучения, происхождение и история отдельных лексем и онома, связи апеллятивов и имен собственных, реконструкция исчезнувшей диалектной лексики по данным памятников письменности и ономастики, отражение особенностей материальной и духовной культуры жителей края в живой речи прошлых эпох и настоящего времени» [Полякова, 2006].

Среди применяемых Е.Н. Поляковой методов можно отметить следующие: анализ лингвистической литературы, историко-этнографических краеведческих данных, анализ текстов пермских грамот (объем только рукописных изученных исторических источников оставил более 7000 страниц!), полевой метод (сбор диалектного и ономастического материала в диалектологических экспедициях по вопросникам), описательный, семиотический, сравнительно-сопоставительный (выполняется разноплановый сравнительно-сопоставительный анализ языковых единиц, в том числе и сопоставление языкового материала разных хронологических срезов, пермских и иных говоров, нарицательной и однокоренной ономастической лексики, лексики памятников письменности и живой речи и т.д.), сравнительно-исторический, методика анализа гнезд однокоренных слов и их сино-

нимов, этимологический метод, методы и приемы лингвистической географии, стилистический метод, приемы стратиграфического метода, приемы комплексного этнолингвистического метода, системно-структурный метод, методы лингводидактики (разработка на основе проведенных лингвокраеведческих исследований учебного пособия для студентов) [Полякова, 2006].

Е.Н. Поляковой на основе проведенной научной лингвокраеведческой работы написано учебное пособие «Региональная лексикология ономастика» для студентов-филологов. Справедливо отмечает А.С. Щербак: проблема ономастического краеведения «стала неотъемлемым объектом многих научных исследований как лингвометодическая культурологически ориентированная модель обучения русскому языку» [Щербак 2017, с. 185]. Именно поэтому применение лингвокраеведческого материала в практике обучения русскому языку и русскому родному языку в настоящее время приобретает особое значение [Верховых, 2021].

Система методов, разработанная Е.Н. Поляковой, представляет собой комплексную лингвокраеведческую методологию изучения языковых единиц на материале исторических документов и в соотношении с краеведческими сведениями.

Классические методы исследования, примененные А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышовым при изучении языка региона, существенно дополнены Е.Н. Поляковой другими методами, а традиционные полевой метод, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы используются достаточно широко для проведения многоаспектного анализа материала. Собственно лингвокраеведческий метод (привлечение данных краеведения для объяснения языковых явлений), который применяется Е.Н. Поляковой последовательно на протяжении всего исследования, многогранен: материал исследования составляют исторические документы, для объяснения языковых фактов используются краеведческие сведения, а результаты работы представляют собой ценный материал для краеведов, учителей школ, для обучения студентов-филологов лингвокраеведческим исследованиям в регионе.

Особенности организации лингвокраеведческой работы последовательно и подробно описаны в исследованиях Л.А. Климковой [Климкова, 2017]. Л.А. Климкова характеризует виды лингвокраеведческой деятельности в вузах России в XX – начале XXI вв.: 30–50-х гг. XX века – сбор данных для подготовки Диалектологического атласа русского языка, вторая половина XX века – активизация лексикографической работы: создание диалектных и ономастических словарей; параллельно с лексикографической работой проведение и лингвогеографических исследований, а также изучение историко-культурных зон в лингвокраеведении и (лингво)страноведении, представление результатов лингвокраеведческой работы в виде дидактического материала для обучающихся; «лингвокраеведческое, лингворегионоведческое и шире – этнолингвистическое, этнокультурное прочтение текстов, зафиксированных во время полевой работы, индивидуальной или групповой, а также текстов в изданных хрестоматиях, региональном словаре (или в хрестоматиях, словарях)» [Климкова, 2017, с. 93–94]; исследовательская работа в рамках исторического лингвокраеведения, на стыке лингвистического и литературного краеведения, выполнение лингвокраеведческих исследований в коммуникативном аспекте, «исследование языковой личности сельского жителя, диалектоносителя (диалектоносителей), бывшего сельского жителя; создание их речевых портретов; изучение языка города; изучение региональных СМИ» [Климкова, 2017, с. 95].

Указанные виды лингвокраеведческой работы можно выполнить на основе применения следующих методов: дескриптивного (описательного), полевого метода, методов лексикографии, методов лингвистической географии, сравнительно-исторического метода, сравнительно-сопоставительного метода, методов лингводидактики, приемов этнолингвистического и лингвокультурологического методов, стилистического, метода компонентного анализа, методов когнитивно-дискурсивного изучения языка (здесь вполне применимы методы, используемые при описании языковой личности), семиотического,

структурно-системного, типологического, метода контекстуального анализа, приемов статистического метода и др.

Для разноаспектного анализа нижегородской микротопонимии Л.А. Климковой была разработана методология исследования, отличающаяся комплексностью применяемых методов: семасиологический (структурно-семантический), ономасиологический, системно-структурный, индуктивный синхронический анализ языкового материала, описательный, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, метод компонентного анализа, когнитивно-коммуникативный, коммуникативно-прагматический, приемы стратиграфического метода, элементы методики «конверсационного анализа», или «анализа разговора», метод количественных подсчетов [Климкова, 2006, 2007, 2008]. Отметим при этом, что в исследовании нижегородской микротопонимии Л.А. Климковой привлекались и исследования археологов, историков, географов, изучающих Нижегородский край.

Традиции лингвокраеведческой работы А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева продолжены и усовершенствованы Л.А. Климковой: выработана комплексная методика разноаспектного анализа языковых единиц региона на основе применения традиционных и новейших методик и подходов, собран и с учетом полифункциональности проанализирован уходящий диалектный материал, имеющий непреходящую ценность, выработаны способы ориентации на краеведческие сведения при изучении языковой специфики региона.

В основе методики изучения и описания микротопонимии Воронежской области Г.Ф. Ковалева, отразившейся в создании двухтомного «Словаря микротопонимов Воронежской области», – полевой метод, метод анкетирования, анализ научно-справочной, краеведческой литературы и исторических источников, методы современной лексикографии, описательный, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, этимологический анализ, метод компонентного анализа, приемы историко-географического и историко-культурного комментирования языкового материала, приемы методики курсивного изучения языка, метод контекстуального анализа лексем в диалектном тексте и др. [Ковалев, 2017]. В словаре для иллюстрации значения слова и особенностей его употребления приводятся лингвистический – примеры функционирования слова в живой народной речи – и краеведческий материал – исторические, историко-географические сведения, топонимические легенды, данные для сопоставления с лингвистическими фактами, и др. [Ковалев, 2017]. Лексикографическое описание воронежской микротопонимии выполнено на основе лингвокраеведческого подхода (метода).

Г.Ф. Ковалев отмечает важность изучения региональных имен собственных и то, что для ареала Воронежская область ценны как русские, так и украинские названия [Ковалев, 2014, с. 226–268]. Для лингвокраеведческих исследований необходимо привлекать краеведческий материал, извлекать местные названия из художественной литературы, местного фольклора, телефонных справочников, исторических документов края, публикаций в местных газетах и др. Научно-исследовательская методология, разработанная Г.Ф. Ковалевым, последовательно отражает как методы, ранее примененные А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышовым, так и актуальные в настоящее время лингвистические методики с учетом данных краеведения.

Изучая когнитивную и языковую специфику репрезентации ономастических знаний в языке на материале ономастикона Тамбовской области, А.С. Щербак применяет комплекс методов, позволяющих изучить концептосферу ономов, функционирующих в речи жителей Тамбовского края. Среди основных методов, применяемых А.С. Щербак в изучении концептосферы регионального ономастикона отметим как традиционные для лингвистического (диалектологического) исследования: методы непосредственного наблюдения и описания, полевой метод, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический, приемы статистического и стратиграфического методов, методику компонентного анализа, так и новейшие: метод концептуального анализа, метод когнитивного моделирования [Щербак, 2006, с. 16, 57, 100–110, 150–164]. Особо отметим применение в ходе исследования А.С. Щербак собственно лингвокраеведческого метода:

изучение концептосферы онимов Тамбовской области осуществляется в тесной связи с краеведческими данными (исторического, историко-географического, историко-культурного, историко-этнографического, статистического плана) [Щербак, 2006]. Для комментирования лингвистических наблюдений и выводов А.С. Щербак последовательно использует краеведческие сведения, что, безусловно, определяет достоверность и точность сделанных выводов. Отметим, что в данном случае в полной мере реализуется требование В.И. Чернышева о необходимости учета историко-культурных сведений о населенном пункте, говор которого изучается.

В научно-исследовательской деятельности Ю.И. Чайкиной также отражены основы методологии А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева. При сравнительно-сопоставительном изучении вологодской и воронежской антропонимии первой половины XVII века Ю.И. Чайкина [Чайкина, 2004] использует следующие основные методы: описательный, диахронический анализ языкового материала, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, структурно-системный, семиотический, этимологический, статистический. Отметим, что исследование осуществляется на материале писцовых и переписных книг Вологды и Воронежа.

В.И. Дьякова и В.И. Хитрова [Дьякова, Хитрова, 2009], изучая воронежскую географическую лексику, применяют следующие методы: описательный, полевой метод, семасиологический (структурно-семантический), синхронический и диахронический анализ языкового материала, методы лексикографии, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, ареальный метод. Материалом исследования послужили воронежские памятники письменности XVII–XIX вв., а также живая речь носителей воронежских говоров, что также свидетельствует о лингвокраеведческом подходе в исследовании и в значительной степени реализации методологии А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева.

Укажем здесь лишь несколько работ (подобных примеров множество), в которых проводится изучение языка региона (диалектных особенностей, ономастикона) на основе привлечения данных краеведения, что свидетельствует о реализации основ лингвокраеведческой методологии А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева в современных научных трудах [Верховых, 2019; Королева, 2021; Кюршунова, 2020; Неганова, 2021; Попов, 2020]. Отметим также, что на данном этапе развития лингвистики значительное число исследований в области ономастики, в том числе и региональной ономастики, включают в качестве источников разноплановый краеведческий материал [Мадиева, Супрун 2017, с.18–19], что, несомненно, способствует воплощению лингвокраеведческого подхода в научных исследованиях.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать тот факт, что методики изучения языка региона, примененные А.Н. Гвоздевым и В.И. Чернышевым, имеют общие установки, методы и принципы.

Современные лингвокраеведческие исследования в значительной степени отражают методологическую основу лингвокраеведческой работы А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышева, определяя важность для анализа таких параметров, как научность, точность, репрезентативность, системность и опора на краеведческие сведения в научном исследовании. Традиционные методы изучения языка региона совершенствуются в применении, дополняясь новейшими методиками анализа языкового материала в соответствии с актуальными подходами к изучению языковых единиц в современной лингвистике.

Материалы проведенного исследования позволяют определить основные методы лингвокраеведческих исследований на современном этапе развития лингвистики, что будет способствовать совершенствованию методик лингвистического изучения края.

Список источников

Гвоздев А.Н. 1925. Типы великорусских говоров Пензенской губернии. В кн.: Труды Пензенского общества любителей естествознания и краеведения. Вып. VI. Пенза, Типо-литография им.

- тов. Воровского: 3–20 URL: https://dl.liblermont.ru/DL/february_18/Trudy_Penzenskogo_O.L.E.K._Vypusk_6.pdf/view (дата обращения 24.12.2021)
- Дьякова В.И., Хитрова В.И. 2009. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж, Воронежский государственный университет, 344 с.
- Климкова Л.А. 2006. Микротопонимический словарь Нижегородской области: (Окско-Волжско-Сурское междуречье). В 3-х частях. Арзамас, АГПИ. Ч.1: А–И, 402 с.; Ч.2: К–О, 335 с.; Ч.3: П–Я, 405 с.
- Ковалев Г.Ф. 2017. Словарь микротопонимов Воронежской области. В 2-х т. Воронеж, НАУКА-ЮНИПРЕСС, Т.1: 410 с.; Т. 2: 420 с.
- Чернышев В.И. 1970. Язык и стиль писателей. Диалектология. Правописание и методика преподавания. Personalia. Т. 2. В кн.: Избранные труды. В 2-х т. Москва, Просвещение, 718 с.

Список литературы

- Верховых Л.Н. 2019. Антропонимикон ревизских сказок как источник изучения особенностей развития русской фамильной системы. В кн.: Ономастика Поволжья. Материалы XVII Международной научной конференции, г. Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года. Под ред. В.Л. Васильева. Великий Новгород, ТПК «Печатный двор»: 128–132. DOI: 10.34680/2019.onomastics.128
- Верховых Л.Н. 2021. Актуальные вопросы методики преподавания русского родного языка. Нефилология, 7–28: 618–625. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-28-618-625
- Климкова Л.А. 2007. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира. Москва, Арзамас, АГПИ, 394 с.
- Климкова Л.А. 2008. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ. Москва, Арзамас, АГПИ, 261 с.
- Климкова Л.А. 2017. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве. Вестник Костромского государственного университета, 23(5): 92–96.
- Ковалев Г.Ф. 2014. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж, Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 440 с.
- Королева И.А. 2021. Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского приграничья. Нефилология, 7–27: 425–433. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433
- Кюршунова И.А. 2020. Памятники письменности Карелии как источник исследования антропонимов. Вопросы ономастики, 17(3): 156–185. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.038
- Мадиева Г.Б., Супрун В.И. 2017. Общие проблемы ономастики. В кн.: Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. Под ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясовой. Майкоп, Изд-во «Магарин Олег Григорьевич»: 11–51.
- Неганова Г.Д. 2021. Названия берега и форм берегового рельефа в говорах Костромской области: ландшафтно-географический аспект. Нефилология, 7–26: 227–234. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-227-234
- Полякова Е.Н. 2006. Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы. Пермь, Пермский университет, 256 с.
- Попов С.А. 2020. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести. Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 1 (36): 10–23.
- Чайкина Ю.И. 2004. Именование мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII века. Вопросы ономастики, 1: 33–39.
- Щербак А.С. 2006. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области. Тамбов, Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 293 с.
- Щербак А.С. 2017. Ономастика и краеведение. В кн.: Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. Под ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясовой. Майкоп, Изд-во «Магарин О.Г.»: 184–200.

References

- Verhovyyh L.N. 2019. Anthroponymy of revizskaya skazka as a source of study of the features of development of the russian family system. In: Onomastika Povolzh'ja. Materialy XVII

- Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Velikij Novgorod, 17–20 sentjabrja 2019 goda. Ed. V.L. Vasil'ev. Velikij Novgorod, Publ. TPK «Pечатnyj dvor»: 128–132. DOI: 10.34680/2019.onomastics.128
- Verhovyh L.N. 2021. Current issues of teaching methods of russian native language. *Neophilology*, 7–28: 618–625 (in Russian). DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-28-618-625
- Klimkova L.A. 2007. Nizhegorodskaja mikrotoponimija v jazykovoj kartine mira [Nizhny Novgorod microtoponymy in the language picture of the world]. Moskva, Arzamas, Publ. AGPI, 394 p.
- Klimkova L.A. 2008. Nizhegorodskaja mikrotoponimija: raznoaspektnyj analiz [Nizhny Novgorod microtoponymy: multidimensional analysis]. Moskva, Arzamas, Publ. AGPI, 261 p.
- Klimkova L.A. 2017. Linguistic area study in national scientific and educational system. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23(5): 92–96.
- Kovalev G.F. 2014. Izbrannoe. Jetnonimika. Voronezhskoe lingvokraevedenie. Raznoe [Favorites. Ethnonymy. Voronezh regional linguistics. Miscellanea]. Voronezh, Publ. Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaja kniga», 440 p.
- Koroleva I.A. 2021. Regional toponymy: toponymic system commonality of the smolensk-vitebsk borderland. *Neophilology*, 7–27: 425–433 (in Russian). DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433
- Kjurshunova I.A. 2020. Karelian written documents as a source for studying deanthroponymic settlement names. *Voprosy onomastiki*, 17(3): 156–185. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.038
- Madieva G.B., Suprun V.I. 2017. Obshhie problemy onomastiki [General problems of onomastics]. In: *Teorija i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovanij* [Theory and practice of onomastic and derivatological research]. Ed. V.I. Suprun, S.V. Il'jasova. Majkop, Publ. Izd-vo «Magarin Oleg Grigor'evich»: 11–51.
- Neganova G.D. The names of the coast and forms of coastal relief in the kostroma region's patois: landscape and geographical aspect. *Neophilology*, 7–26: 227–234 (in Russian). DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-227-234
- Poljakova E.N. 2006. Regional'naja leksikologija i onomastika: materialy dlja samostojatel'noj raboty [Regional lexicology and onomastics: materials for independent work]. Perm', Publ. Permskij universitet, 256 p.
- Popov S.A. 2020. Memoratives of the onomastic space of hero cities, cities of military glory and localities of military valor. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, 1 (36): 10–23.
- Chajkina Ju.I. 2004. Male personal denominations in Vologda and Voronezh in the first half of the XVII century. *Voprosy onomastiki*, 1: 33–39.
- Shherbak A.S. 2006. Problemy izuchenija regional'noj onomastiki. *Onomastikon Tambovskoj oblasti* [Problems of studying regional onomastics. Onomasticon of the Tambov region]. Tambov, Publ. Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 293 p.
- Shherbak A.S. 2017. Onomastika i kraevedenie [Onomastics and local history]. In: *Teorija i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovanij* [Theory and practice of onomastic and derivatological research]. Ed. V.I. Suprun, S.V. Il'jasova. Majkop, Publ. Izd-vo «Magarin Oleg Grigor'evich»: 184–200.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of Interest: No potential conflict of interest reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Верховых Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиала Воронежского государственного университета, Борисоглебск, Россия.

Lyudmila N. Verkhovykh, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Borisoglebsk Branch of Voronezh State University, Borisoglebsk, Russia.

УДК 81'282.8

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124

Лингвокультурологические аспекты в ходе контактного взаимодействия

Волошина Т. Г., Радович М. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

Аннотация. Национально-культурная специфика способна оказывать существенное влияние на эффективность коммуникации. Возникновение препятствий в процессе осуществления межкультурного взаимодействия обусловлено влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Основными проблемами, вследствие которых межкультурные контакты являются неудачными, принято считать различия в области культурного самовосприятия коммуникантов, а именно их мироощущение и миропонимание. В ходе исследования анализу подвергается лингвокультурологическая специфика вербальной и невербальной коммуникации такого территориального варианта, как английский язык, функционирующий на территории Шотландии, который образовался в результате влияния явления креолизации, а именно адаптации английского языка к реалиям автохтонных лингвокультур Шотландии. Рассматриваемые компоненты коммуникации, вербальный и невербальный, функционируют в неразрывной связи друг с другом, при этом невербальные средства общения помогают усилить процесс коммуникации, придают ему нужную окраску, подчеркивают ключевые моменты. Без учета всех компонентов как вербальной, так и невербальной коммуникации невозможно прийти к полному и адекватному осмыслению культуры страны. В результате влияния интерференционных процессов со стороны местных языков в ходе креолизации английского языка Шотландии структура территориального варианта английского языка Шотландии подвержена трансформациям в его фонетическом, грамматическом и лексическом строе, в результате чего в анализируемом территориальном варианте происходит фонетическая креолизация, грамматическая креолизация, лексическая креолизация.

Ключевые слова: языковой контакт, территориальный вариант английского языка Шотландии, интерференционные процессы, фонетическая креолизация, грамматическая креолизация, лексическая креолизация, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация

Для цитирования: Волошина Т.Г. 2022. Лингвокультурологическая специфика территориального варианта английского языка Шотландии. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(1): 114–124. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124

Language and Cultural Aspects in the Process of Contact Interaction

Tatiana G. Voloshina, Minara A. Radovich

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia,
E-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

Abstract. National and cultural peculiarities have a significant impact on the effectiveness of communication. The emergence of obstacles in the process of intercultural interaction is due to the influence of both linguistic and extra linguistic factors. The main problems that make intercultural contacts unsuccessful are considered to be in the differences in the field of cultural self-perception of communicants, exactly the worldview and world perception. Mastering a foreign culture an important

factor is not only in the language aspect, but also in the means of expressing and understanding non-verbal means of communication. According to the research work the linguistic and cultural specifics of verbal and non-verbal communication of such territorial variant as the English language functioning on the territory of Scotland, which was formed as the result of the creolization phenomenon (the adaptation of the English language to the realities of the autochthonous linguistic cultures of Scotland) are analyzed. The analyzed components of communication: verbal and non-verbal functioning in an inseparable connection are of main attention according to the author's ideas. Non-verbal means of communication help to strengthen the communication process, give it the right context, help to emphasize important points. Without taking into account all the components of both verbal and non-verbal communication, it is impossible to come to a complete and adequate understanding of the country's culture's ideas. As a result of the interference processes influence on the part of local languages during the creolization of the English language of Scotland, the structure of the territorial version of the English language of Scotland is the subject to transformations in its phonetic, grammatical and lexical structure, as a result of which phonetic creolization, grammatical creolization, lexical creolization processes occur in the analyzed territorial version.

Keywords: language contact, territorial variant of the English language in Scotland, interference, phonetic creolization, grammatical creolization, lexical creolization, verbal communication, non-verbal communication

For citation: Voloshina T.G. Radovich M.A. 2022. Language and Cultural Aspects in the Process of Contact Interaction. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41 (1): 114–124 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124

Введение

Культура представляет собой многогранное, всеохватывающее понятие в истории человечества, обширно трактуемое в работах отечественных и зарубежных исследователей. Культура тесно связана с многочисленными сферами человеческой жизни деятельности и буквально пронизывает и подпитывает каждую из них. Люди различных групп, наций, этносов употребляют это понятие в своих языках в самых различных ситуациях и интерпретациях, зачастую в абсолютно неидентичных контекстах. Невозможно точно сказать, где начинается культура и где она заканчивается, существуют ли у нее границы. В научный оборот рассматриваемый термин был введен в XIX веке, однако это не свидетельствует о том, что анализируемая тематика не была изучена ранее. Свое начало рассматриваемый термин берет от латинского слова *cultura*, изначально рассматриваемый как термин в сфере сельского хозяйства и буквально означал: обработка земли человеком. В дальнейшем «культура» употребляется в значении «возделывания разума в процессе воспитания и обучения». В период XVIII века под культурой было принято понимать все продукты труда, которые были созданы в результате деятельности человека.

Так как культура является одним из сложнейших понятий, то в современной науке существует множество методов ее изучения, что свидетельствует о возможности безграничной интерпретации ее трактовки, так же данное понятие можно рассматривать и описывать со стороны тех функций, которые она выполняет в обществе. К функциональной модели можно отнести такие культуры, как мировоззренческая, этническая, соционормативная и художественная.

Целью нашего исследования является изучение формы взаимодействия вербальных и невербальных аспектов на примере лингвокультур Англии и Шотландии. В работе проводится исследование двух контактирующих лингвокультур, выявляются характерные свойства невербального коммуникативного поведения представителей английской и шотландской культур, осуществляется сравнительный анализ характеристик словесного и не-словесного компонентов коммуникации.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является лингвокультурологическая специфика вербальной и невербальной типов коммуникации территориального варианта английского языка Шотландии, сформированного на базе британского английского языка, адаптированного к реалиям местных лингвокультур.

Фактический материал исследования составили вербальные и невербальные средства коммуникации, выявленные методом целенаправленной выборки из текстов современных словарей, средств массовой коммуникации, включая интернет-блоги и социальные сети. Применялись описательно-аналитический метод, сравнительный метод, метод контекстуального и количественного анализа.

Результаты и их обсуждение

В последнее время в ходе анализа особенностей той или иной культуры часто встречается понятие «лингвокультура». Весьма очевидно, что этот термин базируется на двух компонентах: «лингво» и «культура», то есть это культура, которая способна репрезентировать свои уникальные свойства и черты в языке.

Выявление тесных связей между языком и культурой дало толчок к изучению особенностей менталитета, культуры и языка посредством использования единой системы инструментальных понятий и категорий. Вследствие осуществления данного взаимодействия в лингвистике появилась такая дисциплина, как лингвокультурология. В рамках лингвокультурологического подхода каждый носитель языка рассматривается как носитель определенной культуры, что определяет его лингвистические характеристики. Языковые знаки приобретают статус культурных, национальных знаков, взаимоотношения между культурой и языком рассматриваются как отношения определенной части или же одного единого целого. Язык в рамках анализируемой теории может быть представлен как составляющее культуры и как ее орудие. Но в то же время язык независим от культуры, он способен быть субстанцией, которую рассматривают как отдельную самостоятельную единицу. Носитель культуры выступает и носителем языка, поэтому языковые знаки приобретают значение культурных знаков, позволяя понимать ключевые установки культуры. Базируясь на этом принципе, можно утверждать, что язык обладает способностью отражать национально-культурную ментальность носителей.

Понятие «лингвокультура», так же как и «культура», имеет огромное множество различных трактовок, например, «лингвокультура – это культура, обособленная в рамках языка», она понимается как «одно целое культуры и языка». Разностороннюю интерпретацию и осмысление данный термин приобрел в трудах В.В. Красных, в работах которого лингвокультура трактуется как «культура, закрепленная и находящаяся в знаках языка, которую мы воспринимаем в языке и через язык». Еще один из аспектов, изученный автором, было разграничение данного понятия и других, схожих с ним и близких по смыслу единиц. При разграничении понятий «языковая картина мира» и «лингвокультура», по мнению исследователя, необходимо осознавать тот факт, что языковая картина мира состоит лишь из языковых знаков, проявляющихся как сложное семантическое пространство, в то время как лингвокультура оперирует образами, созданными в подсознании, что также находит свое отражение в репрезентации языковых знаков, являющихся лингвокогнитивным феноменом. В свою очередь понятие «культура» в рамках авторского подхода значительно сужается и рассматривается лишь как пространство общей памяти, как некой системы представлений об объектах.

Вербальная коммуникация и ее компоненты

В каждой культуре существует своя особенная языковая система знаков, с помощью которой ее представители могут общаться друг с другом. Разнообразные формы языкового общения получили в науке название вербальных средств коммуникации. Вербальное

общение составляет большую часть коммуникативного взаимодействия людей, под вербальной коммуникацией принято понимать «языковое общение, выражающееся в обмене информацией, знаниями, мыслями, а также эмоциональным состоянием собеседника» [Воронцов, 2016].

Вербальная коммуникация пронизывает все области сознательной деятельности человека. Успешная социализация может быть достигнута только через коммуникацию с другими членами общества. Вербальная коммуникация проходит как процесс воспроизведения, передачи, а также интерпретации сообщения посредством речи и языковых символов. Вербальная коммуникация представляет собой систему совместной деятельности оппонентов. К вербальным компонентам коммуникации относятся: слова, предложения и фразы. В процессе вербальной коммуникации применяются различные языковые знаки. Условно языковые знаки подразделяют на следующие группы: так называемые знаки-копии, отображающие различные явления и предметы действительности; знаки-сигналы, которые являются мотиваторами к последующим действиям; знаки-символы, которые передают информацию о предмете, основываясь на его характеристиках и признаках [Почепцов, 2015].

Если язык – это лишь система знаков и символов, определяющих какие-то понятия, то речь – это уже деятельность человека, выражающая его индивидуальную волю и понимание происходящего.

Человеческая речь является основным компонентом вербальной коммуникации, но с точки зрения функциональных возможностей, этот спектр является более ограниченным, чем у всей языковой системы в целом. Однако «речь – самое универсальное средство коммуникации, так как при передаче информации с ее помощью в большей степени сохраняется смысл передаваемого сообщения» [Воронцов, 2016]. Процесс передачи сообщения должен сопровождаться высокой степенью понимания ситуации в целом коммуникантами. Речь принято подразделять на внутреннюю и внешнюю: внутренняя речь предполагает общение человека с самим собой, однако этот вид общения не относится к коммуникации, так как нет обмена какой-либо информацией; внешняя речь, в свою очередь, состоит из монолога, дискуссии, диалога, письменной и устной речи, ее цель заключается в осуществлении контактов и обмене информацией с собеседниками

Диалог представляет собой один из наиболее лучших способов взаимодействия коммуникантов – это такая форма общения, которая состоит из обмена информацией между двумя участниками коммуникации. Диалог предполагает взаимный поочередный обмен репликами собеседников, в теории коммуникации диалог принято относить к первичной форме вербального общения, которая создается совместной деятельностью сторон.

Монолог предполагает выступление одного перед аудиторией, этот метод коммуникации в большей степени используется с целью обучения, а также на различных собраниях.

Дискуссия направлена на обмен, чаще всего, противопоставленными точками зрения, чтобы доказать правоту одного из коммуникантов или одной из сторон.

В вербальной коммуникации присутствуют следующие аспекты: цель, содержание и средства [Станишевская, 2016].

Цель – это то, что побуждает человека прибегнуть к данному виду активности, она может быть связана с различными факторами ее возникновения, с удовлетворением потребностей в той или иной сфере.

Содержание – это сама информация, которая передается от одного коммуниканта к другому. Люди обмениваются друг с другом какими-то личными мыслями и переживаниями, делятся новой информацией. Содержание, в свою очередь, включает в себя тему разговора, саму информацию, какие-то факты, а следовательно, и комментарии этих фактов, описание событий и прочее.

К структуре речевого общения относятся:

1) смысл и значение отдельных слов или фраз. Коммуниканты должны правильно и уместно употреблять слова, правильно и точно формулировать предложения, чтобы не создавать лишних помех в общении;

2) звуковые речевые явления: тональность, ритм, темп, тембр речи, интонация, хорошая дикция. Для достижения успешности коммуникации отдается предпочтение спокойной и размеренной манере речи;

3) выразительные качества голоса [Волошина, 2020].

Вербальная коммуникация не всегда обладает абсолютной эффективностью. Во время коммуникации могут возникать различные помехи – специфические факторы, оказывающие влияние на понимание и восприятие, тем самым уменьшая ее эффективность. К примеру, «это могу быть посторонние шумы, плохая слышимость» [Станишевская, 2016]. Помехи могут влиять на интерпретацию оппонентом полученной информации, искажая ее изначальный замысел.

И так, можно отметить, что именно вербальная коммуникация является самым универсальным и доступным типом коммуникации, подразумевающим вид общения, к которому относится передача информации от одного коммуниканта к другому с помощью речи, а также ее адекватная интерпретация, а впоследствии и восприятие другим коммуникантом [Ахмад, 2018].

Невербальная коммуникация и ее компоненты

Невербальную коммуникацию в самом широком смысле можно представить как коммуникацию, без использования языковых знаков. В данном виде коммуникации взаимодействие между людьми, обмен информацией осуществляется при помощи мимики, жестов и движения тела. Зачастую о невербальной коммуникации принято говорить как о «языке жестов».

В отечественной науке под вербальной коммуникацией принято понимать «комплекс неязыковых знаков, символов, которые используются для передачи информации и каких-либо сообщений в процессе коммуникации».

Принимая во внимание тот факт, что вербальная коммуникация составляет гораздо больший процент во взаимоотношениях и общении людей, не стоит опускать роль и место невербальной коммуникации в жизни общества, так как свою речь мы, как правило, зачастую сопровождаем определенными движениями, жестами, позволяющими глубже погрузиться в процесс коммуникации и более точно осмыслить речевой текст. Эффективность общения зачастую зависит от того, насколько оппонент точно принимает визуально полученную информацию.

Анализируемый вид коммуникации можно отнести к самой древней форме взаимодействия людей, так как исторически невербальная коммуникация развивалась намного раньше и быстрее, чем вербальная. Процесс изучения невербальной коммуникации затрагивает анализ двух аспектов – биологического и социального. Доказательством биологического аспекта является тот факт, что некоторые из компонентов невербальной коммуникации не поддаются ее контролю: частота моргания, расширение зрачков, покраснение лица и другое. Социальная сторона специфики рассматриваемого типа общения говорит о том, что многие нормы невербальной коммуникации приобретаются человеком в процессе социализации и инкультурации, в то время как другие носят этнический или общенациональный характер.

Невербальная коммуникация используется людьми для того, чтобы точнее и понятнее выразить свои мысли, передать информацию. Данная цель является идентичной независимо от культурной принадлежности, однако интерпретация неязыковых символов может в значительной степени отличаться в разных культурах. Как вербальные, так и невербальные средства общения имеют соответствующее данной культуре значение. В процессе коммуникации для более точного понимания невербального языка люди стараются свя-

зять его с конкретной ситуацией, культурным уровнем и социальным положением своего собеседника. В своем проявлении невербальная коммуникация носит больше спонтанный, произвольный характер по своей природе, поэтому зачастую возникают сложности и ошибки в процессе понимания и интерпретации невербальных символов в зависимости от принадлежности к той или иной лингвокультуре [Ахмад, 2018].

Выделяют три группы невербальных средств:

- 1) поведенческие символы, обусловленные физиологическим аспектом, например, потоотделение, покраснение лица;
- 2) ненамеренные символы, которые человек может употреблять по привычке, например, покусывание губ, почесывание носа;
- 3) коммуникативные символы: сигналы, которые передают информацию о состоянии, объекте или событии [Aitken, 2015].

Хотя все невербальные знаки обладают двойственным характером, они заключают в себе внушительный разноплановый объем информации о каких-то личных качествах собеседника (его социальном статусе, эмоциональном состоянии, коммуникативной компетентности), об отношении к обсуждаемой теме, об отношении коммуникантов друг к другу.

Таким образом, невербальная коммуникация подразумевает под собой процесс, который протекает в основном неосознанно.

Национально-культурная специфика вербальной коммуникации в лингвокультурах Англии и Шотландии

Английский язык можно по праву считать международным языком, который понимают жители практически всех уголков планеты. Официальным языком Шотландии является английский, однако английский язык Шотландии представляет собой территориальный вариант английского языка, обладающий своими уникальными особенностями на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом.

Шотландия всегда хотела отделиться от Соединенного Королевства, стать самостоятельным государством, шотландцы буквально одержимы идеей независимости, в языке они придерживаются тенденции сохранять традиционную нотку. Территориальный вариант английского языка Шотландии обладает рядом уникалий на фонетическом уровне:

1) привычный для британского английского языка мягкий, почти невыраженный согласный звук «r» в территориальном варианте английского языка Шотландии обладает твердостью протяженностью при произнесении. Шотландцы четко произносят звук /r/ в середине или конце слова, в отличие от британского английского языка, например, *car* – /kar/ – машина, *bar* – /bar/ – бар, стойка, слиток, *bear* – /beər/ – медведь. Также звук /r/ оказывает влияние на предшествующие ему гласные и часто опускается, например, *near* – /ni:r/ – рядом (в британском английском языке /niə/)¹;

2) конечный звук /i/ произносится как /e/ в некоторых словах, таких как *city* – *cite* – город, *hazy* – /h'eze/ – туманный² [Jamieson et al., 1879–1882];

3) для территориального варианта английского языка в Шотландии в ранг фонетических уникалий входит монофтонгизация дифтонгов, при этом в результате фонетической креолизации происходит увеличение долготы гласного звука, например, *bone* – /bo:n/ – кость, *gate* – /ge:t/ – ворота, *late* – /le:t/ – поздно, *face* – /fe:s/ – лицо, *boat* – /bo:t/ – лодка, *noisy* – /no:zi/ – шумный [Alkazwini, 2017];

¹ Guinness H. 2008. *Shades of Brown: Standard Scottish English in a Received Pronunciation World*. New Haven, Publ. Yale University, 56 p. Available at: ling.yale.edu/sites/default/files/files/alumni%20senior%20essays/Harry%20Guinness.pdf (accessed: 18.07.2021).

² Jamieson J., Longmuir J., Donaldson D. 1879–1882. *An etymological dictionary of the Scottish language; to which is prefixed, a dissertation on the origin of the Scottish language*. Vol. 1. Paisley A. Gardner. Available at: <https://archive.org/details/etymologicaldict01jamiuoft> (accessed: 11.07.2021).

4) в словах после звука /h/ или в начале слова может появляться звук /w/, например, *old* – /wəuld/ – *старый*, *had* – /wæd/ – *имел*. В начале слова вместо звука /w/ может быть произносится звук /h/ или сочетание /hw/, например, *win* – /hin/ – *выигрывать*, *where* – /hweə/ – *где* [Corbett, Stuart-Smith, 2012];

5) в середине слова звук [s] переходит в [ʃ], например, *inside* – /ɪn'faɪd/ – *внутри*, *person* – /'pɜːsn/ – *человек, личность* [Aitken, 2015].

Территориальный вариант английского языка Шотландии обладает рядом грамматических уникалий. В этом аспекте английский язык Шотландии также имеет множество специфических особенностей, которые отличают его от британского английского языка, что вызвано влиянием явления грамматической креолизации, обусловленного доминированием интерференционных процессов со стороны местных языков.

В территориальном варианте английского языка Шотландии неопределенный артикль *an* используется согласно норме британского английского языка, а именно перед существительным в единственном числе, начинающимся с гласного звука и немого *h*, определенный артикль *a* употребляется перед существительным, которое начинается на согласный. Тем не менее в разговорной речи шотландцы предпочитают использовать чаще неопределенный артикль перед существительным, начинающимся как с согласного, так и с гласного звуков. В отличие от британского английского языка, в шотландском варианте английского языка определенный артикль применяется в следующих случаях:

1) перед названиями дней недели и времён года:

the winter – *winter* – *зима*,
the Sunday – *Sunday* – *воскресенье*;

2) в некоторых словосочетаниях, где наречие выступает главным элементом:

tonight – *the nicht* – *вечером*,
today – *the day* – *сегодня*,
yesterday – *the streen / yestreen* – *вчера*,
tomorrow – *the morn* – *завтра*,
tomorrow morning – *the morn's morning* – *завтра утром*,
together – *the gather* – *вместе* [Neřoldová, 2013];

3) перед названиями наук и областей познания, профессий, языков:

He can't speak French – *He canna speak the French* – *Он не может говорить на французском языке* [Jamieson et al., 1879–1882].

He knows Chemistry very well – *He kens the chemistry gey guid* – *Он очень хорошо знает такой школьный предмет, как Химия* [Corbett, Stuart-Smith, 2012].

Для территориального варианта английского языка Шотландии характерной грамматической особенностью при образовании отрицательной формы является употребление отрицательных частиц *no* – /no/ или *nae* – /ne/ вместо отрицательной частицы *not*, типичной для британского английского языка, например, *can't* – *cannae*, *don't* – *dinnae*.

Прилагательные, входящие в группу исключений в британском английском языке, при образовании степеней сравнения в территориальном варианте английского языка Шотландии могут образовывать их также и синтетическим способом, например:

little – *litteler* – *the litterest* – *мало* – *меньше* – *меньше всего*,
bad – *badder* – *the baddest* – *плохой* – *хуже* – *наихудший* [Alkazwini, 2017].

Страдательный залог глагола в шотландском варианте английского языка образуется с помощью глагола *get*, например, *I got told off* – *Мне сказали*.

Модальный глагол *will* в шотландском варианте английского языка обладает также значением модальных глаголов *shall* и *may*, например:

Will you do it again? – *Shall you do it again?* – *May you do it again?* – *Можу ли я сделать это снова?* [Aitken, 2015]

Лексическая креолизация английского языка в Шотландии привела к образованию лексических уникалий территориального варианта английского языка в Шотландии, к ключевым

из которых относятся употребление большого количества в речи лингвокультурем автохтонных языков, вместо лексических единиц британского английского языка, что продиктовано желанием и нуждам шотландцев следовать родной культуре [Волошина, 2021].

Наиболее продуктивными лингвокультурами в шотландском варианте английского языка, выявленных в результате нашего исследования, являются:

Существительные:

- *bairn – child – ребенок*, например:

I sat down and grat like a bairn – Я сидел и ревел, как дитя;

- *laddie – young man – парень*, например:

The unemployed bairns will have to be satisfied with fewer sweets – Детям безработных теперь придется довольствоваться меньшим количеством сладостей;

- *lassie – dog – собака*, например:

That darn lassie is always cheating me! – Это проклятая собака всегда приставала ко мне!

- *ee, een – eye, eyes – глаз, глаза*, например:

He hasn't seen her een since she left – С того момента, как она уехала, никто ее так и не видел (буквально «никто не видел ее глаз»);

Глаголы:

- *ken – know – знать*, например:

Well, I ken ye're not yet familiar with our ways, and that's some excuse – Ну, я знаю, что ты еще не знаком с нашими обычаями, и это какое-то оправдание;

- *girn – cry – плакать*, например:

Girning child was desperate – Плачущий ребенок был в отчаянии;

- *bide – stay – оставаться*, например:

Will be in the house bide hearth – Будет в доме том полыхать очаг (буквально «останется домашний уют») [Guinness, 2008];

Прилагательные:

- *bonnie – pretty – привлекательный*, например:

The bonnie girl was a waitress in a small café – Эта привлекательная девушка работала официанткой в маленьком кафе,

- *wee – little – маленький*, например:

Wee Betty was too small for all the life difficult – Крошка Бетти была слишком мала для всей этой трудной жизни,

- *cauld – cold – холодный*, например:

cauld evening – холодный вечер,

- *auld – old – старый.*

Auld Friend is a fashion label focusing on gender-neutral clothes – Auld Friend (дословно «старый друг») – модный бренд, специализирующийся на гендерно-нейтральной одежде [Jamieson et al., 1879–1882].

Национально-культурная специфика невербальной коммуникации в лингвокультурах Англии и Шотландии

Бесконечное соперничество Англии и Шотландии поспособствовало формированию особого характера взаимоотношения между странами, особенно ярко проявляющееся в быту. У англичан сформировалось множество стереотипов по отношению к их соседям из-за их буйного нрава, желаний проводить время беспечно: они воспринимают их как бездельников и хвастунов, от которых то и дело стоит ожидать кучу неприятностей. Шотландцы же, в свою очередь, воспринимают англичан слишком серьезными, неэмоциональными, меркантильными (с хитростью и бесчестием обидравшими многие века своих простодушных соседей). Необходимо четко осознавать, что англичане и шотландцы – это две абсолютно разные нации, несмотря на то, что являются народами одного государства. Если назвать шотландца англичанином, то это может его оскорбить, так как у них ярко выражена национальная идентичность.

Схожая черта у шотландцев с англичанами – это привычка оставлять эмоции при себе. И те, и другие не любят выражать свои чувства, они весьма сдержаны, типичным выражением лица для них является маска безмятежности. Лишь в узком кругу (родных, друзей) они становятся более раскрепощенными, «живыми», что позволяет окружению намного лучше понять их.

Жесты и мимика:

Наиболее частотными жестами среди шотландцев являются разведение рук в стороны, при этом они пытаются показать огромные размеры или серьезность какой-либо проблемы; соприкосновение большого и указательного пальцев, что означает, как близки они были к чему-то.

Есть ситуации, в которых шотландцы склонны забывать о своей сдержанности, например, когда находятся за границей. Здесь они ведут себя более раскрепощенными, стеснение становится менее выраженным, и шотландцы превращаются из стеснительных людей в несдержанных болтливых собеседников с ярко выраженной жестикуляцией.

Если при беседе с шотландцем вы окажетесь неправы, он может буквально вцепиться в вас и начнет трепать из стороны в сторону, иллюстрируя, что вы ошибаетесь. Когда он окончательно будет заведен от накалившегося спора, шотландец будет указательным пальцем толкать вам в грудь, так как они всегда пытаются показать свою правоту силой, если не помогли другие аргументы. Шотландцы весьма раздражительны, поэтому самым правильным решением будет просто принять их позицию.

Английский этикет, в свою очередь, напротив, просит отказаться от активной жестикуляции и мимики. Неприемлемым для английской культуры считается открытое выражение своего недовольства. Поднятые брови у англичанина могут выражать скептическое отношение к происходящему. Если англичанин постукивает указательным пальцем себе по носу, то это значит, что он желает что-то сказать, но не хочет прерывать своего собеседника [Guinness, 2008].

Чтобы показать ироничность своего высказывания, они изображают кавычки средним и указательным пальцем, выражают согласие или одобрение, лаконично моргнув, вместо привычного для многих народов кивка головой.

К популярным английским жестам можно отнести:

- *Thumbs up/thumbs down* – все пальцы, кроме большого, собраны в кулак, большой палец показывает либо вверх, либо вниз. Если палец направлен вверх – это означает одобрение, если вниз – то неодобрение;

- *Victory sign* – средний и указательный пальцы поднимают вверх, формируя букву V, ладонью к собеседнику. Жест трактуется как слово victory – победа;

- *V-sign* – выглядит так же, как предыдущий жест, отличается только тем, что здесь ладонь отвернута от оппонента. Такой жест является оскорбительным в Великобритании и других странах;

- *Air quotes* – средним и указательным пальцами показывают кавычки, чтобы показать ироничность какой-то фразы, указать на то, что ее нужно воспринимать, как сарказм;

- *Blah-blah gesture* – большой палец смыкается и размыкается с остальными, движение напоминает говорящий рот. Данный жест показывает, что собеседник слишком болтлив, что вы устали уже слушать его. Чаще всего этот жест сопровождается зеванием, чтобы еще в большей степени подчеркнуть незаинтересованность в продолжении беседы;

- *Loser* – нужно оттопырить указательный и большой палец, а остальные пальцы согнуть, чтобы получилось что-то напоминающее букву L. Это и будет обозначать loser – неудачник. Чаще всего данный жест используется как шуточный;

- *Fist bump* – все пальцы зажимаются в кулак и совершается несильный удар по кулаку собеседника. Жест обозначает, что вы хотите выразить уважение или же просто рады за человека [Guinness, 2008].

Заклучение

В ходе исследования было установлено, что в результате влияния явления лингвокультурологической креолизации был образован такой территориальный вариант, как территориальный вариант английского языка Шотландии. Влияние автохтонных языков на состояние английского языка, функционирующего на территории Шотландии, привело к его трансформациям на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. Фонетическая и грамматическая креолизация английского языка Шотландии продиктована доминирующим влиянием местных языков, в результате чего в его фонетическом строе происходит адаптация звуков британского английского языка к звукам, максимально приближенным к фонетической базе местных языков; для грамматического строя территориального варианта английского языка Шотландии прослеживается тенденция к упрощению и аналитизму, что связано с интерференционными процессами со стороны местных языков. Лексическая креолизация территориального варианта английского языка Шотландии превалирует над фонетической и грамматической креолизацией и детерминирует, проявляясь в доминирующем употреблении шотландцами лингвокультурем из родных языков в ежедневной коммуникации. Применение лексем автохтонных языков в формальной и неформальной беседе продиктовано желанием шотландцев следовать нормам родной культуры и сохранять себе лингвокультурное наследие.

Список литературы

- Ахмад А.Р. 2018. Традиционная культура и актуальные тенденции в формировании графического языка современного плаката региона Ближнего Востока. Дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 268 с.
- Волошина Т.Г. 2020. Английский язык в Африке: Лингвокультурологический аспект. М., Флинта, 188 с.
- Волошина Т.Г. 2021. Лингвокультурологическая креолизация английского языка Нигерии. Дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 472 с.
- Воронцов С.А. 2016. Информация, ее свойства, характеристика и потоки в человеко-машинных системах. Информационные и телекоммуникационные технологии, 30: 39–44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26629771> (дата обращения: 11.07.2021).
- Почепцов Г.Г. 2015. Информационные войны. Новый инструмент политики. Под ред. Е.Ю. Бузева. М., Эксмо, 256 с.
- Станишевская Ж. 2016. Вербальная коммуникация как объект исследования в процессе психотерапии. *Studia Humanitatis*, 2. URL: <http://st-hum.ru/content/stanishevskaya-zh-verbalnaya-kommunikaciya-kak-obekt-issledovaniya-v-processe-psihoterapii> (дата обращения: 10.06.2021).
- Aitken A. J. 2015. Scottish accents and dialects. Available at: http://media.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scottish_accents_and_dialects.pdf/ (accessed: 10.05.2021).
- Alkazwini A. A. 2017. The History of Scottish English and A Brief Description of the Salient Linguistic Features That Characterize The Scots Dialect. Available at: <https://www.journals.aiac.org.au/index.php/IJALEL/article/view/3028> (accessed: 10.07.2021).
- Corbett, J., Stuart-Smith, J. 2012. Standard English in Scotland. Available at: <https://eprints.gla.ac.uk/70500/1/70500.pdf> (accessed: 10.05.2021).
- Neřoldová V. 2013. Standard Scottish English: An Illustration for Journals of the International Phonetic Association. Available at: https://theses.cz/id/waoaqn/Neroldova_BC.pdf (accessed: 10.04.2021).

References

- Akhmad A.R. 2018. Traditsionnaya kul'tura i aktual'nye tendentsii v formirovanii graficheskogo yazyka sovremennogo plakata regiona Blizhnego Vostoka [Traditional culture and current trends in the formation of the graphic language of the modern poster of the Middle East region]. Dis. ... Cand. art history. Moscow, 268 p.

- Voloshina T.G. 2020. Angliyskiy yazyk v Afrike: Lingvokul'turologicheskiy aspekt [English in Africa: Linguocultural Aspect]. M., Publ. Flinta, 188 p.
- Voloshina T.G. 2021. Lingvokul'turologicheskaya kreolizatsiya angliyskogo yazyka Nigerii [Linguocultural creolization of the English language in Nigeria]. Dis. ... doct. philol. sciences. Belgorod, 472 p.
- Vorontsov S.A. 2016. Informatsiya, ee svoystva, kharakteristika i potoki v cheloveko-mashinnykh sistemakh [Information, properties, characteristics and flows in human-machine systems]. Informatsionnye i telekommunikatsionnye tekhnologii, 30: 39–44 (in Russia) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26629771> (data obrashcheniya: 11.07.2021).
- Pocheptsov G.G. 2015. Informatsionnye voyny. Novyy instrument politiki [Information Wars. New policy tool]. Ed. E.Yu. Buzev. M., Publ. Eksmo, 256 p.
- Stanishevskaya Zh. 2016. Verbal communication as a case of study in a psychotherapeutic process Studia Humanitatis, 2. Available at: <http://st-hum.ru/content/stanishevskaya-zh-verbalnaya-kommunikaciya-kak-obekt-issledovaniya-v-processe-psihoterapii> (accessed: 10.06.2021).
- Aitken A. J. 2015. Scottish accents and dialects. Available at: http://media.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scottish_accents_and_dialects.pdf/ (accessed: 10.05.2021).
- Alkazwini A. A. 2017. The History of Scottish English and A Brief Description of the Salient Linguistic Features That Characterize The Scots Dialect. Available at: <https://www.journals.aiac.org.au/index.php/IJALEL/article/view/3028> (accessed: 10.07.2021).
- Corbett, J., Stuart-Smith, J. 2012. Standard English in Scotland. Available at: <https://eprints.gla.ac.uk/70500/1/70500.pdf> (accessed: 10.05.2021).
- Neřoldová V. 2013. Standard Scottish English: An Illustration for Journals of the International Phonetic Association. Available at: https://theses.cz/id/waoaqn/Neroldova_BC.pdf (accessed: 10.04.2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of Interest: No potential conflict of interest reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Волошина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Tatyana G. Voloshina, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Second Foreign Language, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Радович Минара Алибеговна, ассистент, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, ИМКиМО, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Minara A. Radovich, Postgraduate student of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, IMKiMO, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 81:13

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-125-133

Ромашка, василек и одуванчик как фитонимические репрезентанты образа малой родины в лирике В.А. Солоухина

Кушнир К.И.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
E-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Аннотация. Важную роль в исследовании национальной картины мира играет творчество писателей. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют системные исследования творчества В.А. Солоухина. Целью данной работы является выявление фитонимических репрезентантов образа малой родины в лирике В.А. Солоухина. В результате исследования такие фитонимы, как *ромашка*, *василек* и *одуванчик*, в сборнике В.А. Солоухина «Стихотворения», вышедшем в 1990 году, отнесены нами к числу доминантных обозначений дикорастущих цветочных растений, что обусловлено связью творчества поэта с культурой, духовным миром русского этноса, в сознании которого отражены представления и знания народа об этих цветах, особенности их эстетического и эмотивного восприятия, индивидуально-авторские предпочтения. Полученные результаты вносят вклад в изучение творчества писателей-деревенщиков, что, несомненно, важно при проведении лингвокультурологических исследований, направленных на изучение как национальной, так и индивидуально-авторской картины мира.

Ключевые слова: фитоним, василек, ромашка, одуванчик, В.А. Солоухин, образ, лингвокультурология

Для цитирования: Кушнир К.И. 2022. Ромашка, василек и одуванчик как фитонимические репрезентанты образа малой родины в лирике В.А. Солоухина. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 125–133. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-125-133

Chamomile, Cornflower and Dandelion as Phytonymic Representations of the Image of a Small Homeland in the Lyrics of V.A. Soloukhin

Ksenia I. Kushnir

Voronezh State Technical University
14 Moskovsky prospect, Voronezh 394026, Russia
E-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the meaning of phytonyms (chamomile, cornflower, dandelion) in V.A. Soloukhin's lyrics. The aim of the work is to identify the connotations associated with these plants. It was found that they are associated with the image of the motherland, emotions that the native land evokes in minds of an ordinary person. The work shows that phytonyms play an important role in the poetic picture of V.A. Soloukhin's world. Their detailed study allows a more complete interpretation of features of the artistic reality of Soloukhin's poems. As a result of the research, phytonyms such as chamomile, cornflower and dandelion, in the collection of V.A. Soloukhin's "Poems", published in 1990, are classified by us among the dominant designations of wild flowering plants, which is due to the connection of the poet's work with culture, the spiritual world of the Russian ethnos, in whose mind ideas and knowledge of the people about these flowers are reflected, peculiarities of their

aesthetic and emotive perception, individual author's preferences. The results of the research can be used to study the lyrics of V.A. Soloukhin and other village poets.

Keywords: phytonym, wild-growing flower plants, V.A. Soloukhin, image, symbol

For citation: Kushnir K.I. 2022. Chamomile, Cornflower and Dandelion as Phytonymic Representations of the Image of a Small Homeland in the Lyrics of V.A. Soloukhin. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 125–133 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-125-133

Введение

Традиционная культура способна интерпретировать растительный мир с различных точек зрения, но предметом нашего интереса выступает использование наименований флоры в лирических текстах В.А. Солоухина. Поскольку наименование растений – важный элемент культурного кода, исследование фитонимов в творчестве отдельно взятого автора с целью разноаспектного анализа его языковой картины мира нам видится актуальным. Для В.А. Солоухина универсальность природы воплощена в растительном коде: человек одновременно выступает производным и производящим природы.

Фитонимам посвящены работы как лингвистов, так и представителей других наук, например, Феофраста, Ф.И. Буслаева, Т.Р. Писарской, Н.Е. Якименко [], Ю.А. Дьяченко, А.М. Летовой, В.В. Пазынина, Н.И. Анненкова, Е.Г. Галицыной, А. Брэм, А.Н. Веселовского, Н.Л. Дмитриевой, С. Powell [Буслаев, 1861; Веселовский; 1939; Феофраст, 1951; Powell, 1977; Анненков, 1978; Дмитриева, 2000; Пазынин, 2005; Брэм, 2010; Дьяченко, 2010; Летова, 2012; Галицына, 2015; Писарская, Якименко, 2017] и др.

Фитонимы – это «лексемы, обозначающие в прямом значении наименования всех объектов, принадлежащих к растительному миру, наименования как самих растений, так и их частей» [Писарская, Якименко, 2017, с. 88]. По мнению Ф.И. Буслаева, обращавшегося к семантике фитолексем в его трудах, касающихся истории языка, «сама номенклатура народной ботаники ведет нас в период мифологический» [Буслаев, 1861], в связи с чем, попадая в художественный текст, фитонимы влекут за собой ряд мифокультурных ассоциаций, уходящих своими корнями в глубокую древность. Данный аспект подлежит тщательному наблюдению многих специалистов-филологов [Бурмистрова, 2008; Щербаков, 2011; Летова, 2012]. Обращение к фитонимам в дискурсе лирических произведений В.А. Солоухина, на наш взгляд, является перспективным направлением, так как дает возможность выявить как общечеловеческие, мифокультурные, так и индивидуальные черты в языковой картине мира поэта и писателя, что и определяет актуальность данного исследования.

Целью исследования является выявление фитонимических репрезентантов образа малой родины в лирических произведениях В.А. Солоухина, вошедших в сборник, изданный в 1990 году, описание их специфики восприятия в русском народном сознании и творческой лаборатории автора.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает фитонимическая лексика лирических произведений В.А. Солоухина. Предмет исследования – специфика наименования цветочных растений как репрезентантов образа малой родины в стихотворных текстах автора. Основными методами, используемыми в данной статье, выступают дескриптивный, метод сплошной выборки, классификации, обобщения, сопоставительный, эвристический, метод компонентного анализа. В качестве фактического материала использовались лирические тексты В.А. Солоухина, представленные в сборнике «Стихотворения», вышедшем в 1990 году.

Результаты и их обсуждение

Наше пристальное внимание к исследованию функций фитонимов в лирическом наследии В.А. Солоухина обусловлено особым отношением поэта к цветам, о котором

свидетельствуют первые строки стихотворения «Цветы»: «Спросили про цветок любимый у меня. / Вы что, смеетесь? / Будто бы возможно / Из тысячи любимейших предметов / Назвать наилюбимейший предмет» [Солоухин, 1990, с. 186]. Как видим, лирическому герою, выросшему среди разнотравья, дорог каждый цветок, без любого из них образ малой родины будет неполным. Частотность употребления наименований цветочных растений в лирических произведениях В.А. Солоухина представлена в таблице.

Наименования цветочных растений
Names of flower plants

Название цветочного растения	Количество употреблений в сборнике	Процентное соотношение (%)	
		К числу репрезентантов в группе (93=100%)	К общему числу репрезентантов (305=100%)
Дикорастущие породы			
Ромашка	19	20,4 %	6,2 %
Василек	9	9,7 %	3 %
Одуванчик	7	7,5 %	2,3 %
Кувшинка	7	7,5 %	2,3 %
Ландыш	5	5,4 %	1,6 %
Колокольчик	4	4,3 %	1,3 %
Лилия	4	4,3 %	1,3 %
Незабудка	3	3,2 %	1 %
Раковая Шейка	3	3,2 %	1 %
Купальница	2	2,1 %	0,7 %
Мак	2	2,1 %	0,7 %
Подснежник	1	1,1 %	0,3 %
Общее количество репрезентантов:	66/305	70,8 %	21,7 %
Культурные породы			
Роза	11	11,8 %	3,6 %
Кактус	4	4,3 %	1,3 %
Жасмин	3	3,2 %	1 %
Тюльпан	2	2,2 %	0,7 %
Фиалка	1	1,1 %	0,3 %
Георгин	1	1,1 %	0,3 %
Магнолия	1	1,1 %	0,3 %
Нарцисс	1	1,1 %	0,3 %
Канн	1	1,1 %	0,3 %
Гвоздика	1	1,1 %	0,3 %
Подсолнух	1	1,1 %	0,3 %
Общее количество репрезентантов:	27/305	29,2 %	8,7 %
Общее количество репрезентантов (культурные и дикорастущие породы):	93/305	100 %	30,4 %

В исследуемом сборнике фитонимы, обозначающие наименования цветочных растений, достаточно частотны и составляют 30,4 % от общего употребления. Общее количество фитонимов в этой группе составляет 93 единицы, которые мы разделили на две подгруппы: 1) дикорастущие растения»: василек, колокольчик, кувшинка, купальница, ландыш, мак, незабудка, одуванчик, подснежник, раковая шейка, ромашка; 2) культурные растения, в т.ч. выращиваемые в нашей стране как домашние: гвоздика, георгин, жасмин, кактус, канн, лилия, магнолия, нарцисс, подсолнух, роза, тюльпан, фиалка.

Тем не менее, в лирике поэта можно назвать цветы, которые наиболее часто возникают в стихотворениях, – это ромашка, василек и одуванчик.

Особое внимание В.А. Солоухин уделяет такому дикорастущему цветочному растению, как *ромашка*. Невозможно остаться равнодушным, проходя мимо ромашкового поля. Наименование *ромашка* входит в подгруппу «Дикорастущие породы», которая выступает одной из составляющих ЛСГ «Наименования цветочных растений», употребляется в сборнике 19 раз, что составляет 20,4 % к числу репрезентантов в группе, 6,2 % – к общему числу репрезентантов.

Интересна этимология лексемы *ромашка*. По мнению Н.М. Шанского, данная фитонимация является суффиксальным производным от лексемы *роман* [Шанский, 1975] или языковым освоением заимствования из ботанической латыни – *anthemus romana* – буквально «ромашка римская» [Шанский, 1975, с. 275]. П.Я. Черных, в свою очередь, отмечает, что фитонимическая лексема *ромашка* становится известна в русском языке только с XVII века: «По-видимому, правы этимологи, возводящие это слово к ботаническому латинскому термину *anthemus romana*. Слово ромашка, очевидно, произведено от роман, как например, кармашек от карман» [Черных, 1999, с. 122]. Образ ромашки вошел в сознание носителей русского языка как символ любви (на ромашке, отрывая лепестки, гадают, любит – не любит), богатства (куст ромашки, высаженный во дворе, обеспечивает везение и достаток), женской судьбы (поверья в ночь на Ивана Купалу, связанные с венком из ромашек), здоровья (целебные свойства ромашки издавна активно используются в народном врачевании) и т.д.

В связи с вышесказанным о ромашке у В.А. Солоухина, родившегося и выросшего в живописном крае, образ *ромашки* неразрывно связан с любовью и счастьем: «Так в чем оно, *счастье*? / Неужели не счастье ходить по земле босиком, / Видеть *белой ромашку*» [Солоухин, 1990, с. 275], «И вдруг / То тут, то там на ровном этом фоне / *Любовь*. / Цветы, / *Ромашки*, незабудки, Криваво-полыхающие маки» [Солоухин, 1990, с. 186]. Автор придерживается литературной традиции, связывая теплое время года с проявлением нежных, трепетных чувств, однако лирический герой испытывает эти эмоции по отношению к красоте родного природного мира, его совершенству, чему подтверждением служит автобиографическое стихотворение «Я родился»: «Умеренный географический пояс. / Иду тропинкой по тихому лугу. / Вокруг работают тихие пчелы. / *Тихие ромашки* глядятся в небо» [Солоухин, 1990, с. 223]. Здесь писатель дает читателю явный ориентир места, где провел свои детские годы: «Я родился в умеренных широтах» [Солоухин, 1990, с. 223], «Умеренный географический пояс» [Солоухин, 1990, с. 223].

Важно отметить, что В.А. Солоухин трепетно относится к деревне, красоте малой родины и комфортным условиям, создаваемым природой: он любит цветущими на *тихих* речках кувшинками, *тихо* греющим летним солнышком и январским морозом, который крепчает тоже *тихо*, его восхищает *тихий* дождик, который *тихо* шуршит по листьям [Солоухин, 1990, с. 223]. Лирический герой В.А. Солоухина с наслаждением прогуливается по тропинке, идущей по *тихому* лугу и наблюдает, как «*тихие ромашки* глядятся в небо» [Солоухин, 1990, с. 223]. Очевидно, что автор намеренно употребляет лексему *тихий*, с целью акцентировать важность размеренного, несуетного течения жизни, хрупкость и девственность природного мира, способствующего принести человеческой душе покой. Этот мотив спокойствия прослеживается и в других его лирических произведениях.

Основу олицетворения «*тихие ромашки глядятся в небо*» [Солоухин, 1990, с. 223], на наш взгляд, В.А. Солоухин почерпнул из предания, гласящего, что *ромашка* похожа на чу-

десный глаз, который видит все. Таким образом, автор очеловечивает растение, используя олицетворение. В другом стихотворении В.А. Солоухин, прибегая к образу *ромашки* при описании обиженной девочки, использует противоположный прием – деперсонификацию: метафора *большая свежая ромашка*, в начале строфы используемая для описания белого фартука девочки, в конце строфы соотносится с образом девочки, которую мальчишки «довели до горьких-горьких слез» [Солоухин, 1990, с. 171]. Здесь автор обращается к теме детства, с которой традиционно связываются хрупкость, аккуратность, беззащитность и невинность, не зря фартук, как лепестки *ромашки*, белого цвета, а этот колорит традиционно ассоциируется с невинностью. Они передаются с помощью описания фартучка (изначально он был *опрятным*, использование аффиксации с уменьшительно-ласкательной семантикой), сравнительного оборота, в состав которого входит эпитет *свежий*, противопоставления *мальчишек и девочки*, противопоставления *светящегося фартучка* до встречи с мальчишками и *грязного, в пятнах фартука* – после нее. Так, ценностный признак актуализируется аффиксами с диминутивным значением в лексемах *фартучек* – положительная коннотация, передаваемая суффиксом, *мальчишки* – отрицательная. В.А. Солоухин намеренно именуется девочку *ромашкой*, чтобы показать ее невинность, слабость, трогательность, ранимость, невозможность противостоять внешним обстоятельствам.

Нередко цветок *ромашки* ассоциируется с весенним временем, когда ромашки украшают зеленый луг и лес, теплым летним солнцем [Русский ассоциативный словарь..., 1998, с. 152], что, безусловно, находим и в творчестве В.А. Солоухина, но в его лирике весьма устойчиво соседствующее положение ромашки с полем, а не лугом: «В траве – *ромашка, хлебный колос*» [Солоухин, 1990, с. 80], «*За поле ромашек, / За мой листопад!*» [Солоухин, 1990, с. 295]. Последний приведенный контекст коррелирует с течением человеческой жизни: в оппозиции *ромашка – листопад* первый компонент ассоциируется с активной жизнедеятельностью, молодостью, а второй – с закономерной зрелостью, постепенным увяданием, упадком сил. В этом плане весьма красноречив еще один контекст: «Отцветает сирень. *Осыпаются наземь ромашки. / Желтых листьев кружится медленный водоворот*» [Солоухин, 1990, с. 205] – строки из стихотворения «Сорок звонких капелей» – автобиографическое произведение, повествующее о сорока годах, прожитых автором. Об этом позволяет говорить год написания стихотворения – 1964, а В.А. Солоухин был рожден в 1924 году.

Автор часто напоминает о том, что *ромашка* – неотъемлемый элемент русской культуры, каждому русскому человеку близок этот цветок, в известной степени В.А. Солоухин его канонизирует: «*Людам, / Воспитанным на васильке и ромашке*» [Солоухин, 1990, с. 216], «*Нарушающих традиции и каноны, / (С точки зрения ромашки, с точки зрения березового листа)*» [Солоухин, 1990, с. 216]. Так, писатель считает *ромашку* символом России наряду с березой.

Как видим, *ромашка* играет большую роль в картине мира В.А. Солоухина, что, безусловно, предопределено значением данного цветка в языковой картине мира русского народа – образ ромашки многими воспринимается как символ России наряду с белостебельной березой. С ромашкой у автора ассоциируется как малая родина, так и вся Россия, в связи с чем он вводит филолексема *ромашка* и в автобиографические произведения, ведь тяжело представить просторы Владимирского края без *ромашек* – беззащитных, невинных, хрупких цветов, способных успокоить сердце и душу человека, идущего по тропинке, близ которой располагаются эти тихие растения.

Как и ромашка, близок В.А. Солоухину и цветок *василек*, обладающий скромным темно-голубым окрасом, произрастающий среди злаковых. В исследуемом сборнике он употребляется 9 раз, что составляет 9,7 % к числу репрезентантов в группе «Наименования цветочных растений», 3 % – к общему числу репрезентантов-фитонимов. Лингвисты не пришли к единому мнению о происхождении данной фитономинации. По мнению М. Фасмера и Преображенского, филолексема *василек* восходит к греческому языку [Фасмер, 1986], по указанию Брюкнера, при определении этимологического значения ис-

следуемого наименования полевого цветка следует обратиться к польскому слову *bazylika*: *Bazyli* = *Василий* [Фасмер, 1986, с. 277]. Как указывает Н.М. Шанский, что фитолексема *василек* – это древнерусская трансформация греческой лексемы *basilikon* ‘царский’ (цветок, растение), суффиксального производного от *basileus* ‘царь’ [Шанский, 1975, с. 34].

Однако о месте произрастания данного цветочного растения среди злаковых пород и голубом цвете споров не возникает как у ученых, так и в народном сознании, в связи с чем закономерен ассоциативный ряд, приводимый исследователями, в котором на номинацию *василек* возникают следующие реакции: «пшеница, ромашка, Вася» [Русский ассоциативный..., 1998]. Василек – это «однолетнее сорное растение семейства сложноцветных с красивыми темно-голубыми или светло-синими цветками, растущее преимущественно во ржи» [Словарь современного..., 1951, т. 2, с. 58], то вполне ожидаемо, что первые две реакции вызваны местом произрастания этого растения на злаковом поле, где можно также встретить ромашку.

Несомненно, в лирике В.А. Солоухина *василек* играет значимую роль. Из любви к васильку, как и к другим неприхотливым и неброским полевым цветам, олицетворяющим чистоту помыслов и красоту души деревенского жителя, его близость к природе, наблюдательность и поэтичность, вырастает любовь к малой родине, к своей родной земле, поэтому автору так важно показать красоту полевых цветов, их нежность и хрупкость. Изначально лирический герой планировал собрать букет, состоящий из цветов определенного вида (в современной фитотерминологии – монобукет), но для русского человека, выросшего в центральной полосе России, образ русской природы неразрывно связан с образом разнотравья, несущего в своей незамысловатой простоте ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение: «Постепенно я понял, / Что разных цветов сочетанье /... / Может сделаться праздником летних полуденных красок, / Может сделаться радостью» [Солоухин, 1990, с. 171].

Интересно, что в творчестве В.А. Солоухина образ *василька* несет локально-темпоральную информацию. Как отмечалось выше, этот цветок произрастает в полях среди злаковых растений, олицетворяя таким образом просторы малой родины автора: «Вот оно берется переспорить / Маленького в поле *василька*» [Солоухин, 1990, с. 71], «А может быть, / Во ржи крестьянской сирый *василек*» [Солоухин, 1990, с. 196]. Важно отметить, что при изображении данного цветка автор показывает его невинность и незащищенность, несмотря на это, он не одинок, всегда изображается во взаимодействии с другими растениями. Временем жизнедеятельности этого цветка считается лето, что четко отражено в поэзии В.А. Солоухина, кроме того автор конкретизирует месяц: «Надо немного условий: / Просто капельку вкуса / Или, может быть, капельку зренья – / И букет обеспечен. Хватает в июне цветов!» [Солоухин, 1990, с. 171]. Так, номинации цветов актуализируют значимость для русского народа такого времени года, как лето, что особенно важно для жителей деревень. Этот сезон ознаменован теплом, полевыми работами, возвращением и сбором урожая. Следует отметить, что фитолексема *василек* не характерна для текстов славянского фольклора, в т.ч. для обрядовых народных песен, что, по мнению Д.С. Лихачева, связано с возможным табуированием: «Рублевское сочетание – васильки среди спелой ржи. А может быть, голубое небо над полем спелой ржи? Все-таки васильки – сорняк, и сорняк слишком яркий, густо-синий, не такой, как в рублевской “Троице”. Крестьянин не признает васильки своими, и рублевский цвет не синий, а скорее небесно-голубой» [Лихачев, 1987, с. 171]. У В.А. Солоухина мы встречаем противоположное мнение, в поэзии *василек* – крестьянский цветок: «А может быть, / Во ржи крестьянской сирый *василек*» [Солоухин, 1990, с. 196]. Автор его показывает не только как полноправную составляющую мира земледельцев, но и как хрупкое, нежное существо, нуждающееся в любви, заботе, обладающее полным правом на полноценную жизнь.

В.А. Солоухин отводит важное место цветку *василька*, во многих контекстах употреблены колоронимы *голубой* или *синий*, солоухинский *василек* спорит о насыщенности своей окраски с морем. Образ *василька* и моря воспринимаются поэтом в рамках бинар-

ной оппозиции «свое – чужое», где василек – это олицетворение родного края и жизни, а море – это вода, испить которую невозможно, соответственно, безжизненная стихия: «Ни краев, ни совести у моря! / Густо засинеv доглубока, / Вот оно берется переспорить / Маленького в поле *василька*» [Солоухин, 1990, с. 71]. Кроме того, сам голубой цвет автор в своих лирических текстах называет *васильковым*.

Таким образом, можно подытожить, что *василек* в творчестве В.А. Солоухина – репрезентант деревенского пейзажа, русского поля, в образе *василька* сосредоточены черты, присущие дикорастущей, нерукотворной природе. Следует отметить, что в русскую литературу он пришел не из фольклора, а из западной романтической традиции.

Обратимся к *одуванчику*, о котором автор отзывается с особой любовью. Здесь показательно, стихотворение «Цветы», где говорится, что все цветы подчинены *одуванчику*: «Какой цветок я больше всех люблю, – / Пожалуй, назову я *одуванчик*» [Солоухин, 1990, с. 186], «Мне *одуванчик* ближе всех цветов. / За то, во-первых, что вполне *подобен солнцу*», «За то его люблю, что *вечно жметя к людям*» [Солоухин, 1990, с. 187], «Мой старый, добрый друг.» [Солоухин, 1990, с. 188]. Наименование *одуванчик* входит в подгруппу «Дикорастущие породы», которая выступает одной из составляющих ЛСГ «Наименования цветочных растений», употребляется в сборнике 7 раз, что составляет 7,5 % к числу репрезентантов в группе, 2,3 % – к общему числу репрезентантов. Эта лексическая единица является исконно русской: *одуванчик* – префиксно-суффиксальное производное леммы *дуть*. Фитолексема *одуванчик* отражает особенность растения – при созревании семянки при малейшем движении воздуха разлетаются в разные стороны, что дает возможность *одуванчику* активно распространяться [Фасмер, 1986, т. 3, с. 124].

Так, можно заключить, что только *одуванчик* из цветущих растений обладает способностью приближаться к небу. В творчестве В.А. Солоухина этот цветок в равной степени принадлежит небу: «За то, во-первых, что *вполне подобен солнцу*. / Как будто *солнце четко отразилось*» [Солоухин, 1990, с. 185] и людям: «За то его люблю, что *вечно жметя к людям*, / Что он *растет у самого порога*, / У старенькой *завалинки*, у *прясла* / И самый первый *тянется к ручонкам*» [Солоухин, 1990, с. 185]. Здесь примечательна цветопись: *желтый, золотой* цвет этого растения сопоставим с солнцем, этот колоритом традиционно связывают с весельем, озорством, доказательством чего служит фразеологизм *золотая пора*, обозначающий юный возраст, годы без забот. Стихотворение «Цветы» также является автобиографичным, о чем свидетельствуют строки: «За то, что сам я *сорок лет назад*, / Когда пришла пора увидеть землю, / Когда пришла пора увидеть солнце, / Увидел не тюльпаны, не нарциссы, /.../ А *одуванчик*» [Солоухин, 1990, с. 185], как известно, автор был рожден 14 июня.

При описании этого растения автор прибегает к языковым приемам: он награждает этот цветок эпитетами *скромный, маленький, добрый, наивный*; сравнивает с *солнцем*; использует олицетворение: *одуванчик жметя к людям, тянется к ручонкам*; наполняет его *солнцем, горечью, медом, теплом, добротой*, а значит, связывает с *жизнью*; называет *старым, добрым другом*. Привлечение в сферу метафоричности наименований человеческих жестов и телодвижений имеет реальную основу в движении *одуванчика*. Можно заключить, таким образом, что для автора это растение подобно человеку, близкому, родному. Кроме того, в этом цветущем растении заключена сама жизнь, преумноженная после смерти одного из представителей: «Срывал я *солнце голыми руками*. / Легко сдувал пушистые головки. / И опускались легкие пушинки / На землю, / *Чтобы снова расцвести*» [Солоухин, 1990, с. 185].

Несомненно, *одуванчик* играет большую роль в жизни автора, поскольку цветок связан с местом и временем рождения писателя. Это, скорее, личная симпатия, поскольку, кроме данного стихотворения, во всем сборнике фитоним *одуванчик* употребляется достаточно редко, в основном при перечислении разных дикорастущих цветов. Однако следует отметить, что В.А. Солоухин не отступает от традиционных представлений, где *одуванчик* символизирует жизнь и имеет неразрывную связь с солнцем.

Заключение

Как видим, фитолексемы *ромашка, василек, одуванчик* активно функционируют в лирике В.А. Солоухина, соотносясь с понятием любви: «Для нас, людей, – любовь, / А для травы или дерева – цветенье» [Солоухин, 1990, с. 186]. Наименования цветущих растений выступают одним из значимых фрагментов как солоухинской картины мира, так и языковой картины мира русского народа. В лирике В.А. Солоухина *ромашка, василек, одуванчик* неразрывно связаны с образом малой родины – Владимирского края, где разнотравье наполняет душу счастьем и любовью. Данные лексикографии и лирика исследуемого автора позволяют сделать вывод о том, что данный фрагмент действительности в лирике В.А. Солоухина не ограничивается только словесным изображением, на него накладываются ассоциативные, сочетаемостные и фразеологические смыслы.

Автором впервые анализируется функционирование наименований дикорастущих цветочных растений – единиц языка, играющих, несомненно, важную роль в языковой картине мира славянского этноса, репрезентирующих древнейшие представления народа, в том числе мифологические и фольклорные, в контексте лирического творчества В.А. Солоухина.

Список источников

- Анненков Н.И. 1978. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., Типография Императорской Академии Наук, 645 с.
- Брэм А. 2010. Жизнь растений. Новейшая ботаническая энциклопедия. М., Эксмо, 976 с.
- Буслаев Ф.И. 1861. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В 2-х т. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., Издание Д. Е. Кожанчикова, 643 с.
- Веселовский А.Н. 1939. Из поэтики розы. В кн.: Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., ГИХЛ: 132–139.
- Лихачев Д.С. 1987. Избранные работы. В 3 т. Т. 2: Великое наследие. Смех в Древней Руси. Заметки о русском. Л., Худож. лит., 496 с.
- Русский ассоциативный словарь. 1998. В кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III. Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой. М., ИРЯ РАН, 204 с.
- Словарь современного русского литературного языка. 1951. В 17-ти т. Под ред. В.И. Чернышёва. Т.2. М., Л., Изд-во АН СССР, 960 с.
- Солоухин В.А. 1990. Стихотворения. М., Советская Россия, 384 с.
- Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Пер. с нем. О.Н. Трубачева. Под ред. Б.А. Ларина. Т. 3: Муза – Сят. М., Прогресс, 832 с. (Vasmer M. 1950. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Universitätsverlag Carl Winter)
- Феофраст. 1951. Исследование о растениях. Пер. с др.-греч. М.Е. Сергеенко. Под ред. И.И. Толстого. М., Из-во Академии наук СССР, 589 с. (Θεόφραστος. Περὶ φυτῶν ἱστορίας. Ed. A. Hort 1916. Theophrastus. Enquiry into plants. I–II, London)
- Черных П.Я. 1999. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 1. А-Пантомима. Под ред. Ж.Ж. Варбота. М., Русский язык, 624 с.
- Шанский Н.М. 1975. Краткий этимологический словарь русского языка. М., Просвещение, 543 с.

Список литературы

- Бурмистрова Т.Н. 2008. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 24 с.
- Галицына Е.Г. 2015. Особенности изучения лексической группы фитонимов (на материале фитонимов древнеанглийского языка). Молодой ученый, 10-5 (90): 36–37.
- Дмитриева Н.Л. 2000. Роза у Пушкина и Тургенева. Русская литература, 3: 101–105.
- Дьяченко Ю.А. 2010. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 18 с.
- Летова А.М. 2012. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре. М., 198 с.

- Пазынин В.В. 2005. Образы деревьев в русской народной лирике (в проблеме ассоциативного наполнения). Дис. ... канд. филол. наук. М., 170 с.
- Писарская Т.Р., Якименко Н.Е. 2017. Паремии с компонентом - фитонимом как объект лингвокультурологического описания. В кн.: Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. Сборник научных статей XXVII Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 23-24 июня 2017 года. Под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб., Изд-во СПбГЭУ: 88-92.
- Щербakov С.А. 2011. Флористические образы и мотивы в русской поэзии XX века. М., Московский госуниверситет леса, 171 с.
- Powell C. 1977. The Meaning of Flowers. A Garland of Plant Lore and Symbolism from popular Custom & Literature. London, Jupiter Books, 181 p.

References

- Burmistrova T.N. 2008. Sakral'naja fitonimija: lingvokul'turologičeskij aspekt [Sacred Phytonymy: Linguistic and Cultural Aspect]. Abstract diss. ... cand. philol. Sciences. Ekaterinburg, 24 p.
- Galicyna E.G. 2015. Osobennosti izuchenija leksičeskoj gruppy fitonimov (na materiale fitonimov drevneanglijskogo jazyka) [Features of the study of the lexical group of phytonyms (based on the phytonyms of the Old English language)]. Molodoj učenij, 10-5 (90): 36–37.
- Dmitrieva N.L. 2000. Roza u Puškina i Turgeneva [Rose at Puškin and Turgenev]. Russkaja literatura, 3: 101–105.
- D'jachenko Ju.A. 2010. Fitonimičeskaja leksika v hudozhestvennoj proze E.I. Nosova [Phytonymic vocabulary in E.I. Nosov]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Kursk, 18 p.
- Letova A.M. 2012. Semantičeskie osobennosti fitonimov v russkom fol'klоре [Semantic features of phytonyms in Russian folklore]. М., 198 p.
- Pazyнин V.V. 2005. Obrazy derev'ev v russkoj narodnoj lirike (v probleme asociativnogo napolnenija) [Images of trees in Russian folk lyrics (in the problem of associative content)]. Dis. ... cand. philol. Sciences. М., 170 p.
- Pisarskaja T.R., Jakimenko N.E. 2017. Paramouses with the component-phyton as a object of linguiscultural description. In: Novoe v lingvistike i metodike prepodavanija inostrannyh i russkogo jazykov [New in Linguistics and Methods of Teaching Foreign and Russian Languages]. Ed. M.V. Pimenova. SPb., Publ. SPbGJeU: 88–92.
- Shherbakov S.A. 2011. Florističeskie obrazy i motivy v russkoj poezii XX veka [Floral images and motifs in Russian poetry of the twentieth century]. М., Publ. Moskovskij gosuniversitet lesa, 171 p.
- Powell C. 1977. The Meaning of Flowers. A Garland of Plant Lore and Symbolism from popular Custom & Literature. London, Jupiter Books, 181 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of Interest: No potential conflict of interest reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кушнир Ксения Игоревна, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia I. Kushnir, assistant of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

УДК 811.111
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-134-142

Специфика дискурса в перспективе лингвистических исследований

Малахова В.Л.

Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России,
Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Целью исследования является анализ развития теории дискурса в современной лингвистике. Автор анализирует существующие трактовки термина *дискурс*, понимание его особенностей и функций с учетом определенного научного подхода – формального, функционального, деятельностно-ориентированного, когнитивного и системно-функционального. Приводятся отличия дискурса от текста и предложения, перечисляются объективные обоснования перехода от лингвистики текста к лингвистике дискурса. Кроме того, описываются специфика дискурс-анализа, его объект и задачи. Представленное исследование подтверждает актуальность изучения дискурса как сложной системы, формирование которой обусловлено влиянием множества факторов.

Ключевые слова: теория дискурса, научные подходы к изучению дискурса, дискурс-анализ, факторы формирования дискурса, контекст

Для цитирования: Малахова В.Л. 2022. Специфика дискурса в перспективе лингвистических исследований. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 134–142. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-134-142

Discourse Specificity in Perspective of Linguistic Research

Victoria L. Malakhova

Moscow State Institute of International Relations (University)
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russia
E-mail: v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

Abstract. The objective of the article is to provide a brief overview of the development of discourse theory in modern linguistics. The author analyzes the existing interpretations of the term *discourse*, its features and functions from the angle of a certain scientific approach (formal, functional, activity-oriented, cognitive and systemic functional). Main differences of discourse from text and from sentence are given, which makes objective grounds for the transition from text linguistics to discourse one. Furthermore, the specifics of discourse analysis, its object and goals are described. The presented research confirms the relevance of studying discourse as a complex system, the formation of which is influenced by many factors, for example, by the nature of language/speech, the character of interaction between communication partners, the system of their social knowledge and relations, etc. The emergence of discourse theory is of great importance in linguistics as it redirected the focus of research from language analysis exclusively within the framework of an isolated sentence to studying the meaning, form, and functioning of statements in context.

Key words: discourse theory, scientific approaches to discourse study, discourse analysis, factors of discourse formation, context

For citation: Malakhova V.L. 2022. Discourse Specificity in Perspective of Linguistic Research. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 134–142 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-134-142

Введение

В традиционной лингвистике основной единицей выражения, как правило, считалось предложение. Однако с течением времени фокус исследований смещается в сторону анализа текста и дискурса, которые стали рассматриваться в качестве основы для понимания использования языка. Это изменило направленность дальнейших исследований. Переключение внимания на дискурс имеет ряд объективных обоснований. Во-первых, большинство исследователей сходится во мнении о том, что высказывание представляет собой нечто большее, чем одно предложение, и что дискурс в большей степени, чем предложение, связан с реальностью [Beaugrande, 1997]. Кроме того, в рамках одного предложения может сохраняться неоднозначность, тогда как в дискурсе большая часть двусмысленности устраняется путем узкого и широкого контекстуального окружения.

Как известно, задача лингвистов до появления анализа дискурса преимущественно состояла в изучении структуры и формы языка без особого учета контекста и других факторов, формирующих смысл. С появлением теории дискурса лингвисты фокусируются в большей степени на функции языка, чем на его форме. Поэтому можно сказать, что традиционная лингвистика нацелена на представление языка с позиции более формального и экспериментального подхода, тогда как дискурсивные исследования ориентированы на функциональный подход. Исследователи соглашались с тем, что полноценное лингвистическое описание должно выходить за рамки предложения и что существуют определенные значения и аспекты языка, которые не могут быть правильно поняты, если их изучение ограничено синтаксическим анализом предложений [Halliday, 2006].

С течением времени понятие *дискурс* приобретает все большее значение в лингвистике, что значительно изменяет направленность исследований от проведения анализа исключительно в рамках изолированного предложения к изучению формы и значения высказываний в контексте. Все больше представителей различных лингвистических подходов рассматривают уровень дискурса в качестве основного объекта изучения и соглашались с тем, что высказывания превращаются в подлинный дискурс за счет их значения, а не их формы. В частности, существует общее убеждение, что «дискурсивность» основана на возможности связывать сегменты текста для формирования связного сообщения [Aleksandrova, 2018].

Переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса означает очевидное изменение приоритетов объекта исследования и внедрение новых методов его исследования. Различие между понятиями *текст* (структура) и *дискурс* (актуализированная структура) обуславливает разграничение методов анализа потенциального содержания (структурно-ориентированный анализ) и фактического контент-анализа (контекстно-ориентированный анализ). В результате происходит существенное обогащение методологической базы рядом методов, процедур и инструментов, благодаря которым стали возможными разложение предмета исследования и его последующая интеграция с целью понимания его структуры, свойств и особенностей функционирования.

Разнообразие методов, техник и моделей дискурсивных исследований и их сочетание приводит к определенной синергии, которая предполагает не просто совокупность подходов, а синтез, нацеленный на поиск чего-то нового в соответствующем объекте и фактически выявление нового объекта.

Все вышесказанное в очередной раз подтверждает актуальность изучения дискурса и неослабевающий интерес лингвистов к этой области. Целью данной статьи является представление краткого обзора исследований дискурса, его особенностей и функций, основных подходов к его изучению.

Понятие дискурса

Понятие *дискурс* настолько многогранно, что до сих пор не достигнуто единого мнения о его сущности. Так, дискурс понимается как высказывание, как языковая единица,

выходящая за предложения [Schiffrin, 1994]); как семантическая единица, единица не формы, а значения [Halliday, 2006].

Многие словари определяют дискурс через понятия *речь, разговор, общение* (см., например, [DK Illustrated ..., 2003]), подразумевая определенный жанр, сосредоточенный на мысли в ее развитии, процесс общения, материальную конструкцию и структуру (формат) речевой деятельности. Некоторые словари при описании дискурса фокусируются на двух аспектах: содержании и форме, то есть на идее фактического и потенциального, лингвистического и экстралингвистического [Guralnik, 1984].

Лингвистический энциклопедический словарь рассматривает дискурс как текст в сочетании с контекстом, включающий в себя паралингвистический фактор и охватывающий три основных компонента – прагматический, когнитивный и психический (процесс обработки дискурса как средства реализации цели (целей) общения) [Лингвистический энциклопедический ..., 1990].

Термин *дискурс (discourse)* происходит от латинского *discursus – разговор, речь*. Впервые этот термин был использован З. Харрисом. Он рассматривал дискурс как следующий уровень в иерархии морфем, предложений и клауз. Функционалисты критически относились к этой точке зрения, утверждая, что единицы, используемые людьми в их речи, имеют семантическое и интонационное оформление, но не обязательно синтаксическое, и поэтому не всегда могут быть отнесены к категории предложений (см., например, [Chafe, 1994]). Согласно постулатам функциональной лингвистики, язык и общество не могут считаться независимыми, поэтому при изучении дискурса внимание уделяется не только смысловому контенту, но и когнитивному, культурному, социальному аспектам. Поэтому термин *дискурс* также применяется в качестве подхода к изучению социального взаимодействия и понимается как сложное коммуникативное событие, которое включает в себя участников общения (автор дискурса, референт), параметры коммуникации (время, место, обстоятельства) и особенности контекста. Дискурс также может обозначать достигнутый или текущий «продукт» коммуникативного акта, его письменный или устный результат [Dijk, 1998].

Подтверждение идеи о том, что дискурс представляет собой связную языковую единицу, превышающую предложение, находим и у Д. Кристалла. Он так же противопоставляет дискурс тексту, обосновывая это тем, что анализ дискурса сосредотачивается на структуре естественного разговорного языка (например, беседа, интервью, комментарий), тогда как анализ текста фокусируется на структуре письменного языка (художественные и научные произведения, эссе, заметки). Но это различие не является абсолютно четким [Crystal, 2008].

Дискурс представляет собой определенный набор контекстуализированных языковых единиц, реализующий цели и функции языка в реальном общении [Schiffrin, 1994; Johnstone, 2018]. Поэтому построение дискурса зависит от многих аспектов использования языка, в том числе и в социальном контексте, поскольку он передает широкое значение посредством языка, использование которого определяется социальными условиями, теми, кто его использует и при каких обстоятельствах. Формирование дискурса обуславливается личным и социальным опытом участников коммуникации, их жизненным опытом и знаниями, а взаимопонимание можно рассматривать как фактор адекватного построения дискурса и реализации успешного общения [Renkema, Schubert, 2018]. Основой для адекватной коммуникации, таким образом, является общность взглядов, знаний и убеждений участников коммуникации. Это еще раз подтверждает идею о том, что дискурс является нечто большим, чем просто сообщение между отправителем и получателем.

Итак, дискурс – это речь, сфокусированная на теме/темах общения в их развитии, подчиненная определенным формальным правилам и конкретной ситуации общения. Понятие дискурса меняет фокус внимания, повышает важность аналитического мышления, заставляет по-другому взглянуть на феномен речи.

Основные подходы к изучению дискурса

Понимание дискурса во многом зависит от той научной парадигмы, в рамках которой осуществляется его изучение. Так, например, представители формального подхода рассматривают дискурс как речевую проекцию языка, выраженную языковыми средствами (см., например, [Stenström, 1999]). В рамках функционального подхода подчеркивается речевая природа дискурса, его корреляция с более широким социокультурным контекстом и фокус внимания направлен на изучение взаимосвязи форм (высказывания и их компоненты) и их функций [Schiffrin, 1994]. Формально-функциональное направление делает акцент на анализе смысла (замысла, идеи, намерения) и корреляции компонентов системы дискурса (как формальной, так и функциональной) [Renkema, Schubert, 2018]. Учитывая структуру и содержание дискурса, данные подходы также анализируют особенности языковых единиц.

Следующим подходом к изучению дискурса является деятельностно-ориентированная парадигма, в рамках которой дискурс определяется как речевая деятельность, приводящая к созданию устных и/или письменных текстов [Богданов, 1990]. Согласно определению В.З. Демьянкова, дискурс представляет собой текстовую реальность, обладающую грамматическими, семантическими и когнитивными структурами. Элементы, составляющие эти структуры, называются категориями контента – ситуация (события), участники, условия (обстоятельства) [Демьянков, 1982]. Кроме того, поскольку дискурс рассматривается как деятельность, внимание при анализе уделяется также его функциям как социальным (коммуникативным), так и когнитивным [Арутюнова, 1990]. Таким образом, деятельностно-ориентированный подход трактует дискурс как целенаправленное социальное взаимодействие людей на основе когнитивных процессов. Социальная составляющая дискурса включает такие аспекты как знание, социальные отношения и социальную идентичность участников коммуникации; эти аспекты соответствуют трем основным функциям языка. Становится очевидным, что при анализе дискурса исследователи не могут ограничиться только формой или лингвистическими факторами; им необходимо уделять равное или большее внимание использованию языка в отношении социальных, политических и культурных аспектов. За счет этого фокус внимания направляется на информационные и контекстуальные аспекты дискурса – понятия и идеи, лежащие в основе речевой деятельности.

Представителей когнитивной лингвистики интересуют, прежде всего, правила построения и возможности восприятия коммуникантами определенных речевых структур. Поэтому дискурс в данном случае отражает когнитивные процессы в сознании человека. Как подчеркивают Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова, дискурс отражает динамику человеческой мысли и способы ее экстеризации посредством языковых форм [Кубрякова и др., 1999, с. 194]. Когнитивная лингвистика, как мы видим, предпринимает попытки объяснить особенности процесса отражения реальных объектов действительности в сознании человека, опираясь на язык и дискурс [Прохорова и др., 2012].

Как показывает представленный обзор, подходы к дискурсу, хотя опираются на разные критерии описания, в целом признают его языковой/речевой характер и взаимозависимость социального взаимодействия, контекста взаимодействия и социально принятой реальности. Кроме того, благодаря общности взглядов на основные объекты исследования, разделение между когнитивными и функциональными подходами и более формальными подходами становится менее значимым, хотя продолжают иметь место быть. Так, в формальной лингвистике основные проблемы изучаются в небольших фрагментах дискурса, обычно состоящих из сконструированных наборов предложений. Однако в формальной лингвистике все больше внимания уделяется созданию и интерпретации расширенных фрагментов текста, за счет чего происходит постепенный переход по направлению к когнитивным и функциональным исследованиям, которые фокусируются на структуре дискурса естественного языка и на когнитивном представлении дискурса в сознании пользователя языка.

Еще одним направлением в изучении дискурса можно выделить системно-функциональную лингвистику или функциональную лингвосинергетику. Дискурс в рамках этой научной парадигмы понимается как многоуровневая, открытая, нелинейная, динамичная система, находящаяся в постоянном взаимодействии с внешней средой и образующая некую область пересечения трех подсистем – сознание коммуникантов, языковая система и коммуникативная ситуация [Пономаренко, 2006]. Особое внимание уделяется изучению функциональных свойств дискурса, поскольку именно функционирование дискурса служит проявлением способности к его самоорганизации как системы.

Разнообразие подходов к изучению дискурса доказывает актуальность этого лингвистического явления, его сложность и многогранность.

Объект и задачи теории дискурса

Теория дискурса рассматривает форму и функцию языка в процессе коммуникации. Эта область исследования занимается тем, каким образом единицы языка участвуют в построении смысла пространства дискурса и какую роль в этом играет контекст. Функции контекста в формировании смыслового пространства дискурса отводятся особое значение, поскольку практически невозможно понять языковые единицы, используемые в дискурсе, без контекста. Дискурс, таким образом, имеет дело с высказываниями, которые можно определить, как «единицы лингвистического произведения (устного или письменного), контекстуализированные по своей сути» [Schiffrin, 1994, p. 41]. Это возводит характер дискурсивных исследований не только в ранг последовательных или синтаксических, но, что более важно, семантических и прагматических.

Главный постулат теории дискурса заключается в том, что поверхностные структуры текста (языковые средства, выбираемые для выражения того или иного смысла) представляют собой проявления более глубоких семантических отношений. Текстовые глубокие структуры имеют скорее семантический, а не синтаксический характер.

Изучение дискурса полностью зависит от контекста, поскольку коммуникация обусловлена конкретными ситуационными обстоятельствами и не сводима только лишь к значению употребляемых языковых единиц. Как правило, общий смысл дискурса формируется на основе словесных высказываний, но с учетом множества семантических факторов, вовлекаемых в общение. Дискурс может включать в себя контекст, дополнительную общую информацию или знания, которыми обмениваются говорящий и слушающий [Bloor, Bloor, 2015].

Каждая из контекстных переменных как реализуется, так и реализуется в зависимости от конкретных смыслов, выраженных в дискурсе. Во-первых, поле дискурса соотносится с идеальным значением, которое передает то, что происходит в мире, то есть события, действия, состояния и т.д. Семантический элемент, который определяет тип опыта, представляемого в предложении, – это своего рода процесс, который может быть материальным (делать, изменять, создавать), относительным (быть, иметь, символизировать), ментальным (воспринимать, думать, чувствовать), словесным (говорить, спрашивать, требовать), экзистенциальным (существовать) или поведенческим (вести себя).

Кроме того, теория дискурса учитывает межличностное взаимодействие участников коммуникации, которое определяется с точки зрения речевых функций (предоставление/требование информации), выражения модальности (вероятность, универсальность, обязательство, склонность), отношения (эмоции и мнения) и вовлеченности (межсубъективное позиционирование). Также дискурс может соотноситься с общим ситуационным контекстом и касаться потока информации и метода развития тематических и рематических элементов.

Специфика дискурса влечет за собой разнонаправленность аспектов исследования. Однако большинство лингвистов в центр дискурсивного анализа ставят язык и его ис-

пользование, учитывая при этом множество факторов (например, контекст и роль участников коммуникации), которые обуславливают практическое применение дискурс-анализа.

Основные характеристики и функции дискурса

К основным характеристикам дискурса, как правило, относят те, которые могут объяснить связность, присущую дискурсу в отличие от случайного набора предложений. Формируя или интерпретируя пространство дискурса, участники коммуникации создают его целостное представление. При этом сам дискурс содержит более или менее явные сигналы, которые управляют этим процессом интерпретации [Givón, 1995]. Таким образом, дискурс как языковой феномен включает в себя два центральных понятия: «ментальное представление» и «явные лингвистические сигналы» [Sanders, Spooren, 2007]. Понятие связности или согласованности находится в фокусе исследований как в лингвистических, так и в психолингвистических теориях дискурса и текста, поскольку за счет нее становится возможным описать связь между структурой дискурса, его когнитивными представлениями и процессами формирования и понимания.

Главной функцией дискурса является создание основы для формирования нашего восприятия различных объектов окружающей нас действительности. Дискурс представляет собой тот фактор, который обуславливает все виды человеческой деятельности и изменения в социальной структуре [Dijk, 2015].

Дискурс и дискурс-анализ

Существует взаимосвязь между дискурсом, анализом дискурса и критическим дискурс-анализом, их даже можно охарактеризовать как дисциплину «три в одном». Частично эти понятия взаимозаменяемы и, тем не менее, они не одно и то же. В то время как дискурс – это общение, анализ дискурса – это способ анализа общения. Когда анализ конкретного дискурса направлен на выявление системы взглядов, заложенной в этом дискурсе, можно сказать, что он находится в области критического дискурс-анализа. То есть когда дискурс-анализ становится более критичным (когда слушающий или читатель использует все доступные лингвистические функции для генерации значения сказанного), он превращается в критический дискурс-анализ. Иначе говоря, «каждый дискурс образован доминирующими структурами, которые определяются мировоззрением той или иной социальной группы» [Dijk, 2015].

Анализ дискурса учитывает, каким образом говорящий формулирует свое высказывание языковыми средствами (выстраивает дискурс) и с помощью каких языковых сигналов референт интерпретирует дискурсивный смысл. Как уже неоднократно было сказано, социальный и культурный контекст играет важную роль в создании и понимании общего смысла дискурса. Фактически, именно он определяет значение, которое должно быть передано. К факторам, определяющим формирование дискурса, можно отнести компоненты дискурса, самих собеседников, их дискурсивные роли, их мировоззрение и культуру. Анализ дискурса рассматривает язык, используемый вместе с вышеупомянутыми особенностями, для определения смысла и понимания данных [McCarthy et al., 2010]. В этом заключается его важность. Таким образом, анализ дискурса генерирует данные для изучения на основе наблюдений и интуиции пользователей языка. Это объединяет дискурс-анализ с прагматикой, которая также исследует значение в средствах коммуникации.

Учитывая сказанное, можно обозначить основные подходы к дискурс-анализу, согласно которым он:

- рассматривает язык как систему и анализирует ее закономерности;
- учитывая особенности использования языка, рассматривает его как процесс, а не как продукт;
- изучает языковые шаблоны, связанные с определенной тематикой или деятельностью (например, правовой дискурс, политический дискурс, медиа-дискурс и т.д.);

– анализирует языковые шаблоны в более широком контексте (например, социальном или культурном).

Следует отметить, что указанные направления анализа представляют собой достаточно общие подходы и можно сказать, что каждый исследователь дискурса представляет новые формы анализа, которые расширяют предыдущие взгляды на эту тему, и поэтому существует столько подходов к дискурсу, сколько существует исследований в этой области. Тем не менее, можно справедливо признать, что все направления дискурсивных исследований имеют общую основу, заключающуюся в рассмотрении ими языка как абстрактной системы, и анализируют то, что именно происходит между людьми в процессе лингвистического взаимодействия и каким образом они выражают свои идеи и чувства посредством языка.

Заключение

Дискурс, как его понимают в лингвистике, используется для описания расширенной части языка, выходящей за пределы предложения. Анализ дискурса – это не только понимание того, как предложения соединяются между собой, но и то, как они выражают свойства, отражающие организацию, согласованность, риторическую силу, тематическую направленность и т.д.

Анализ трактовок понятия *дискурс* позволяет обозначить следующие основные определения этого термина:

а) в широком смысле дискурс – это 1) тема (разнообразие тем в их взаимосвязи и развитии); 2) общение; 3) сфера деятельности;

б) как лингвистический объект дискурс представляет собой 1) слово, предложение; 2) текст в своем жанровом представлении, организованный по определенным формальным правилам; 3) разговор или речь с точки зрения ее организации, формы, оформления, развития; 4) материальная форма воплощения деятельности, структура (формат) речевой деятельности; 5) функционирование речи в определенном контексте.

в) как вид деятельности дискурс основывается на интеллектуальной деятельности автора и референта, подразумевает непосредственное взаимодействие коммуникантов, фокусируется на содержании общения, ориентированного на тему разговора и ее дальнейшее развертывание;

г) как система дискурс представляет собой сложную иерархическую открытую нелинейную самоорганизующуюся структуру, охватывающую в своей структуре не только разные слои, части и элементы, но и различные отношения (связи) между ними, их взаимодействие внутри и вне системы.

Очевидна комплексность дискурса как системы, поскольку формирование его пространства зависит от ряда факторов, например, от характера языка/речи, контекста взаимодействия партнеров коммуникации, системы социальных знаний и отношений и т.д.

Понимание дискурса как единицы большей, чем предложение, привело к возникновению теории дискурсивного анализа. Дискурс-анализ представляет собой лингвистическое исследование, основной задачей которого является изучение использования языка, языковых функций наряду с их формами (устной и письменной). Он направлен на изучение текста и контекста как основных частей высказываний и дискурса в целом.

Список источников

- Арутюнова Н.Д. 1990. Дискурс. В кн.: Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., Сов. энциклопедия: 136–137.
- Демьянков В.З. 1982. «Тетради новых терминов». № 039. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Выпуск 2. Методы анализа текста. Под ред. Ю.В. Ванникова. М., Всесоюзный центр переводов, 290 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., Сов. энциклопедия, 682 с.

- Crystal D. 2008. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Oxford, Publ. Wiley-Blackwell, 529 p. DOI: 10.1002/9781444302776
- DK Illustrated Oxford Dictionary. 2003. Eds. by D. Alderton, F. Abate. London, New York, Publ. Dorling Kindersley; Oxford, New York, Oxford University Press, 1008 p.
- Guralnik D.B. 1984. *Webster's New World Dictionary of the American Language*. Publ. Simon & Schuster, 1692 p.
- Sanders T., Spooren W. 2007. Discourse and text structure. In: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Eds. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Publ. Oxford University Press: 916–941.

Список литературы

- Богданов В.В. 1990. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Ленинград, ЛГУ, 88 с.
- Кубрякова Е.С., Александрова О.В. 1999. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике. В кн.: *Структура и семантика художественного текста. Доклады VII-й Международной конференции*. Под ред. Е.И. Дибровой. М., СпортАкадемПрогресс: 186–197.
- Пономаренко Е.В. 2006. Функциональная системность дискурса и предпосылки развития лингвосинергетики. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 2: 22–27.
- Прохорова О.Н., Чекулай И.В., Багана Ж., Куприева И.А., Сапронова Е.А. 2012. Отражение познания в языке: в поисках концептуальных оснований. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 24 (143). Вып. 16: 104–110.
- Aleksandrova O.V. 2018. Text and Discourse: Common and Different. *Когнитивные исследования языка*, 33: 28–32.
- Beaugrande R. de. 1997. *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Norwood (N.J.), Publ. Ablex, 670 p.
- Bloor M., Bloor Th. 2015. *Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction*. London, Publ. Hodder Arnold, 207 p.
- Chafe W. 1994. *Discourse, Consciousness and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago and London, Publ. University of Chicago Press, 327 p.
- Dijk T.A. van. 1998. *Ideology. Multidisciplinary Approach*. London/Thousand Oaks/New Delhi, Publ. SAGE Publications, 365 p.
- Dijk T.A. van. 2015. *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach*. In: *Methods of Critical Discourse Studies Introducing Qualitative Methods Series*. Eds. by R. Wodak, M. Meyer. London/Thousand Oaks/New Delhi, Publ. SAGE Publications: 63–85.
- Givón T. 1995. Coherence in Text vs. Coherence in Mind. In: *Coherence in spontaneous text*. Eds. by M.A. Gernsbacher, T. Givón. Amsterdam, Publ. John Benjamins: 59–115. DOI: 10.1075/tsl.31.04giv
- Halliday M.A.K. 2006. *Language and Education*. Ed. by J. Webster. Vol. 2: *Linguistic Studies of Text and Discourse*. London, New York, Publ. Continuum, 312 p.
- Johnstone B. 2018. *Discourse Analysis (Introducing Linguistics)*. Publ. Wiley-Blackwell, 304 p.
- McCarthy M., Matthiessen C.M.I.M., Slade D. 2010. Discourse analysis. In: *An Introduction to Applied Linguistics*. Eds. by N. Schmitt, Norbert. London, United kingdom, Publ. Arnold: 53–69.
- Renkema J., Schubert Ch. 2018. *Introduction to Discourse Studies*. Publ. John Benjamins, 453 p. DOI: 10.1075/z.219
- Schiffrin D. 1994. *Approaches to Discourse*. Cambridge, MA & Oxford, Publ. Blackwell, 470 p.
- Stenström A.-B. 1999. *An Introduction to Spoken Interaction*. London, Publ. Longman, 238 p.

References

- Bogdanov V.V. 1990. Rechevoe obshchenie: pragmaticheskie i semanticheskie aspekty [Speech communication: pragmatic and semantic aspects]. Leningrad, Publ. LGU, 88 p.
- Kubryakova E.S., Aleksandrova O.V. 1999. O konturakh novoy paradigmy znaniya v lingvistike [On the contours of a new knowledge paradigm in linguistics]. In: *Struktura i semantika*

- khudozhestvennogo teksta [Structure and semantics of a literary text]. Doklady VII-y Mezhdunarodnoy konferentsii. Ed. E.I. Dibrova. M., Publ. SportAkademProgress: 186–197.
- Ponomarenko E.V. 2006. Funktsional'naya sistemnost' diskursa i predposylki razvitiya lingvosinergetiki [Functional consistency of discourse and prerequisites for the development of linguosynergetics]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika, 2: 22–27.
- Prokhorova O.N., Chekulay I.V., Bagana Zh., Kuprieva I.A., Sapronova E.A. 2012. The Problem of Cognition Process Reflection in the Language Sphere: conceptual Basis Research. Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences, 24 (143): 104–110 (In Russia).
- Aleksandrova O.V. 2018. Text and Discourse: Common and Different. Kognitivnye issledovaniya yazyka, 33: 28–32.
- Beaugrande R. de. 1997. New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society. Norwood (N.J.), Publ. Ablex, 670 p.
- Bloor M., Bloor Th. 2015. Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction. London, Publ. Hodder Arnold, 207 p.
- Chafe W. 1994. Discourse, Consciousness and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago and London, Publ. University of Chicago Press, 327 p.
- Dijk T.A. van. 1998. Ideology. Multidisciplinary Approach. London/Thousand Oaks/New Delhi, Publ. SAGE Publications, 365 p.
- Dijk T.A. van. 2015. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. In: Methods of Critical Discourse Studies Introducing Qualitative Methods Series). Eds. by R. Wodak, M. Meyer. London/Thousand Oaks/New Delhi, Publ. SAGE Publications: 63–85.
- Givón T. 1995. Coherence in Text vs. Coherence in Mind. In: Coherence in spontaneous text. Eds. by M.A. Gernsbacher, T. Givón. Amsterdam, Publ. John Benjamins: 59–115. DOI: 10.1075/tsl.31.04giv
- Halliday M.A.K. 2006. Language and Education. Ed. by J. Webster. Vol. 2: Linguistic Studies of Text and Discourse. London, New York, Publ. Continuum, 312 p.
- Johnstone B. 2018. Discourse Analysis (Introducing Linguistics). Publ. Wiley-Blackwell, 304 p.
- McCarthy M., Matthiessen C.M.I.M., Slade D. 2010. Discourse analysis. In: An Introduction to Applied Linguistics. Eds. by N. Schmitt, Norbert. London, United kingdom, Publ. Arnold: 53–69.
- Renkema J., Schubert Ch. 2018. Introduction to Discourse Studies. Publ. John Benjamins, 453 p. DOI: 10.1075/z.219
- Schiffrin D. 1994. Approaches to Discourse. Cambridge, MA & Oxford, Publ. Blackwell, 470 p.
- Stenström A.-B. 1999. An Introduction to Spoken Interaction. London, Publ. Longman, 238 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of Interest: No potential conflict of interest reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малахова Виктория Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 4 факультета международного бизнеса и делового администрирования, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria L. Malakhova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the English Language Department No. 4, Faculty of International Business and Business Administration, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia, Moscow, Russia

УДК 811'111
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-143-155

Англоязычный драматургический диалог как стилизованная коммуникация: лингвоаксиологический аспект

¹ Старостина Ю.С., ² Чекулай И.В., ² Прохорова О.Н.

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С.П. Королева,
Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34
E-mail: juliatim@mail.ru;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: chekulai@bsu.edu.ru; prokhorova@bsu.edu.ru

Аннотация. Актуальным вектором лингвистики выступает лингвоаксиология, в особенности ее дискурсивно-коммуникативное направление, нацеленное на ценностно-оценочную параметризацию коммуникативных практик. Перспективную фактологическую базу представляет англоязычный драматургический дискурс, центральным компонентом которого является зона вербального взаимодействия персонажей. Поскольку драматургический диалог есть образец модифицированной автором повседневной коммуникации, его имманентной характеристикой выступает стилизация, оказывающая влияние на лингвоаксиологический дискурсивный план. Вместе с тем факторы, детерминирующие процесс авторских преобразований при формировании англоязычного драматургического диалога в аспекте его лингвоаксиологической специфики еще не получили должного научного осмысления. Цель настоящего исследования заключается в системном анализе феномена стилизации англоязычного драматургического диалога в русле лингвоаксиологического подхода. Итогом исследования является разработка модели стилизации драматургического диалога, а также обоснование смежного понятия «авторского преломления». На основе модели идентифицируется системный комплекс лингвоаксиологических характеристик англоязычного диалога драмы, определяемых его дискурсивной амбивалентностью. Полученные результаты представляют новый ракурс в исследовании лингвоаксиологической проблематики и вносят вклад в оформление теоретической платформы дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии.

Ключевые слова: лингвоаксиология, лингвоаксиосфера, ценность, оценка, оценочное высказывание, стилизация, авторское преломление, драматургический дискурс

Для цитирования: Старостина Ю.С., Чекулай И.В., Прохорова О.Н. 2022. Англоязычный драматургический диалог как стилизованная коммуникация: лингвоаксиологический аспект. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41 (1): 143–155. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-143-155

English Drama Dialogue as Stylized Communication: Linguoaxiological Aspect

Julia S. Starostina ¹, Igor V. Chekulai ², Olga N. Prokhorova ²

¹ Samara National Research University named after ac. S.P. Korolev
34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia
E-mail: juliatim@mail.ru;

² Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: chekulai@bsu.edu.ru; prokhorova@bsu.edu

Abstract. The topical branch of modern linguistics is linguoaxiology, in particular its discourse and communicative direction, aimed at the value-evaluative parameterization of communicative practices.

The relevant factual base for this research vector is represented by the English drama discourse, the central component of which is the zone of verbal interaction of the characters. Since the drama dialogue might serve as an example of everyday communication modified by the author, its immanent characteristic is stylization, which influences the linguoaxiological discourse layer. However, the factors determining the process of relevant transformations during the construction of the English drama dialogue in terms of its linguoaxiological specifics have not yet received proper attention of the scholars. The purpose of this study is to conduct the systematic analysis of the phenomenon of stylization in English drama dialogue in line with the linguoaxiological approach. The research toolkit is a set of methods of discourse-communicative linguoaxiological interpretation, as well as methods of comparative content analysis and schematic modelling. The results of the research consist in the development of the model of stylization in drama dialogue and the introduction of the related concept of “author's refraction”. On the basis of the model, a complex system of linguoaxiological characteristics of the English drama dialogue, conditioned by its discourse ambivalence, is identified. The obtained results represent a novel perspective in the study of linguoaxiological issues and contribute to the theoretical platform of discourse-communicative linguoaxiology.

Key words: linguoaxiology, linguoaxiosphere, value, evaluation, evaluative utterance, stylization, author's refraction, drama discourse

For citation: Starostina J.S., Chekulai I.V., Prokhorova O.N. 2022. English Drama Dialogue as Stylized Communication: Linguoaxiological Aspect. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41 (1): 143–155 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-143-155

Введение

В современной науке о языке, развивающейся в русле антропоцентрической парадигмы, наблюдается явный поворот в сторону исследования коммуникации как интерактивного вербального взаимодействия. Пространство межличностного общения и его языковое сопровождение может быть интерпретировано с различных ракурсов, одним из которых выступает лингвоаксиологический подход, нацеленный, в числе прочего, на анализ ценностно-оценочной манифестации в процессе динамичной речевой интеракции. Дискурсивно-коммуникативная лингвоаксиология как новое научное направление переживает на данный момент период оформления собственной теоретической платформы, что подразумевает уточнение категориально-понятийного аппарата [Чекулай и др., 2019; Мисюров, 2020; Старостина, 2021б] и систематизацию исследовательской базы [Ицкович, 2020; Муфазалова, 2021; Старостина, 2021а]. В связи с этим актуальной представляется необходимость дальнейшего научного осмысления двух взаимосвязанных сторон лингвоаксиосферы, т.е. ценностей как когнитивных конструктов и оценки как их вербальной репрезентации [Чекулай, Прохорова, 2021, с. 168] в пределах различных форматов межличностной коммуникации.

Перспективную фактологическую базу дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии представляет англоязычный драматургический дискурс, центральным субдискурсом которого выступает зона вербального взаимодействия персонажей, т.е. драматургический диалог, понимаемый широко как сфера речевого общения героев в драматургическом произведении. Драматургический диалог характеризуется повышенной лингвоаксиологической нагруженностью [Старостина, 2021а, с. 119], формирующейся в специфичном дискурсивно-коммуникативном формате вследствие тесной связи драматургии как с художественным дискурсом, так и дискурсом бытового общения. Очевидно, что драматургический диалог является образцом модифицированной автором повседневной коммуникации, соответственно, стилизация выступает его имманентной универсальной характеристикой, неизбежно оказывающей влияние на лингвоаксиологический дискурсивный план. Вместе с тем факторы, детерминирующие процесс авторских преобразований при формировании драматургического диалога как стилизованного коммуникативного продукта, еще не получили должного научного уточнения и остаются перспективным исследовательским векто-

ром. Влияние стилизации на лингвоаксиологический аспект художественного диалога также ранее не выступало предметом самостоятельного научного осмысления.

Целью исследования выступает разработка модели стилизации драматургического диалога с последующим картографированием и систематизацией концептуального набора лингвоаксиологических характеристик, обусловленных симультанным соотношением англоязычного драматургического диалога как с художественным дискурсом, так и с общением в обиходно-бытовой сфере.

Объект и методы исследования

Объектом нашего исследования выступила стилизация как неотъемлемая черта драматургического дискурса и ее влияние на лингвоаксиологический аспект англоязычного драматургического диалога. Стилизация является одним из ключевых факторов при оформлении зоны речевого взаимодействия персонажей как дискурсивно-коммуникативного пространства. Обладая комплексной природой, стилизация оказывает существенное воздействие на вербальную репрезентацию ценностно-оценочного аспекта коммуникации и во многом определяет спектр задействованных языковых средств при реализации оценки как компонента лингвоаксиосферы.

Материалом исследования послужил англоязычный драматургический дискурс, представленный в пятидесяти пьесах современного периода (произведения британских и американских драматургов Дж. Б. Пристли, Т. Уильямса, К. Фегана, А. Сантилло и др.). Исследование выполнено в русле лингвоаксиологического подхода с применением релевантного набора методов дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологической интерпретации; в качестве дополнительных были задействованы метод теоретического контент-анализа и метод схематического моделирования. Исследование проводилось в три этапа: на первом из них была сформирована теоретическая платформа в виде аналитического обзора сложившихся на данный момент научных представлений о стилизации коммуникативных фрагментов художественного дискурса. На втором этапе была разработана модель, репрезентирующая основы, процессуальную реализацию и результаты стилизации англоязычного драматургического диалога. Далее на основе модели были интерпретированы характеристики диалога драмы в терминах влияния каждой из них на лингвоаксиологическую специфику стилизованной коммуникации в пределах англоязычного драматургического дискурса.

Результаты и обсуждение

Англоязычный драматургический диалог как художественное пространство и зона коммуникативного взаимодействия. Вопрос о степени соответствия параметров коммуникации персонажей в пределах драматургического произведения паттернам спонтанного обиходно-бытового общения остается достаточно спорным, поскольку научная проблема соответствия, несоответствия или частичного соответствия образного отражения бытия и самого бытия может находить множество интерпретаций: от идеи общности на основе глубинных связей (см., например, [Mildorf, 2016; Short, 2020; Temirova, 2020; Шипова, 2021]) до представления об их принципиальном сущностном различии (об этом, в частности, [Ек et al., 2018; Синявська, 2019; Nemchenko, 2020]).

Сопоставительный контент-анализ теоретического материала по вопросу языковых характеристик коммуникативного взаимодействия персонажей в пределах художественного произведения показал, что данный аспект традиционно рассматривается сквозь призму понятия стилизации, которое, в свою очередь, обобщенно трактуется как сознательное воспроизведение характерных языковых особенностей стиля, избирательного как объект имитации. Центральной функциональной особенностью стилизации, как намеренной имитации оригинальных языковых характеристик определенного дискурсивного пространства, является соблюдение принципа правдоподобия, что, на наш взгляд, особенно актуально для драматургического дискурса, характеризующегося диалогической природой,

идентичной спонтанному неформальному общению. В понятии стилизации изначально заложена идея близости итогового продукта оригиналу за счет использования наиболее типичных языковых конструкций, маркирующих исходное дискурсивное пространство.

Систематизация и анализ сформировавшихся на данный момент научных точек зрения по вопросу стилизации художественного диалога позволил выделить два противоположных подхода, касающихся соотношения языкового оформления вымышленного коммуникативного взаимодействия персонажей и реальных коммуникативных ситуаций. Согласно первому подходу, речь героев художественного произведения неправомерно анализировать в терминах языковых моделей, типичных для разговорной сферы, поскольку диалог персонажей является частью авторской концепции, а не аналогом повседневной коммуникации. Соответственно, любые схожие характеристики являются условными и в полной степени зависят от авторских интенций. Л.В. Разумова [Разумова, 2011, с. 351] подчеркивает глубинную разницу знаковой системы устной и письменной речи и выделяет авторское начало, творческую свободу и художественную задачу как системообразующие элементы художественного диалога, противопоставляющего его диалогу спонтанному. М.Э. Конурбаев и А.А. Липгарт, выявляя основы литературной стилизации, указывают на ее ограниченный характер, поскольку, согласно их точки зрения, автор «никогда не пытается воспроизвести исчерпывающий набор жанровых особенностей имитируемого текста, а мыслит в терминах «необходимого и достаточного» количества концептуально и лингвистически специфических черт, имеющих основное значение при создании того или иного эффекта» [Konurbaev, Lipgart, 2021, p. 142], что позволяет говорить о качественном несоответствии оригинала и стилизованного аналога при их фрагментарном формальном сходстве. Приведенная позиция опирается, прежде всего, на результаты исследований в сфере обиходно-бытового общения, в которых в роли организующего начала выделяются такие черты как непосредственность персонального взаимодействия и его абсолютная спонтанность (см., например, научные труды О.Б. Сиротининой и ее коллег [Сиротинина, 2018; Myaksheva et al., 2019]). Художественный диалог, в том числе драматургический, не обладает обозначенной природой, а наоборот, выстраивается в соответствии с реализацией принципа индивидуально-личностного творческого начала. Следовательно, согласно обозначенному мнению, целесообразным следует признать интерпретацию стилизованного диалога как одного из вариантов художественного дискурса с релевантным языковым маркированием.

Второй подход к анализу стилизованной коммуникации, представленной в формате художественного диалога, опирается на идею о ее высокой степени сходства с реальным речевым взаимодействием. В соответствии с данной позицией, отличия между двумя феноменами на уровне их языковой репрезентации не имеют принципиального характера и представляются относительно незначительными. Например, Н.В. Князева и П.Г. Коршунов [Князева, Коршунов, 2018, с. 178] по итогам анализа парцелляции как средства стилизации приходят к аргументированному выводу о сохранении в художественном диалоге эффекта устных речевых актов. Близость двух дискурсивных пространств обусловлена изначально установкой писателя или драматурга на верное и убедительное представление коммуникативных ситуаций, стремящееся к максимальному уподоблению реальности. Данное намерение определяет достоверное и полное отражение языкового своеобразия с учетом не только ведущих характеристик, но и нюансов и оттенков. Таким образом, при анализе в русле представленного подхода, художественных диалог можно признать специфическим дискурсивным явлением, в пределах которого происходит письменная фиксация многообразия языковых моделей, типичных для спонтанного, ситуативного устного речевого взаимодействия. При этом, как подчеркивает Е.В. Гусева, стилизованная разговорная речь представляет собой «мощный инструмент создания художественной информативности текста, приближения его к действительности» [Гусева, 2016, с. 279]. В особенной степени это относится к англоязычному драматургическому дискурсу, где наибольшее пространство занимает именно диалог при сокращенном объеме сопроводительных авторских комментариев. Персонажи взаимодействуют друг с другом в пределах коммуникативных си-

туаций, все характеристики которых дублируют естественные аналоги, что предоставляет возможность рассматривать драматургический диалог как условный эквивалент бытового дискурса, т. е. как стилизованную коммуникацию со сосредоточением специфических маркеров и параметров разговорной речи.

Модель стилизации при формировании диалога в англоязычном драматургическом дискурсе. При выявлении лингвоаксиологической специфики англоязычного драматургического дискурса нам представляется целесообразным учитывать аргументацию обеих изложенных выше позиций и рассматривать коммуникацию персонажей как двойственное явление, сочетающее блоки характеристик, заимствованных как из художественного дискурса, так и из разговорно-бытового, каждый из которых обладает собственным набором качественно-количественных лингвоаксиологических экспликаторов. Действительно, коммуникация персонажей в пределах англоязычного драматургического дискурса во многом воспроизводит параметры разговорной речи, но не дублирует их полностью. Языковые модели, заимствованные драматургом из окружающей его повседневной действительности, в ходе стилизации при включении в ткань речевого взаимодействия персонажей как вымышленных языковых личностей, проходят особый этап, который, на наш взгляд, можно было бы обозначить как «авторское преломление». Авторское преломление мы определяем, как процесс трансформационной адаптации разговорной речи во всем многообразии ее вербальных характеристик и невербального сопровождения к драматургическому воспроизведению в соответствии с художественным замыслом автора при соблюдении требования аутентичности. Итоговым продуктом авторского преломления становится собственно стилизованный драматургический диалог, т. е. репрезентация межличностного вербального взаимодействия героев, встроенного в определенный социальный контекст, и оформленного в виде последовательности коммуникативных ситуаций при сохранении интерактивной сущности диалогического общения. Соответственно, модель феномена стилизации может, на наш взгляд, быть визуально представлена следующим образом (рис. 1):

Рис. 1. Модель феномена стилизации при оформлении коммуникативного пространства в англоязычном драматургическом дискурсе
Fig. 1. The model of the phenomenon of stylization in shaping the communicative space in English drama discourse

Итак, стилизованная разговорная речь как вербальный компонент взаимодействия персонажей в значительной мере сохраняет традиционные черты повседневного диалога, но при этом является вымыслом драматурга, т. е. несет отпечаток авторского стиля и служит реализации авторского замысла, который оказывает концептуальное влияние на обозначенный трансформационный процесс. «Авторское преломление», в результате, являет собой сознательную субъективную обработку разговорной речи англоязычного лингвокультурного сообщества определенного исторического периода как объективного социального феномена. Драматург отбирает наиболее распространенные модели на всех уровнях языка и задействует их потенциал для трансляции реципиенту собственного видения реальности. Специфика «авторского преломления» также определяется социальными ожиданиями относительно драматургического дискурса, литературными традициями эпохи и требованиями к созданию в пределах драматургического произведения фрагмента действительности, который читатель или зритель воспринимал бы как подлинный.

С позиций дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода обозначенные факторы, детерминирующие «авторское преломление», подразумевают, что посредством типичных для разговорной речи языковых моделей будет представлен избранный автором блок социальной лингвоаксиосферы, т. е. в процессе стилизованной коммуникации будут манифестированы те ценностные доминанты, которые потенциально соотносятся с ценностной системой зрительской аудитории. Иными словами, в пределах стилизованной коммуникации происходит фиксация и трансляция фрагмента социальной лингвоаксиосферы, однако какой именно ее ракурс будет представлен, определяется исключительно драматургом в соответствии с индивидуальным восприятием актуальной общественной проблематики.

В представленной модели также находит отражение тот факт, что дискурсивно-коммуникативное пространство драмы можно рассматривать как условный эквивалент реального общения, поскольку оно формируется при помощи интерактивного вербального взаимодействия персонажей, которые фактически предстают как полноценные языковые личности, вступающие в акт коммуникации в соответствии с социально закрепленными принципами речевого взаимодействия. Нормы коммуникативного поведения, таким образом, формируют третий фактор, оказывающий влияние на процесс авторского преломления при создании стилизованного коммуникативного фрагмента в формате англоязычного драматургического диалога. В силу необходимости соблюдения аутентичности речевые партии персонажей должны так или иначе воспроизводить такие характеристики разговорной речи как непринужденность, субъективность, эмоциональность, установку на неофициальный тон общения, а также спонтанность. Их качественная актуализация осуществляется с помощью полиуровневых языковых средств, применяемых драматургом с учетом требований к речи сценической постановки. В обозначенном ракурсе на стилизацию драматургического диалога влияют характеристики подлинной разговорной речи и социальные правила коммуникативного поведения, сформировавшиеся на момент создания драматургического произведения. С позиций лингвоаксиологического анализа это означает, что ценностные доминанты будут манифестированы в англоязычном стилизованном диалоге при помощи комплекса оценочных высказываний, языковые параметры которых во многом идентичны выражению оценки в подлинной разговорной речи.

Интерпретация характеристик стилизованного диалога драмы с позиций его лингвоаксиологической специфики. В результате влияния триады обозначенных факторов в процессе авторского преломления формируется зона стилизованной драматургической коммуникации, которая системно реализует два блока характеристик — черты художественного дискурса и разговорной речи. Набор характеристик, маркирующий драматурги-

ческий диалог как часть художественного дискурса, детерминирует ряд специфических лингвоаксиологических показателей. Во-первых, драматургическому диалогу свойственно относительно равномерное распределение реплик между участниками коммуникативной ситуации, более того, высказывания персонажей в пределах одного диалогического модуля зачастую характеризуются примерно одинаковым объемом, что обеспечивает динамичность коммуникативного взаимодействия и его общую аттрактивность для зрителя или читателя. Структурный анализ фактического материала нашего исследования показал, что обозначенный параметр примерно равного объема реплик при их последовательной смене является показательным для англоязычного драматургического дискурса XX–XXI веков. Четкая смена реплик, практически полное отсутствие их смешения и взаимоналожения приводит к минимизации коммуникативных потерь в том смысле, что ни одно из произнесенных в стилизованном диалоге оценочных высказываний не оказывается утерянным, каждое из них имеет возможность максимальной реализации всего блока функций, как фактических, так и аксиологических в терминах вербальной трансляции ценностной системы.

Во-вторых, высказывания в англоязычном драматургическом диалоге характеризуются иллюкативной четкостью, поскольку она осознанно формируется автором произведения и при этом задается как временными ограничениями пьесы, так и литературной традицией; соответственно, каждая реплика должна быть выверена драматургом и находиться в определенной позиции по отношению к остальным. Каждое стилизованное сообщение обладает полиадресатностью, поскольку обращено как непосредственному персонажу-собеседнику в пределах диалогического модуля, так и зрительской или читательской аудитории. Обозначенная характеристика четко репрезентируется в оценочных высказываниях, которые в пределах англоязычного драматургического дискурса в обязательном порядке обладают расширенной прагматической направленностью — при их реализации воздействие оказывается не только на героя-собеседника, но и на зрителя, которому транслируется блок релевантной лингвоаксиологической информации.

В-третьих, поскольку в драматургии диалог выступает центральным художественно-экспрессивным средством, происходит так называемая «поэтизация драматического вещания» [Кулакова, 2020], при которой стилизованный диалог наделяется функцией комментирования при симультанной эстетизации. Вербальный комментарий в рамках диалогического взаимодействия персонажей по поводу значимых как для развития сюжета событий, происходящих «за сценой», обусловлен внешними пространственно-временными ограничениями пьесы как дискурсивного фрагмента. Реализация обозначенной функции предполагает использование расширенного арсенала оценочных средств в пространстве стилизованной коммуникации, что формирует один из аспектов ее лингвоаксиологической специфики.

Например, аксиологический потенциал приобретают языковые приемы, которые в формате повседневного общения им не обладают. В частности, лексические повторы, в целом свойственные разговорной речи в силу принципа языковой избыточности, могут присутствовать в драматургическом диалоге в качестве оценочных маркеров. В таком случае они являются экспликаторами ценностно-оценочных отношений, симультанно выступая в качестве средств художественной выразительности, призванных повысить общую экспрессивность диалога и увеличить уровень смыслового воздействия на читателя или зрителя. Подчеркнем, что то, что в «живой» разговорной речи является ненамеренным следствием спонтанности речевого процесса, в стилизованном диалоге предстает как интенционально встроенное в коммуникативный поток интенсифицирующее оценочное средство, повышающее как лингвоаксиологический потенциал конкретного высказывания, так и общую эстетическую направленность драматургического дискурса как феномена художественной природы (см., например: *COLT We shouldn't find a new place. Phebe's was*

renovated and hell, you can say we've been renovated. LEX Yeah, in a little over a year, I fell in love with you, and you fell for my editing skills. [Сарасси, 2017, р. 23]). На примере повтора демонстрируется относительная удаленность стилизованного диалога от спонтанного речевого взаимодействия, что оказывает влияние на его лингвоаксиологическую специфику: то, что в повседневной коммуникации является речевой небрежностью, обусловленной непосредственностью и ситуативностью коммуникации, в англоязычном драматургическом дискурсе приобретает полифункциональную лингвоаксиологическую направленность, повышая общую аксиогенность стилизованной коммуникации.

Таким образом, динамичная смена равноценных по объему реплик героев, полиаддресная прагматическая направленность коммуникативного взаимодействия и эстетическая выразительность выступают как черты стилизованного диалога, демонстрирующие его близость к драматургическому дискурсу. При подобном ракурсном анализе англоязычного драматургического диалога в русле лингвоаксиологического подхода выявляются такие лингвоаксиологические характеристики как повышенная значимость каждого оценочного высказывания, полифункциональность оценочных высказываний по осям взаимодействия «персонаж-персонаж», «персонаж-зритель», «автор-зритель», а также широкий спектр языковых средств художественной выразительности, задействованных при трансляции ценностно-оценочных отношений.

Лингвоаксиологический аспект, формируемый за счет второго блока характеристик в пределах модели, т. е. набора разговорно-речевых индикаторов, в большей степени связан с лексическими маркерами оценки, включенными в поток стилизованной коммуникации, а также синтаксическими структурами, задействованными при вербализации оценочных суждений. Лексика обиходно-бытового стиля, включенная в драматургический диалог, характеризуется многообразием и поливариантностью и включает в себя как стилистически нейтральные литературные лексические единицы, так и субстандартные лексемы, т. е. коллоквиализмы, являющиеся «сниженными» синонимами нейтральных лексем с повышенным потенциалом к передаче эмотивных коннотаций. Многие нелитературные лексические элементы обладают лингвоаксиологической нагруженностью, поскольку в силу специфики семантической структуры могут выступать эмоционально-оценочными маркерами. Они характеризуются мощной способностью к трансляции эмоционально-оценочного отношения, в ходе которой происходит актуализация ценностных доминант или оценочных векторов как компонентов лингвоаксиосферы. Обозначенная лингвоаксиологическая специфика отражает не только существенное послабление социальных принципов коммуникативного поведения в современном историческом периоде, но и выступает индикатором стилизации разговорной речи в драматургическом диалоге: (1) *NELSON Let him wake up in hospital. Or the f*** morgue, I don't give a sh**. Nobody hits my little girl.* [Fegan, 2009]; (2) *LINDA Mario, why are you always such an a**?* [Gonzalez, ГТТГ]). Примечательно, что в англоязычном драматургическом дискурсе современного периода отражено широкое использование субколлоквиальных единиц, которые активно проникают не только в сферу неформального общения (см. пример 1), но и в более официальные ситуации, например, в коммуникативную практику на рабочем месте, что представлено во втором из приведенных выше примеров. Демократизация общения между коллегами, свойственная современному англоязычному сообществу, находит отражение в драматургическом дискурсе именно в силу увеличения его стилизации в результате сознательного применения драматургом «авторского преломления».

Фактор непосредственности общения при спонтанной повседневной коммуникации способствует формированию аппелятивности как одной из его значимых характеристик, которая манифестируется на вербальном уровне посредством широкого использования лексем-аппелятов, что воссоздается в стилизованном коммуникативном пространстве ан-

англоязычной драматургии. Аппеляты как элементы разговорной речи, способствуют актуализации положительной фатики, т. к. выполняют контактоустанавливающую функцию на уровне реплики и привлекают дополнительное внимание к ее содержательному наполнению, что в полной мере справедливо для оценочных высказываний. Спецификой драматургического дискурса при его анализе с позиций лингвоаксиологического подхода можно считать широкое использование аппелятов в качестве оценочных маркеров в целях фиксации с их помощью оценочного отношения говорящего к собеседнику на момент разговора, например: (1) *BLANCHE Mitch! – Y'know, I really shouldn't let you in after the treatment I have received from you this evening! So utterly uncavalier! But hello, beautiful!* [Williams, 2011, p. 66]; (2) *EMLEY Queensland? Where's that? HEATON Australia, stupid.* [Fegan, 2017]). Нужно отметить, что в роли оценочных обращений могут быть задействованы как негативно-оценочные, так и позитивно-оценочные лексемы, однако более частотными являются обращения, актуализирующие отрицательное отношение к собеседнику как объекту оценки. В англоязычном драматургическом дискурсе в обозначенном качестве могут использоваться лексические единицы, выходящие за рамки литературного языка, которые можно обозначить как «субколлоквиальные оценочные номинации» [Меркулова, 2013, с. 7]. Данные лексические единицы в пределах стилизованных коммуникативных ситуаций отражают черты реальной разговорной речи, но при этом способствуют реализации аксиогенности драматургического диалога.

Обозримость коммуникативной ситуации, а также исключительно устный формат ее реализации оказывает влияние на особенности синтаксических структур разговорной речи, которые воспроизводятся в драматургическом диалоге. Персонажи-коммуниканты зачастую общаются посредством эллиптических конструкций, поскольку в целях экономии речевых усилий могут не воспроизводить то, что ранее уже фигурировало в предыдущей реплике. Усеченные синтаксические модели, которые при их анализе с позиций семантического членения, выступают как монорематические структуры, фокусируют внимание собеседника и зрителя-реципиента на принципиально значимом компоненте высказывания, четко репрезентируя коммуникативный центр сообщения. В случае, когда таким центром является оценка, ее лексический маркер может выступать единственным компонентов синтаксической структуры, что является мощным интенсифицирующим средством при трансляции эмотивно-оценочных смыслов в пределах драматургического диалога и зачастую дополнительно поддерживается интонационным оформлением, зафиксированным на письме восклицательной моделью, что представлено, например, в следующем иллюстративном фрагменте: *CELIA: You should see what he did with the fourth wall. CEDRIC: Clever! CELIA: And functional!* [Caracci, Ziegler, 2017, p.36]). Информативная сторона высказывания в данном случае может рассматриваться как второстепенная относительно реализации его эмотивно-оценочного потенциала. Обозначенная характеристика «живой» разговорной речи достаточно объемно воспроизводится в пространстве англоязычного драматургического диалога, где эмотивно-оценочные обертоны транслируются расширенным спектром разноуровневых языковых средств.

В целом, можно говорить о том, что блок разговорно-речевых характеристик, формирующийся по итогам стилизации англоязычного драматургического диалога, способствует привлечению объемного арсенала языковых средств при манифестации оценочного отношения в рамках ценностно-ориентированных суждений. Широкое использование субстандартной оценочной лексики, частотное применение оценочных аппелятов, употребление персонажами эллиптических восклицательных конструкций для интенсификации оценочного маркера являются прямым следствием высокой степени стилизации англоязычного драматургического диалога.

Заключение

Таким образом, для получения полной картины относительно лингвоаксиологического аспекта англоязычного драматургического дискурса в ходе нашего исследования были определены системные языковые характеристики драматургического диалога с позиции его амбивалентных связей с художественным пространством и сферой разговорной речи. Драматургическое произведение есть творческий вымысел драматурга, реализуемый в формате отображения актуального фрагмента действительности. Своеобразие англоязычного драматургического дискурса, в том числе его лингвоаксиологическая специфика, в значительной степени зависит от «авторского преломления», итогом которого становится определенный уровень стилизации в терминах подобию вымышленного диалога подлинному устному общению. Стилизация, формируемая в процессе «авторского преломления», понимается как целенаправленная авторская имитация речевых характеристик повседневного межличностного взаимодействия, в том числе в аспекте коммуникативного оформления оценочных высказываний как экспликаторов аксиологических установок. Речевая ткань стилизованного диалога всегда является двуслойным продуктом, поскольку направлена не только на максимально аутентичное языковое сопровождение вымышленных социальных ситуаций, но и на трансляцию зрительской или читательской аудитории ценностно-оценочных смыслов в соответствии с авторской интенцией.

В итоге лингвоаксиологические характеристики вербального оформления повседневной коммуникации оказываются намеренно встроенными в диалогическое пространство англоязычного драматургического дискурса. При этом обширность проникновения как художественных, так и разговорных оценочных элементов в стилизованный диалог детерминируется не только индивидуально-личностными особенностями стиля драматурга, но и господствующими нормами обиходно-бытового коммуникативного поведения членов англоязычного лингвокультурного сообщества, а также исторически маркированными литературными и сценическими традициями, которые выступали в качестве доминантных на момент создания драматургического произведения. Проведенная дискурсивно-коммуникативная лингвоаксиологическая интерпретация также показала, что на современном этапе развития англоязычной драматургии авторская стилизация направлена на достижение максимального уровня.

В результате в англоязычном драматургическом диалоге в силу его дуалистической природы фиксируется расширенный спектр ценностно-оценочных экспликаторов, что детерминирует высокий лингвоаксиологический потенциал стилизованного дискурсивно-коммуникативного пространства.

Список источников

- Capacci J., Ziegler I. 2017. 105 Five-Minute Plays for Study and Performance. Hanover, Publ. Smith and Kraus Inc.: 525 p.
- Gonzalez R.P. ГТТТ. Zoomy zoomy kill kill: a horror story for the world in quarantine. Available at: <https://www.playathome.org/plays/gonzalez-zoomy-zoomy> (accessed: 09.12.2021).
- Fegan K. 2009. Fireflies. Available at: <http://www.kevinfegan.co.uk/wp-content/uploads/2020/04/Fireflies-by-Kevin-Fegan.pdf> (accessed: 09.12.2021).
- Fegan K. 2017. The Ruck. England, London, Publ. Playdead Press, 105 p. Available at: <http://www.kevinfegan.co.uk/wp-content/uploads/2020/04/THE-RUCK-by-Kevin-Fegan-final-draft-for-book-converted.pdf> (accessed: 09.12.2021).
- Williams T. 2011. The Collected Plays of Tennessee Williams. Vol. 1. New York, Publ. The Library of America, 2053 p.

Список литературы

- Гусева Е.В. 2016. Стилизация разговорной речи англоязычного художественного текста и категория его воспринимаемости. Символ науки: международный научный журнал, 5-1 (17): 278–282.
- Ицкович Т.В. 2020. Ценность семьи у молодежи (на материале живой разговорной речи). Litera, 12:

110–117. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34703

- Князева Н.В., Коршунов П.Г. 2018. Парцелляция как средство стилизации разговорной речи в художественном тексте. В кн.: Единство и идентичность науки: проблемы и пути решения. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, г. Тюмень, 8 февраля 2018 года. В 2-х ч. Под ред. А.А. Сукиасян. Ч. 2. Тюмень, Агентство международных исследований: 176-180.
- Кулакова Е.А. 2020. Драматургический дискурс как объект исследований в лингвистике. В кн.: Осенние коммуникативные чтения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, 29 ноября 2019 года. Под ред. О.Ю. Ивановой. Москва, Редакционно-издательский дом Российского нового университета: 111–124.
- Меркулова Э.Н. 2013. Прагматический аспект субколлоквиальных оценочных номинаций (американский вариант английского языка). Н. Новгород, Изд-во Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 145 с.
- Мисюров Н.Н. 2020. Аксиологическая рефлексия в коммуникации. Коммуникативные исследования, 7 (1): 7–18. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(1).7-18
- Муфазалова Ю.С. 2021. Аксиологическая парадигма в современной лингвистике. Заметки ученого, 2: 341–344.
- Разумова Л.В. 2011. К проблеме стилизации устной речи в письменном тексте (на примере стилизации квебекского варианта французского языка). В кн.: Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты, 2. Материалы IV Международной научной конференции, г. Чита, 9–10 декабря 2011 года. Сост. Г.Д. Ахметова, Т.Ю. Игнатович. Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского: 350–355.
- Сиротинина О.Б. 2018. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики. Экология языка и коммуникативная практика, 1 (12): 59–71. DOI: 10.17516/2311-3499-007.
- Старостина Ю.С. 2021а. Англоязычная драматургия в контексте дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода: теоретические аспекты. Филология: научные исследования, 11: 107–121. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.11.36776
- Старостина Ю.С. 2021б. К вопросу о категориальном аппарате лингвоаксиологического исследования дискурса. Russian linguistic bulletin, 2 (26): 64–70. DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.24.
- Чекулай И.В., Прохорова О.Н. 2021. Аспекты соотношения дихотомии «язык» и «речь», «ценность» и «оценка». Исследования языка и современное гуманитарное знание, 3 (2): 167–173. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173
- Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Куприева И.А. 2019. Дифференциация категорий эмоции и оценки (на материале словосочетаний английского языка, передающих эмоциональные реакции). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 38 (1): 80–87. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-80-87
- Шипова И.А. 2021. Разговорная речь в контексте драмы как литературного рода (на материале немецкоязычных пьес). Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 4: 137–150. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-137-150
- Ek A., Wirén M., Östling R., Nilsson Björkenstam, K., Grigonyt'e G.' e & Gustafson Capková S. 2018. Identifying Speakers and Addressees in Dialogues Extracted from Literary Fiction. In: LREC 2018. Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation, Miyazaki, of 7 to 12 May 2018. Japan, LREC, European Language Resources Association (ELRA): 817-824. DOI: 10.15462/IJLL.V5I2.5
- Konurbayev M.E., Lipgart A.A. 2021. The groundwork of literary stylization: genre, style, and cultural pragmatics. Сервис plus, 15 (3): 142–149. DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-142-149
- Mildorf J. 2016. Constructing Dialogues, (Re)Constructing the Past: 'Remembered' Conversations in Frank McCourt's Angela's Ashes. Approaches to Fictional Dialogue, 5 (2): 1–25. DOI: 10.15462/ijll.v5i2.58
- Myaksheva O.V., Sirotnina O.B., Kormilitsyna M.A., Baikulova A.N., Bots T.S. 2019. Speech environment of modern youth: family, school, university. In: EEIA 2019. Education Environment for the Information Age. International Conference. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Moscow, Publ. Future Academy: 574–582. DOI:

10.15405/epsbs.2019.09.02.65

- Nemchenko L.M. 2020. Theatrical Dialogue in the Digital Age: From Director's Theatre to the Theatre Onscreen. *Changing Societies & Personalities*, 4 (4): 457–475. DOI: 10.15826/csp.2020.4.4.111
- Short M. 2020. Discourse Analysis and Drama. In: *The Language and Literature Reader*. Eds. R. Carter, P. Stockwell. London, Publ. Routledge: 13. DOI: 10.4324/9781003060789
- Temirova F.T. 2020. Importance of extralinguistic and paralinguistic factors in literary discourse. *Theoretical & Applied Science*, 2 (82): 265–271 (in Kazakhstan). DOI: 10.15863/TAS.2020.02.82.48
- Синявська Л.І. 2019. Художня комунікація як різновид комунікації. *Записки з романо-германської філології*, 1 (42): 180–188. DOI: 10.18524/2307-4604.2019.1(42).168915

References

- Guseva E.V. 2016. Stilizatsiya razgovornoy rechi angloyazychnogo khudozhestvennogo teksta i kategoriya ego vosprinimaemosti [Stylization of colloquial speech of an English literary text and the category of its perceptibility]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*, 5-1 (17): 278–282.
- Itskovich T.V. 2020. Tsennost' sem'i u molodezhi (na materiale zhivoy razgovornoy rechi) [The value of the family among young people (based on live colloquial speech)]. *Litera*, 12: 110–117. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34703
- Knyazeva N.V., Korshunov P.G. 2018. Partsellyatsiya kak sredstvo stilizatsii razgovornoy rechi v khudozhestvennom tekste [Parceling as a means of stylizing colloquial speech in a literary text]. In: *Edinstvo i identichnost' nauki: problemy i puti resheniya* [Unity and Identity of Science: Problems and Solutions]. In 2 parts. Ed. A.A. Sukiasyan. Part 2. Tyumen', Publ. Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy: 176–180.
- Kulakova E.A. 2020. Dramaturgicheskiy diskurs kak ob"ekt issledovaniy v lingvistike [Dramaturgical discourse as an object of research in linguistics]. In: *Osenne kommunikativnye chteniya* [Autumn communicative readings]. Ed. O.Yu. Ivanova. M., Publ. Redaktsionno-izdatel'skiy dom Rossiyskogo novogo universiteta: 111–124.
- Merkulova E.N. 2013. Pragmatischeskiy aspekt subkollokvial'nykh otsenochnykh nominatsiy (amerikanskiy variant angliyskogo yazyka) [Pragmatic Aspect of Subcolloquial Estimated Nominations (American English)]. N. Novgorod, Publ. Nizhegorod. gos. lingv. un-t im. N.A. Dobrolyubova, 145 p.
- Misyurov N.N. 2020. Axiological reflection in communication. *Kommunikativnye issledovaniya*, 7 (1): 7–18. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(1).7-18
- Mufazalova Yu.S. 2021. Axiological paradigm in modern linguistics. *Zametki uchenogo*, 2: 341–344.
- Razumova L.V. 2011. To a problem of stylization of oral speech in the written text (on an example of stylization of a quebec variant of the french language) In: *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty* [Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects]. Comp. G.D. Akhmetova, T.Yu. Ignatovich. Chita, Publ. Zabaykal'skiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet im. N.G. Chernyshevskogo: 350–355.
- Sirotnina O.B. 2018. Communication effectiveness as one of the most important issues for modern communicative practice. *Ecology of language and communicative practice*, 1 (12): 59–71. DOI: 10.17516/2311-3499-007.
- Starostina Yu.S. 2021a. Angloyazychnaya dramaturgiya v kontekste diskursivno-kommunikativnogo lingvoaksiologicheskogo podkhoda: teoreticheskie aspekty [English-language dramaturgy in the context of discursive-communicative linguoaxiological approach: theoretical aspects]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 11: 107–121. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.11.36776
- Starostina Yu.S. 2021b. On the issue of the categorical apparatus of linguistic and axiological discourse research. *Russian linguistic bulletin*, 2 (26): 64–70 (in Russia). DOI: 10.18454/RULB.2021.26.2.24.
- Chekulay I.V., Prokhorova O.N. 2021. Aspects of correlation of dichotomy “language” and “speech”, “value” and “evaluation”. *Language Studies and Modern Humanities*, 3 (2): 167–173. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173
- Chekulay I.V., Prokhorova O.N., Kuprieva I.A. 2019. The differentiation of the categories “emotion” and “evaluation” (on the material of the English word-combinations describing the emotional reactions). *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*, 38 (1): 80–87. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-80-87

- Shipova I.A. 2021. Colloquial speech in the context of drama as a literary genre (based on German-language plays). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 4: 137–150. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-137-150
- Ek A., Wirén M., Östling R., Björkenstam K.N., Grigonyt G. e & Gustafson Capková S. 2018. Identifying Speakers and Addressees in Dialogues Extracted from Literary Fiction. In: LREC 2018. Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation, Miyazaki, of 7 to 12 May 2018. Japan, LREC, European Language Resources Association (ELRA): 817–824. DOI: 10.15462/IJLL.V5I2.5
- Konurbaev M.E., Lipgart A.A. 2021. The groundwork of literary stylization: genre, style, and cultural pragmatics. *Service plus*, 15 (3): 142–149 (in Russia). DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-142-149
- Mildorf J. 2016. Constructing Dialogues, (Re)Constructing the Past: ‘Remembered’ Conversations in Frank McCourt’s *Angela’s Ashes*. *Approaches to Fictional Dialogue*, 5 (2): 1–25. DOI: 10.15462/ijll.v5i2.58
- Myaksheva O.V., Sirotinina O.B., Kormilitsyna M.A., Baikulova A.N., Bots T.S. 2019. Speech environment of modern youth: family, school, university. In: EEIA 2019. Education Environment for the Information Age. International Conference. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Moscow, Publ. Future Academy: 574–582. DOI: 10.15405/epsbs.2019.09.02.65
- Nemchenko L.M. 2020. Theatrical Dialogue in the Digital Age: From Director’s Theatre to the Theatre Onscreen. *Changing Societies & Personalities*, 4 (4): 457–475 (in Russia). DOI: 10.15826/csp.2020.4.4.111
- Short M. 2020. Discourse Analysis and Drama. In: *The Language and Literature Reader*. Eds. R. Carter, P. Stockwell. London, Publ. Routledge: 13. DOI: 10.4324/9781003060789
- Temirova F.T. 2020. Importance of extralinguistic and paralinguistic factors in literary discourse. *Theoretical & Applied Science*, 2 (82): 265–271 (in Kazakhstan). DOI: 10.15863/TAS.2020.02.82.48
- Cinyavs'ka L.I. 2019. Artistic communication as a type of communication. *Zapiski z romano-germans'koi filologii*, 1 (42): 180–188 (in Ukraine). DOI: 10.18524/2307-4604.2019.1(42).168915

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of Interest: No potential conflict of interest reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Старостина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С.П. Королева, Самара, Россия

Чекулай Игорь Васильевич, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Прохорова Ольга Николаевна, профессор, доктор филологических наук, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuliya S. Starostina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology, S.P. Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

Igor V. Chekulai, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Olga N. Prohorova, Professor, Doctor of Philology, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 81'42

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-156-165

Репрезентация невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Дэна Билефски и Эллен Барри (на материале газеты The New York Times)

Трофимова Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: trofimova_n@bsu.edu.ru

Аннотация. Репрезентированы результаты анализа маркеров невербальной коммуникации на примере публицистического дискурса Дэна Билефски и Эллен Барри в популярной американской газете The New York Times в разделе World, посвященном передаче актуальной информации о событиях со всего мира. Выявлена высокая частотность маркеров невербальной коммуникации. Как в мужском, так и в женском публицистическом дискурсе наиболее многочисленными номинантами признаны проксеми. Установлено, что хронемы употребляются реже, однако с достаточно высокой частотой. В публицистическом дискурсе Дэна Билефски и Эллен Барри среднечастотными номинантами являются сенсемы и кинемы. Такемы являются низкочастотными маркерами невербальной коммуникации. Сделан вывод о более частом использовании в публицистическом дискурсе Дэна Билефски проксема, а в публицистическом дискурсе Эллен Барри – сенсем и кинем. Количественные показатели частотности употребления хронем и такем журналистами имеют незначительную разницу.

Ключевые слова: публицистический дискурс, The New York Times, гендер, Дэн Билефски, Эллен Барри, невербальная коммуникация, проксема, хронема, сенсема, кинема, такема

Для цитирования: Трофимова Н.А. 2022. Репрезентация невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Дэна Билефски и Эллен Барри (на материале газеты The New York Times). Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 156–165. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-156-165

Representation of a Non-verbal Communication Code in the Publicistic Discourse of Dan Bilefsky and Ellen Barry (based on “The New York Times”)

Natalia A. Trofimova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: trofimova_n@bsu.edu.ru

Abstract. This article presents the results of the analysis of non-verbal communication markers using the example of the publicistic discourse of Dan Bilefsky and Ellen Barry in the popular American newspaper “The New York Times” in the “World” section, dedicated to the distribution of relevant information about events from around the world. The high frequency of markers of non-verbal communication was revealed. In both male and female publicistic discourse, the most numerous nominees are proxemes. It has been established that chronemes are used less frequently, but with a fairly high frequency. In the mass-media discourse of Dan Bilefsky and Ellen Barry, the mid-range nominees are sensemes and kinemes. Takemes are low-frequency markers of non-verbal communication. The conclusion is made about a comparatively more frequent use of proxemes in the publicistic discourse of Dan Bilefsky, and sensemes as

well as kinemes in Ellen Barry's one. The quantitative indicators of the frequency of use of chronemes and takemes by the journalists have an insignificant difference.

Key words: publicistic discourse, "The New York Times", gender, Dan Bilefsky, Ellen Barry, non-verbal communication, proxeme, chroneme, senseme, kineme, takeme

For citation: Trofimova N.A. 2022. Representation of a non-verbal communication code in the publicistic discourse of Dan Bilefsky and Ellen Barry (based on "The New York Times"). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41 (1): 156–165 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-156-165

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем в лингвистике остается определение и всестороннее исследование дискурса. Наблюдается выделение и постоянное дополнение новыми сведениями анализа дискурса как особой междисциплинарной области исследования. Дискурсивный анализ охватывает многообразие каналов коммуникации, применяется как к разговорной практике, рекламным сообщениям, изображениям, так и письменным текстам [Berger, 2016, с. 597]. Н.Ф. Алефиренко рассматривает понятие дискурса через категорию речи, когнитивный аспект которой объединяет «когнитивные механизмы ее порождения, знания мира, мнения, ценностные установки, играющие важную роль для понимания и восприятия информации» [Алефиренко, 2009, с. 238].

Кроме того, специалисты не только пытаются понять природу дискурса в его широком смысле, но и специфику его многочисленных типов. Среди данных типов выделяется публицистический дискурс. О.В. Лушинская рассматривает публицистический дискурс как институциональный тип дискурса [Лушинская, 2019, с. 440]. Наиболее популярным форматом ознакомления читателей с мировыми событиями сегодня становится Интернет, однако нужную информацию можно получить и при чтении газет или журналов, прослушивании радио и просмотре телевизора. Публицистический дискурс находится в прямой зависимости от тех событий, которые происходят как в отдельной стране, так и во всем мире. Его специфика заключается в трансляции многообразных данных, структурировании новостных статей с привлечением, как объективных фактов, так и субъективных оценок с опорой на неоднозначные предпочтения аудитории.

Стоит отметить, что проблемы, поднятые в новостных статьях, с заметной частотой ранжируются в соответствии с тем, какое место они занимают в жизни мирового сообщества [Yarlott et al., 2018, с. 25]. Заголовок ориентирует в теме статьи. Тема статьи непосредственно подчинена описываемым событиям, которые происходят в реальной действительности и являются значимыми для населения. Комментарии часто представляют собой заключение журналистов или организации (газеты, журнала и т.д.) по рассматриваемой проблеме. Они описывают ожидания или опасения, включают оценку или предугадывают возможные последствия. Помимо этого, дополнительным фоном, который вносит большую ясность и объективность описания различных событий, являются комментарии непосредственных свидетелей, группы экспертов и т. п. Соответственно, в общем виде новостные статьи включают в себя перечисление значимых в мире событий, мнения репортеров и экспертной группы и подробное рассмотрение конкретно затронутого вопроса [Yarlott et al., 2018, с. 27].

Важно указать на то, что публицистический дискурс, реализуемый в границах интернет-пространства, имеет особую качественную характеристику, включающую ряд параметров:

1. Функционально-целевой параметр. Предполагает определение цели и функционального многообразия. О.В. Лушинская считает, что целью публицистического дискурса в медиа-среде является передача данных и формирование определенной точки зрения у

целевой аудитории. Среди функций она выделяет информационную, идеологическую, воздействующую и ценностно-формирующую.

2. Статусно-ролевой параметр – исследование субъектов дискурса. Участники – журналисты и целевая аудитория.

3. Ситуационный или контекстный параметр предполагает включение в обзор дискурса сферу коммуникации, тематику, установок и условий коммуникации, ценностей, временных и пространственных параметров. Сфера коммуникации включает в себя политику, экономику, культуру, спорт и т. п. Тематика определяется локальными и глобальными событиями. Установка публицистического дискурса в интернет-среде может быть сформулирована при помощи лексем «убедить», «проинформировать» и т. п.

4. Текстовый параметр нацелен на подробное изучение структурной и содержательной стороны жанров и форматов публицистического дискурса в интернет-среде. В отличие от привычных жанров, публицистический дискурс в интернет-среде включает жанры и форматы с иллюстративными, аудио- и видео-материалами.

5. Когнитивный параметр нацелен на учет специфики восприятия информационных данных при учете различных факторов (возраста, статуса, ценностей и т. п.);

6. Языковой, или лингвистический, параметр предполагает анализ языкового описания рассматриваемых событий [Луцинская, 2019, с. 442–443].

При анализе публицистического дискурса следует учитывать и тот факт, что в нем представлены вербальные знаки и маркеры невербальной коммуникации [Абишева, Мадетхан, 2018, с. 19]. Маркеры невербальной коммуникации репрезентируют перемещения, движения, декорации тела, мимику лица, одежду и т.п., что интерпретируется как инструменты формирования, выражения и передачи различных идей. При этом невербальная коммуникация может трактоваться как поведение, имеющее как намеренный, так и непреднамеренный характер, в зависимости от ожиданий и соответствующих действий коммуникантов [Harrison, 1989]. Вербальная коммуникация не обладает такой эффективностью, как невербальная [Knapp et al., 2013].

В актах невербальной коммуникации проявляются не только особенности поведения, эмоциональный фон, но и образ мышления человека [Burgoon et al., 2016]. Невербальный код коммуникации придает значимость взаимодействию коммуникантов, так как любые мимические выражения, жесты, пространственные отношения и т.п. обогащают и существенно дополняют их смыслами. При условии отсутствия понимания значимости социальной интеракции, люди не смогут в полной мере передать значимую для них информацию [Knapp et al., 2013].

Известный специалист в области психологии А. Мехрабиан, который стоял у истоков исследований невербальной коммуникации, в середине прошлого века писал, что в процессе коммуникации только 7 % информации усваивается при передаче ее в словесной форме. В свою очередь, невербальная коммуникация способствует восприятию 55 % смысла сообщения [Tieshan, 2016, с. 1].

При сопоставлении преднамеренной и непреднамеренной невербальной коммуникации, укажем на то, что их отличие заключается в наличии или отсутствии контроля над передаваемым массивом информации. Так, в случае непреднамеренной невербальной коммуникации человек не способен управлять процессом передачи информации, что, с одной стороны, лишает его возможности акцентировать внимание на определенных, важных для него, целях, а с другой – подобной коммуникации свойственна большая искренность. Следовательно, преднамеренная коммуникация наделяет адресата возможностью фильтровать сообщения и достигать своих целей в интеракции более успешно [Ezaka, Emechebe, 2018, с. 11]. В свете этого значим тот факт, что «изучение особенностей невербального поведения позволяют понять механизмы коммуникации более глубоко» [Даниленко, 2016, с. 327].

Принимая во внимание важность маркеров невербальной коммуникации в публицистическом дискурсе, мы проанализировали соответствующие номинанты на материале

14 статей каждого из выбранных журналистов популярной газеты The New York Times с учетом их гендерной принадлежности. Представим примеры выбранных маркеров, а именно хронем (1), проксем (2), сенсем (3), кинем (4) и такем (5), на материале статей Дэна Билефски (а) и Эллен Барри (б).

Д.А. Алиева и А.Т. Оналбаева пишут о том, что «пространство и время общения является первым условием любых взаимоотношений» [Алиева, Оналбаева, 2019, с. 438]. Поддерживая эту мысль, мы в первую очередь обратим внимание на проксемы и хронемы.

Проксемы в структуре публицистического дискурса

Под проксемами понимаются «языковые структуры, репрезентирующие пространственные параметры, пространственные представления этноса, зафиксированные в языке и являющиеся когнитивными текстовыми скрепами» [Кузьминых, Огнева, 2013, с. 283].

Проксемика в ее широком смысле является наукой о том, каким образом пространство используется людьми в процессе их взаимодействия [Watson, 2019]. Ниже представлен пример анализа проксемы в контексте из статьи Дэна Билефски (1а) и далее – из статьи Эллен Барри (1б).

Контекст из статьи Дэна Билефски:

1а) *Yordanka Fandakova, the first woman to be mayor of Sofia, a mother, grandmother and former headmistress, said she had faced discrimination during the mayoral campaign when opponents taunted her for being a lackey of Mr. Borisov* [Bilefsky, 2010].

Йорданка Фандыкова, ставшая первой женщиной-мэром Софии, мать, бабушка и бывший директор школы, заявила, что во время предвыборной кампании она столкнулась с дискриминацией, когда оппоненты насмеялись над ней за то, что для г-на Борисова она исполняла роль лакея (здесь и далее перевод наш – Н. Т.).

Проксема-топоним *Sofia* репрезентирует локацию, где первым мэром стала представительница женского пола – Йорданка Фандыкова. София является столицей Болгарии, поэтому использование данного маркера выдвигает на передний план пространственные параметры страны, в которой статус женщины в политике возрос.

Контекст из статьи Эллен Барри:

1б) *Phone contact, they told her, was safer because it presupposed physical distance* [Barry, 2017].

Они сказали ей, что общение по телефону безопаснее, потому что предполагает наличие физического расстояния.

Эллен Барри использует проксема как средство передачи ощущения защищенности и безвредности при общении женщин с мужчинами по телефону. Развивая мысль, наличие физического расстояния может расцениваться как барьер для установления близкого общения или потенциального вреда.

Хронемы в структуре публицистического дискурса

Хронема – «это языковая единица, вербализующая темпоральный маркер в повествовательном контуре текста, репрезентирующий время как компонент невербального кода коммуникации» [Огнева, 2013, с. 141].

Контекст из статьи Дэна Билефски:

2а) *When Romania and Bulgaria joined the European Union in 2007, some temporary obstacles were imposed on their citizens by nine member states for their first seven years of membership, including their right to work and to benefit from social and medical programs* [Bilefsky, 2014].

Когда Румыния и Болгария присоединились к Европейскому Союзу в 2007 году, остальные девять стран-членов на протяжении первых семи лет создавали для граждан нововступивших стран определенные временные препятствия, которые затрагивали право на работу, а также использование социальных и медицинских программ.

В анализируемом предложении выявлено несколько хронем. В первую очередь, это хронемы *when* и *in 2007*. Указанные хронемы в рассматриваемом предложении конкретизируют временные параметры присоединения Румынии и Болгарии к Европейскому Союзу. Хронема *for their first seven years of membership* сосредотачивает внимание на продолжительном отрезке времени. В отличие от вышеупомянутого маркера темпоральности, который указывал на конкретный год, анализируемая хронема затрагивает более продолжительный этап членства Румынии и Болгарии в ЕС. Отсюда следует, что автор акцентирует внимание на последствиях вступления этих стран в ЕС на протяжении долгого периода, а точкой отсчета выбрана хронема, обозначающая год.

Контекст из статьи Эллен Барри:

2б) *Until, that is, a recent morning, when the girl had put a hat on and carefully arranged bags around herself, preparing to set off on an imaginary expedition* [Barry, 2018].

Это наблюдалось вплоть до недавнего утра, когда девочка надела шляпу и аккуратно разложила вокруг себя сумки, готовясь отправиться в воображаемое путешествие.

Рассматриваемый пример выявлен в статье *In Sweden's Preschools, Boys Learn to Dance and Girls Learn to Yell Number* Эллен Барри. Журналистка использует сложную, многокомпонентную хронему, состоящую из 3 ядер, а именно: *until, morning* и *when*. Мы полагаем, что функциональный потенциал рассматриваемого маркера темпоральности проявляется как сохранение связи с представленными ранее фактами относительно поведения девочки, героини повествования, и с одновременным переходом к представлению качественно нового характера ее деятельности.

Кинемы в структуре публицистического дискурса

Кинемы, будучи не менее важными маркерами невербальной коммуникации, являются единицами кинесики и представляют действия коммуникантов. Под кинемами понимаются «маркеры невербального кода, репрезентирующие жесты и телодвижения» [Огнева, Даниленко 2021: 62]. Рассмотрим использование данных единиц в публицистическом дискурсе Дэна Билефски (3а) и Эллен Барри (3б).

Контекст из статьи Дэна Билефски:

3а) *...Songul Fiktan, 31, said she was forced by her family to marry her cousin's husband because her cousin could not conceive. On the wedding night, she learned her husband was 65 years old. "I didn't know if my husband was young or old, handsome or ugly," she said, **shaking and wiping her eyes with her veil*** [Bilefsky, 2006].

*...31-летняя Сонгуль Фиктан сказала, что семья вынудила ее выйти замуж за мужа двоюродной сестры, потому что та не могла забеременеть. В первую брачную ночь она обнаружила, что ее новому мужу было 65 лет. «Я не знала, был ли мой муж молод или стар, красив или некрасив», – сказала она, **вздрагивая и вытирая глаза паранджой.***

Дэн Билефски в статье *Polygamy Fosters Culture Clashes (and Regrets) in Turkey* употребил двужерную кинему *shaking and wiping*, которая свидетельствует о переживании жертвой насилия, Сонгуль Фиктан, негативных эмоций. Она не может их сдерживать, поэтому ее тело охвачено дрожью, и она вытирает слезы. Анализируемые кинемы таким образом отображают глубину эмоциональной реакции женщины на травмирующие события, которые происходят в условиях полигамного общества.

Контекст из статьи Эллен Барри:

3б) *When a journalist asked whether she believed the election had thrust the country deeper into political instability, the prime minister **peered at him through her spectacles**, saying: "What do you want, that I should **start crying**, 'Oh, crisis, we have a crisis!'"* [Barry, 2014].

Когда журналист спросил, считает ли она, что выборы вогнали страну в еще большую политическую нестабильность, премьер-министр пристально посмотрела на него сквозь очки и сказала: «Вы хотите, чтобы я начала вопить: "Ах, наступил кризис, мы переживаем кризис!"

Эллен Барри использует несколько кинем. Обратим внимание на первую кинему в рассматриваемом фрагменте – *peered at him through her spectacles*, анализ которой целесообразно проводить с учетом употребления и второй кинемы – *start crying*. Премьер-министр мимически выражала полную сосредоточенность и готовность активно эмоционально включаться в акт коммуникации с журналистом. Впоследствии она обратилась к нему с описанием предполагаемой ситуации, в которой ее могла охватить паника из-за ухудшения экономического состояния в стране. Это передает ее негодование относительно потенциально ожидаемой журналистами реакции в такой непростой ситуации. Между тем, отсутствие описываемого ею эмоционального негативного отклика с воплем служит благоприятным фоном для ее имиджа как политика.

Сенсемы в структуре публицистического дискурса

Сенсорика объединяет совокупность информации органов чувств, которая репрезентирована сенсемами. Под сенсемами понимаются номинанты, репрезентирующие информацию, получаемую через пять органов чувств: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Обратим внимание на практическое использование сенсем в статьях журналистов.

Контекст из статьи Дэна Билефски:

4а) *The farm's owner forbade the Latvians to wear gloves and the mushroom quickly turned her fingers black* [Bilefsky, 2005].

Хозяин фермы запретил латышам надевать перчатки для работы, и от грибов ее пальцы вскоре почернели.

Дэн Билефски описывает ситуацию, когда мигранты не имели возможности защитить кожу своих рук от загрязнений при сборе грибов, и те поменяли свой цвет. Соответственно, зрительное восприятие данных изменений лежат в основе сенсемы *turned her fingers black*.

Контекст из статьи Эллен Барри:

4б) *When a classmate tried to walk off with one of her bags, the girl held out the palm of her hand and shouted "No" at such a high volume that Ms. Sandberg's head swiveled around* [Barry, 2018].

Когда одноклассница попыталась удалиться с одной из ее сумок, девочка протянула ладонь и закричала «Нет!» с такой оглушительной громкостью, что г-жа Сэндберг невольно повернула голову.

В ранее упомянутой статье *In Sweden's Preschools, Boys Learn to Dance and Girls Learn to Yell* Эллен Барри используется сенсема *at such a high volume* с целью отображения эффекта от слухового восприятия голоса девочки. Громкий крик девочки, воспринимаемый на слух, ассоциируется со срочной необходимостью обратить внимание на нее, что в итоге и имело место.

Такемы в структуре публицистического дискурса

Такемы являются маркерами невербальной коммуникации, отражающие тактильный контакт в виде касания тела коммуникантов. Проанализируем соответствующий маркер на материале статей Дэна Билефски и Эллен Барри.

Контекст из статьи Дэна Билефски:

5а) ... *Kevin Carmichael, a senior fellow at the Center for International Governance Innovation, called its behavior the equivalent of "the schoolyard tough smearing a Cheez Whiz sandwich on the face of an innocent"* [Bilefsky, 2018].

...Кевин Кармайкл, старший научный сотрудник Центра инноваций в области международного управления, назвал его поведение схожим с поведением "хулигана со школьного двора, измазывающего сэндвичем Cheez Whiz лицо невинного человека".

Ядро такемы *smearing* предполагает взаимодействие двух коммуникантов, тела которых непосредственно задействованы в акте коммуникации. В данном случае, Кевин

Кармайкл описывает деятельность Дональда Трампа метафорическим образом через образ оскорбления путем грубого тактильного контакта.

Контекст из статьи Эллен Барри:

56) *“If she is drunk on top of that, she will provoke him even more,” he said. “If she is actively inviting contact, and then is surprised that this contact ends with a rape, she is all the more at fault.* [Barry, 2011]

«Если она еще и напьется, то еще больше его спровоцирует», – сказал он. Если женщина активно привлекает мужчину к общению, а потом удивляется, что оно заканчивается изнасилованием, то на ней лежит большая вина».

Сексуальное насилие подразумевает наличие тактильного контакта без обоюдного согласия. Соответственно, использование такемы *a rare* как части цитаты подчеркивает важность соблюдения традиционных норм поведения женщины, так как их нарушение детерминирует проявление насилия со стороны мужчины. Поскольку мы выявили наличие проксем, хронем, сенсем, кинем и такем в статьях как Дэна Билефски, так и Эллен Барри, следующей методологической процедурой стало установление различия в их количественных значениях. Полученные в результате количественного анализа данные представлены на рис. 1 и 2.

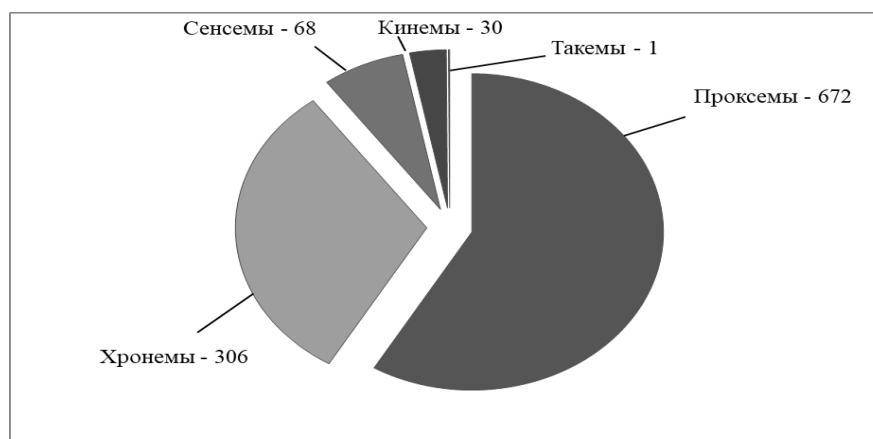

Рис. 1. Количественные показатели маркеров невербальной коммуникации в статьях Дэна Билефски, журналиста газеты The New York Times

Fig. 1. Quantitative indicators of markers of non-verbal communication in articles by Dan Bilefsky, journalist of “The New York Times”

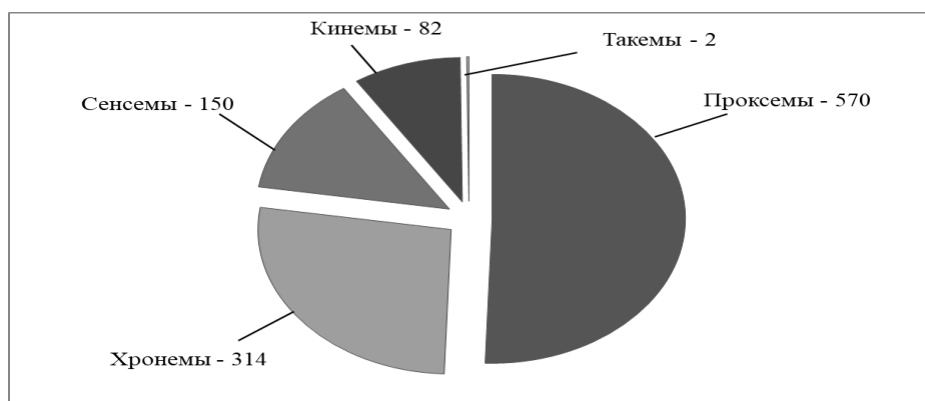

Рис. 2. Количественные показатели маркеров невербальной коммуникации в статьях Эллен Барри, журналистки газеты The New York Times

Fig. 2. Quantitative indicators of markers of non-verbal communication in articles by Ellen Barry, journalist of “The New York Times”

Как видим, наиболее частотным маркером невербальной коммуникации в статьях Дэна Билефски является проксема. Также, выявлено высокое число хронем. Сенсемы и кинемы употребляются с относительно средней частотой. Такемы являются низкочастотными номинантами. Как в публицистическом дискурсе Дэна Билефски, так и в публицистическом дискурсе Эллен Барри наиболее частотным маркером невербальной коммуникации является проксема, далее следует хронема. Как сенсема, так и кинема употребляются со средней частотой. Такема, как и у анализируемого журналиста, является низкочастотным номинантом в статьях Эллен Барри, что отражено на рис. 2.

Несмотря на то, что иерархия представленных маркеров у Дэна Билефски и Эллен Барри практически идентична, важно сопоставить их количественные показатели. Так, если в статьях Дэна Билефски зафиксировано использование 672 проксема, то у Эллен Барри – 570. Однако количество хронем имеет примерно одинаковое число – 306 в статьях рассматриваемого журналиста и 314 – в статьях журналистки. В случае с сенсемами нами выявлено употребление большего их количества в статьях журналистки (150 номинантов), нежели у журналиста (68 номинантов).

При сопоставлении количества кинем в статьях Эллен Барри насчитывается 82 номинанта, тогда как в статьях Дэна Билефски – всего 30. Низкочастотными маркерами невербальной коммуникации являются такемы – мы зафиксировали использование 2 такем в статьях Эллен Барри и 1 такемы в статье Дэна Билефски.

Таким образом, в публицистическом дискурсе Дэна Билефски чаще используются проксема, а у Эллен Барри – сенсемы и кинемы. Частота использования хронем и такем имеет незначительную разницу. Полученные результаты показывают основные отличия употребления маркеров невербального кода в мужском публицистическом дискурсе и в женском публицистическом дискурсе.

Список источников

- Barry E. 2011. A Dress Code For Russians? Priest Chides Skimpiness. The New York Times, Jan. 18, 2011. Available at: <https://www.nytimes.com/2011/01/19/world/europe/19russia.html> (accessed: 04.09.2021)
- Barry E. 2014. Matriarchs' Duel for Power Threatens to Tilt Bangladesh Off Balance. The New York Times, Jan. 11, 2014. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/01/12/world/asia/matriarchs-duel-for-power-threatens-to-tilt-bangladesh-off-balance.html> (accessed: 04.09.2021).
- Barry E. 2017. India's 'Phone Romeos' Look for Ms. Right via Wrong Numbers. The New York Times, March 24, 2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/03/22/world/asia/indias-phone-romeos-look-for-the-right-one-through-wrong-numbers.html> (accessed: 04.09.2021).
- Barry E. 2018. In Sweden's Preschools, Boys Learn to Dance and Girls Learn to Yell Numbers. The New York Times, March 24, 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/24/world/europe/sweden-gender-neutral-preschools.html> (accessed: 04.09.2021).
- Bilefsky D. 2005. Migration's Flip Side: One Big Empty Nest. The New York Times, Dec. 12, 2005. Available at: <https://www.nytimes.com/2005/12/12/world/europe/migrations-flip-side-one-big-empty-nest.html> (accessed: 04.09.2021).
- Bilefsky D. 2006. Polygamy Fosters Culture Clashes (and Regrets) in Turkey. The New York Times, July 10, 2006. Available at: <https://www.nytimes.com/2006/07/10/world/europe/10turkey.html> (accessed: 04.09.2021).
- Bilefsky D. 2010. Women's Influence Grows in Bulgarian Public Life. The New York Times, Feb. 7, 2010. Available at: <https://www.nytimes.com/2010/02/08/world/europe/08iht-bulgwomen.html> (accessed: 04.09.2021).
- Bilefsky D. 2014. E.U. Labor Market Opens for Romanians and Bulgarians. The New York Times, Jan. 1, 2014. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/01/02/world/europe/european-labor-market-opens-for-romanians-and-bulgarians.html> (дата обращения 04.09.2021).

Bilefsky D. 2018. Canadians Greet Bombardier Decision With Pride and a Little Snark. The New York Times, Jan. 11, 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/01/27/world/americas/canada-bombardier-trump.html> (accessed: 04.09.2021).

Список литературы

- Абишева В.Т., Мадетхан Р.С. 2018. К вопросу о коммуникативных и когнитивных аспектах публицистического дискурса. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. JOURNALISM Series, 4 (125): 19–24. DOI: 10.32523/2616-7174-2018-125-4-19-24
- Алефиренко Н.Ф. 2009. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии. М., Флинта, 344 с.
- Алиева Д.А., Оналбаева А.Т. 2019. Отражение лингвокультуры казахов в проксемике. Вестник Казахстанско-Британского технического университета, 3 (50): 437–442.
- Даниленко И.А. 2016. Репрезентанты невербального кода коммуникации в номинативном поле концепта. Международный журнал экспериментального образования, (4-2): 327–330.
- Кузьминых Ю.А., Огнева Е.А. 2013. Репрезентация проксем в когнитивно-дискурсивном контуре художественного текста. Современные проблемы науки и образования, (3): 383. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2013/3/400.pdf> (дата обращения: 04.09.2021).
- Луцинская О.В. 2019. Дискурс конвергентных средств массовой коммуникации как разновидность медийного дискурса. В кн.: Журналистика - 2019: стан, праблемы і перспектывы, Матэрыялы 21 медународнай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 14–15 ліст. 2019 г. Пад рэд. В.А. Самусевіч. Мінск, БДУ: 440–444.
- Огнева Е.А. 2013. Темпоральная архитектура концептосферы художественного текста. В кн.: Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка. Под ред. А.Г. Бердниковой. Новосибирск, СибАК: 138–155.
- Огнева Е.А., Даниленко И.А. 2021. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. М., Эдитус, 208 с.
- Berger A.A. 2016. A Discourse on Discourse Studies. Society, 53 (6), 597–602. DOI: 10.1007/s12115-016-0071-z
- Burgoon J.K., Guerrero L.K., Floyd K. 2016. Nonverbal communication. Taylor and Francis, 509 p. DOI:10.4324/9781315663425
- Harrison R.P. 1989. Nonverbal communication. In: Human Communication as a Field of Study: Selected Contemporary Views. Ed. S.S. King. State University of New York: 113-126.
- Knapp M.L., Hall J.A., Horgan T.G. 2013. Nonverbal communication in human interaction. Boston, MA: Cengage Learning, 528 p.
- Ezaka S., Emechebe N.C. 2018. Nonverbal and Subliminal Communications in Media Convergence: A Perspective. IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS), 23 (7): 9–16. DOI: 10.9790/0837-2307010916
- O’Keeffe A. 2011. Media and Discourse Analysis. In: The Routledge Handbook of Discourse Analysis. Eds. J. Gee, M. Handford. London, Publ. Routledge: 441–454.
- Tiechuan M. 2016. A Study on Nonverbal Communication in Cross-culture. Asian Journal of Humanities and Social Sciences (AJHSS), 4 (1): 1-6. Available at: <http://ajhss.org/pdfs/Vol4Issue1/1.pdf> (accessed: 04.09.2021).
- Watson O.M. 2019. Proxemics as non-verbal communication. In: Man, Language and Society: Contributions to the Sociology of Language. Ed. S.K. Ghosh. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton: 224–231. DOI: 10.1515/9783110905281-015
- Yarlott W.V., Cornelio C., Gao T., Finlayson M. 2018. Identifying the Discourse Function of News Article Paragraphs. In: Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News 2018., Santa Fe, New Mexico, USA: 25–33.

References

- Abisheva V.T., Madetkhan R.S. 2018. To The Question of Communicative and Cognitive Aspects of Publicistic Discourse. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. JOURNALISM Series, 4 (125): 19–24 (in Kazakhstan). DOI: 10.32523/2616-7174-2018-125-4-19-24

- Alefirenko N.F. 2009. «Zhivoe» slovo: problemy funktsional'noy leksikologii ["Live" word: problems of functional lexicology]. M., Publ. Flinta, 344 p.
- Alieva D.A., Onalbaeva A.T. 2019. Reflection of the linguistic culture of kazakh in proxemics. Қазақстан-британ техникәлік университетінің хабаршысы, 3 (50): 437–442 (in Russia).
- Danilenko I.A. 2016. Representants of non-verbal communication code within the nominative field of a concept. Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya, (4-2): 327–330.
- Kuz'minykh Yu.A., Ogneva E.A. 2013. Representation of proxemics in the cognitive-discursive pattern of Fiction. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, (3): 383. Available at: <https://s.science-education.ru/pdf/2013/3/400.pdf> (accessed: 04.09.2021).
- Lushchinskaya O.V. 2019. Discourse of convergent mass media as a kind of media discourse. In: Zhurnalistyka - 2019: stan, problemy i perspektivy [Journalism - 2019: camp, problems and prospects]. Materyaly 21 medunarodnay navukova-praktychnay kanferentsyi, Minsk, 14–15 list. 2019 g. Ed. V.A. Samusevich. Minsk, Publ. BDU: 440–444.
- Ogneva E.A. 2013. Temporal'naya arkhitektonika kontseptosfery khudozhestvennogo teksta [Temporal architectonics of the concept sphere of a literary text]. In: Prioritetnye napravleniya lingvisticheskikh issledovaniy: obshcheteoreticheskie, kognitivnye, kommunikativno-pragmaticheskie i funktsional'no-grammaticheskie aspekty yazyka [Priority areas of linguistic research: general theoretical, cognitive, communicative-pragmatic and functional-grammatical aspects of language]. Ed. A.G. Berdnikova. Novosibirsk, Publ. SibAK: 138–155.
- Ogneva E.A., Danilenko I.A. 2021. Dual'nost' khudozhestvennogo kontsepta kak tekstovyy informativnyy kod [Artistic concept duality as text informative code]. M., Publ. Editus, 208 p.
- Berger A.A. 2016. A Discourse on Discourse Studies. Society, 53 (6), 597–602. DOI: 10.1007/s12115-016-0071-z
- Burgoon J.K., Guerrero L.K., Floyd K. 2016. Nonverbal communication. Taylor and Francis, 509 p. DOI: 10.4324/9781315663425
- Harrison R.P. 1989. Nonverbal communication. In: Human Communication As a Field of Study: Selected Contemporary Views. Ed. S.S. King. State University of New York: 113–126.
- Knapp M.L., Hall J.A., Horgan T.G. 2013. Nonverbal communication in human interaction. Boston, MA: Cengage Learning, 528 p.
- Ezaka S., Emechebe N.C. 2018. Nonverbal and Subliminal Communications in Media Convergence: A Perspective. IOSR Journal of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS), 23 (7): 9–16. DOI: 10.9790/0837-2307010916
- O'Keeffe A. 2011. Media and Discourse Analysis. In: The Routledge Handbook of Discourse Analysis. Eds. J. Gee, M. Handford. London, Publ. Routledge: 441–454.
- M. 2016. A Study on Nonverbal Communication in Cross-culture. Asian Journal of Humanities and Social Sciences (AJHSS), 4 (1): 1–6. Available at: <http://ajhss.org/pdfs/Vol4Issue1/1.pdf> (accessed: 04.09.2021).
- Watson O.M. 2019. Proxemics as non-verbal communication. In: Man, Language and Society: Contributions to the Sociology of Language. Ed. S.K. Ghosh. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton: 224–231. DOI: 10.1515/9783110905281-015
- Yarlott W.V., Cornelio C., Gao T., Finlayson M. 2018. Identifying the Discourse Function of News Article Paragraphs. In: Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News 2018., Santa Fe, New Mexico, USA: 25–33.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of Interest: No potential conflict of interest reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Трофимова Наталия Алексеевна, магистр, аспирант кафедры иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Natalia A. Trofimova, master, postgraduate student of the Department of Foreign Languages, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК: 811.111

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-166-174

Мифолексемы английского языка в диахроническом аспекте

Шевченко Е.М., Кучмистый В.А., Цыбуля Н.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: shevchenko_em@bsu.edu.ru, kuchmistryy@bsu.edu.ru, tsybulya@bsu.edu.ru

Аннотация. Архитические знания и представления человечества об окружающей действительности репрезентируются на языковом уровне в виде лексем. Целью данной статьи является изучение структурно-семантических и функциональных особенностей английских мифолексем в диахроническом аспекте, а также рассмотрение словообразовательного потенциала мифолексем как производных единиц. Объектом исследования являются мифолексемы, которые являются результатом лексикализации мифологического символизма. Лексические единицы, обозначающие мифические существа, называются мифолексемами или мифонимами, они, как и лексические единицы, выполняют номинативную, сигнификативную функции, отличаясь синкретизмом, то есть «нерасчлененностью» сущности и ее наименования. Мы полагаем возможным дифференцировать значения слов с общей архисемой «сказочное существо» с помощью применения метода оппозиций, основанного на выделении привативной, эквиполентной и градуальной оппозиций.

Ключевые слова: категоризация, мифолексема, сема, мифоним, лексикализация

Для цитирования: Шевченко Е.М., Кучмистый В.А., Цыбуля Н.С. 2022. Мифолексемы английского языка в диахроническом аспекте. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 166–174. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-166-174

English Mytholexemes in a Diachronic Aspect

Elena M. Shevchenko, Vladislav A. Kuchmistryy, Nikolai S. Tsybulya

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia,

E-mail: shevchenko_em@bsu.edu.ru, kuchmistryy@bsu.edu.ru, tsybulya@bsu.edu.ru

Abstract. Archetypal knowledge and ideas of humanity about the surrounding reality are represented at the linguistic level in the form of lexemes. The object of research of this article is mytholexemes, which are the result of lexicalization of mythological symbolism. Lexical units that denote mythical creatures are called mytholexemes or mythonyms, they, like lexical units, perform a nominative, significative function, differing in syncretism, that is the non-separability of the entity and its name. We believe that it is possible to differentiate the meanings of words with the general archiseme "fairy-tale creature" by applying the method of oppositions based on the allocation of privative, equipolent and graded oppositions. The purpose of this article is to study the structural, semantic and functional features of English mytholexemes in the diachronic aspect, as well as to consider the word-forming potential of mytholexemes as derived units.

Key words: categorization, mytholexeme, seme, mythonym, lexicalization

For citation: Shevchenko E.M., Kuchmistryy V.A., Tsybulya N.S. 2022. English Mytholexemes in a Diachronic Aspect. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 166–174 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-166-174

Введение

Одним из способов концептуализации окружающей действительности является миф, в котором представлены древнейшие дохристианские представления о мире, его устройстве и законах. Глядя на сверкающие сполохи молнии, содрогаясь раскатам грома, человек наделял силы природы магическими характеристиками, персонифицируя окружающие его явления и приписывая им антропоморфные характеристики. По выражению Масловой В.А., миф являет «такие создания коллективной фантазии, в которых мир предстаёт в виде конкретно-чувственных вымышленных существ, но которые мыслятся первобытным сознанием как вполне реальные» [Маслова, 1997]. Лексические единицы, обозначающие мифические существа называются *мифолексемами* или *мифонимами*, они, как и лексические единицы выполняют номинативную, сигнификативную функцию, отличаясь синкретизмом, то есть «нерачленностью» сущности и ее наименования. Древние верили в сакральную силу слова, поэтому лексика, номинирующая область сверхъестественного, являлась табуированной, так как прямая номинация могла привлечь сущности. В связи с чем спецификой мифолексем является дескриптивность и символизм. Мифологический символизм в дальнейшем облекается в форму слова, что приводит к *лексикализации* мифов [Кошарная, 2002, с. 91] и формированию мифонимов, в которых конденсируются древнейшие архитипы и представления об окружающем мире. Дохристианские мифические сюжеты, тотемы находят свое продолжение в фольклоре в виде различных сказочных персонажей-животных, пантеоне различных сущностей, населяющих леса, поля, дома, бани – в сказочном ономастике. Мифонимы, являясь лексическими единицами, передают «базовые квалификативные концепты, которые формируются как часть социального, индивидуального и языкового опыта в результате анализа и синтеза различной деятельности» [Чекулай, Прохорова, 2009, с. 24]. Важно отметить, мифолексем обладают ярко выраженным национально-культурным своеобразием, поскольку аккумулируют культурно-исторические особенности определенного этноса. Очевидно, что денотат мифолексем, не являясь предметом окружающей действительности, конденсирует типовые признаки сакральных объектов, номинированных мифолексемами. Мы полагаем, что сигнификат мифонимов мотивирован в диахроническом аспекте, поскольку содержит образ, связанный с референтом.

Мифоним, являясь конденсатом древнейших этнических архитипов, отражает языковую картину народа, в силу чего объект исследования – мифолексем в народных сказках. Под мифонимами мы понимаем лексем, номинирующие фольклорные персонажи с архитипической семьей «сказочное существо».

Целью исследования является изучение структурно-семантических и функциональных особенностей английских мифолексем в диахроническом аспекте, а также рассмотрение словообразовательного потенциала мифолексем как производных единиц.

В качестве базовых методов исследования мы опираемся на этимологический, компонентный, дефиниционный, словообразовательный, лингвокультурологический, сравнительный анализы лексем, номинирующих сказочных персонажей, а также оппозиционный метод. В рамках данного исследования мы рассматриваем мифонимы на материале фольклорных произведений, полагая вслед за такими исследователями как В.Я. Пропп, С.А. Кошарная, что сказка восходит к мифу как более древнему источнику. Фактическим материалом нашего исследования послужили сказки, размещенные в свободном доступе из сборника *English Fairy Tales by Joseph Jacobs*, который был издан президентом английского фольклорного общества в 1890 году.

Результаты и их обсуждение

Англоязычная мифологическая картина мира пестрит крошечными, изящными созданиями, которые населяют леса, поля, луга, сказочных мир которых полон тайн и загадок, что возбуждало творческое воображение многих писателей и послужило источником

для создания таких литературных произведений как *Lord of the Rings* by R. Tolkin, *The Coming of the Fairies* by A. Conan Doyle. В рамках данной работы объектом исследования стала репрезентация мифонимов в фольклорной традиции. Лексема *fairy tale* апеллирует к мифолексеме *fairy*: 1) фея; волшебница; эльф (маленькое существо, наделённое волшебной силой – в зависимости от стихии и культуры называются по-разному – гномы, сирены и пр.) [АВВУ Lingvo, 2008]. С целью выявления наиболее полных содержательных характеристик мифолексем проанализируем основные словарные статьи, в которых представлены дефиниции лексем, репрезентирующих мифонимы в англоязычных сказках. Мы полагаем возможным дифференцировать значения слов с общей архисемой «сказочное существо» с помощью применения метода оппозиций, основанного на выделении привативной, эквиполентной и градуальной оппозиций.

Этимологические исследования свидетельствуют о том, что мифолексема *fairy*, очевидно, восходит к индоевропейской основе *bha-* (2) "to speak, tell, say", от которой произошло латинское слово *fata* "destiny, fate," а с ней связана лексема *fae* "fay" и старофранцузская лексема XII века *faerie* "land of fairies, meeting of fairies; enchantment, magic, witchcraft, sorcery", английская лексема *fairie* датируется XIII веком и означает, "the country or home of supernatural or legendary creatures; fairyland," also "something incredible or fictitious" [Online Etymology..., 2001–2019].

Экспрессивная коннотация мифолексем объясняет их семантическую деривацию, поскольку в словарях они идут с пометой: «переносно о человеке». В результате номинативных процессов мифолексема *fairy* обрела переносные значения: «изящная женщина маленького роста, худенький ребёнок», «волшебный, сказочный, магический». Производными лексемами с компонентом *fairy* стали: *fairy images* – волшебные образы, *fairy isles* – сказочные острова, *fairy-like* «похожий на фею; изящный, прозрачный, тонкий» [АВВУ Lingvo, 2008].

Образ прекрасной легкой феи неоднозначен в англоязычной культуре, с одной стороны, это некое доброе волшебное создание, а с другой, это не такое безобидное создание, которое в сказке "*Baker's daughter*" вершит правосудие, превращаясь в нищую старуху:

Eg., Once *a fairy* entered a baker's shop. *She was dressed in rags as a poor woman, her clothing tattered, and she begged for a morsel of bread dough.* The baker's daughter gave her a tiny morsel and the old woman asked that she be allowed to place it in the oven... [Fairy Tale Channel, 2021]. Обнаружив жадность злобной девушки, фея наказывает человеческие пороки, превратив девушку в сову:

Eg., The foolish, greedy maid became fearful and with large round eyes gazed upon *the old woman, who had thrown off her robe and stood tall and beaming.* The girl stammered "How, who, who...". "Whoo- whooo" will be the only thing you ever utter again," *the fairy* said. "The world has borne your selfishness and greed long enough." And she raised her wand and touched the maid who now was transformed into an owl, flying out into the night with a "whoo-whooo"[Fairy Tale Channel, 2021].

Дефиниционный, этимологический и контекстуальный анализы показали, что мифолексема *fairy* содержит архисему «сказочное существо» и дифференцируется семами «крошечный рост», «легкость, воздушность». Семантика лексемы *fairy* основана на биполярных лингвокультурологических представлениях.

Известно, что выявление дифференциальных сем возможно в семантической структуре дефиниций лексем синонимического ряда. Учитывая тот факт, что большинство мифолексем носит антропоморфный характер, их сигнификат содержит архисему «сказочное существо», обратимся к выявлению дифференциальных сем синонимов *fairy*. Волшебная сила еще одной разновидности фей *pixie*, которая определяется как «озорное сказочное существо; с острыми ушами и в островерхой шляпе» [АВВУ Lingvo, 2008], оказывается роковой в сказке "*Fairy ointment*":

One night the nurse was woke up at midnight, and when she went downstairs, she saw *a strange squinny-eyed, little ugly old* fellow, who asked her to come to his wife who was too ill to mind her baby... Dame Goody knew that she had got into a house of *pixies*. But she said nothing to nobody, and as soon as the lady was well enough to mind the baby, she asked the old fellow to take her back home. So he came round to the door with *the coal-black horse with eyes of fire*, and off they went as fast as before, or perhaps a little faster, till they came to Dame Goody's cottage, where the squinny-eyed old fellow lifted her down and left her, thanking her civilly enough, and paying her more than she had ever been paid before for such service. ... "The ointment! The ointment!" cried the old pixy thief. "Take that for meddling with what don't concern you: you shall see me no more." And with that he struck her on her right eye, and she couldn't see him any more; and, what was worse, she was blind on the right side from that hour till the day of her death [Internet Sacred..., 2020].

Злобный гном наказывает няньку за ее чрезмерное любопытство, в сказке приводится не слишком приятное описание его внешности *a strange squinny-eyed, little ugly old*, его лошадь тоже носит inferнальный характер *the coal-black horse with eyes of fire*.

Дефиниционный, контекстуальный анализ позволяют дифференцировать *pixies* по семам «внешность», «предмет одежды» и градуальной оппозиционной семе «степень злости». В современном английском языке мифолексема *from PIXIE + -lated* легла в основу производных лексем *pixilated or pixillated chiefly* 1) eccentric or whimsical 2) slang drunk.

Эльфы считаются более юными существами по сравнению с феями и более злобными, следовательно, данная мифолексема дифференцируется по семам «возраст» и по градуальной оппозиционной семе «степень злости». Так, *elf – elves* имеет значение: 1) эльф Syn: *sprite* 2) карлик, гоблин, гном Syn: *dwarf , Pygmy* 3) шалун, проказник. Словарь Коллинза дает следующее определение лексеме *elf*: 1) (in folklore) one of a kind of legendary beings, usually characterized as small, manlike, and mischievous 2) a mischievous or whimsical child. Этимология восходит к древнеанглийской лексеме *ælf*, связанной с Old Norse *elfr* *elf*, средне нижненемецкой *alf incubus*, латинской основе, *albus white*. Производные лексемы *elflike, elfin* 1) of, relating to, or like an elf or elves 2) small, delicate, and charming [Collin's Dictionary, 2021].

Другим видом маленького народа являются мифолексема *dwarfs*, восходящая к древнеанглийским формам *dweorh, dweorg* (West Saxon), *duerg* (Mercian), которая означает "very short human being," и в свою очередь, коррелируют с протогерманской основой *dweraz*, которая имеет диалектные варианты: Old Frisian *dwerch*, Old Saxon *dweg*, Old High German *twerg*, German *Zwerg*, Old Norse *dvergr*. Вероятно, данные формы с индоевропейской формой *dhwergwhos*, которая означает: "something tiny" [Online Etymology..., 2001–2019]. Мифологические черты лексема обрела в XVIII веке в немецком языке. Сдвиг гуттурального согласного в конце слова в древнеанглийском на современный *-f* типичен для того синхронического пласта. Таким образом, древнеанглийская множественная форма *dweorgas* становится среднеанглийской *dwarrows*, а позднее трансформируется в *dwarfs*.

Дефиниционный анализ мифолексемы *dwarf* указывает на наличие дифференциальных сем «предмет одежды: остроконечная шляпа», «крошечный рост», градуальной оппозиционной семы «степень злости», поскольку лингвокультурологический анализ фольклорных текстов позволяет заключить, что отличительной чертой гномов является наличие красного колпака. Этот предмет одежды послужил мотивационной основой возникновения синонимичного мифонима *redcap*, внутренняя форма которого, основанная на метонимическом переносе, явно аппелирует к типичному предмету одежды гномов, что реализуется контекстуально в сказке *The Cauld Lad of Hilton* следующим образом:

Eg., But sometimes it would be in a good temper, and then! – 'What's a Brownie?' you say. Oh, it's a kind of a sort of *Bogle*, but it isn't so cruel as *a Redcap*!... [Internet Sacred..., 2020].

Лексема *cap* является продуктивной в номинации *fairy*. Так, к примеру, *Thrummy-cap* – обитатель погребов и подвалов, *Bluecap* – рудокоп, требующий оплату за свой труд,

Tommy-knockers – горные рудокопы, находящие богатые жилы и помогающие людям, *Redcap* – злобные обитатели замков [Ощепкова, Соловьева, 2019, с.144]. Очевидно, что мифонимы с интегральным компонентом сар дифференцируются по семам «среда обитания», «степень злости по отношению к человеку».

Еще одним синонимом мифолексемы *dwarf* является *gnome*, этимология которой восходит к трактату Парацельса, который номинировал *pigmaei* or *gnomi* простейших живых существ, вероятно, от греческого слова *genomos* – «обитатель земли». Словарные статьи определяют *gnome* как «маленькое создание, живущие на земле и работающие в шахтах в поисках золота, злобны и враждебны по отношению к людям». Широкое распространение *гномы* получают в начале XIX в. как номинация фольклорных персонажей швейцарских и немецких сказок в красных колпаках, кроме того, стали популярны фигурки *гномов* в качестве садово-паркового украшения.

Этимология лексемы *trolls* – «тролль, сказочное существо» восходит к Скандинавской мифологии и фольклору, от древнескандинавского *troll* "giant being not of the human race, evil spirit, monster." Некоторые полагают, что первоначально данная лексема означала «существо с неуклюжей походкой» и происходит от протогерманской основы *truzlan от *truzlanan. В шведском есть глагол *trolla* "to charm, bewitch;" Old Norse *trolldomr* "witchcraft" [Online Etymology..., 2001–2019].

Древние саги рассказывают о троллях-быках *troll-bull* – сверхъестественных существах в виде быка или кабана *boar-trolls*. Существовали *troll-maidens*, *troll-wives*, and *troll-women*. Изначально троллей рассматривали как расу злобных гигантов, которые жили в пещерах или под землей. В фольклоре считается, что они склонны к воровству. Таким образом, они дифференцируются семами «рост», «злобное отношение к человеку».

Еще один мифический персонаж, связанный с деньгами, известен в ирландском фольклоре – *leprechaun* как «эльф, который всегда носит кошелек с шиллингом» [АВВУУ Lingvo, 2008], что предполагает дифференциальную сему «наличие денежных средств».

Поскольку лексика подвержена семантическим и стилистическим изменениям в диахронии, мифонимам свойственны дублеты в языке, указывающие на их некогда общую этимологическую основу и особенности диалектов. Так, мифоним *kelpie* является дублетом *cowie*, что связано с диалектным распространением. Этимология данной лексемы возможно восходит к галльской лексеме *colpach* в значении "heifer, steer, colt;" *colpa* "cow, horse" [Online Etymology..., 2001–2019]. По шотландским народным поверьям *Kelpies* «келпи» – это злой дух, подстерегающий путешественников у рек, озёр в облики коня; когда путник садится на коня, устремляется в воду и топит его [Dictionaries and translators].

Необходимо отметить, что субстантивы с прибавлением уменьшительного суффикса *-ies* являются продуктивным типом мифолексем в английском языке: *brownies*, *dobbies*, *kelpies*, *caddies*, *silkies*, *cowies*, *dunnies*, *bogies*, *pigmies*, *pixies*, *nixies*. Анализ словарных статей и фактического материала показывает, что наиболее рекуррентной группой мифолексем являются существительные и субстантивы. Так, например, помощник в делах домашних номинируется *brownie* "an elf said to do helpful work at night, esp household chores" [Define Dictionary], являясь примером субстантивации прилагательного *brown*, видимо, на основе метафорического переноса, связанного с окрасом шерсти.

Eg., At Hilton Hall, long years ago, there lived a Brownie that was the *contrariest* Brownie you ever knew. At night, after the servants had gone to bed, it would *turn everything topsyturvy, put sugar in the salt cellars, pepper into the beer, and was up to all kinds of pranks*. It would *throw the chairs down, put tables on their backs, rake out fires, and do as much mischief* as could be. ... Brownie at Hilton Hall would play at mischief, but if *the servants laid out for it a bowl of cream, or a knuckle cake spread with honey, it would clear away things for them, and make everything tidy in the kitchen* [Internet Sacred..., 2020].

В самом названии сказки *The Cauld Lad of Hilton* дословно «холодный парень из Хилтона» (Домовой из Хилтона) содержит эпитет-намека «мерзляк», апеллирующий к сакральной информации английского народа о том, чтобы уволить брауни, ему надо подарить что-то добротное, прочное. В сказке он получает в подарок плащ с капюшоном из лучшего зеленого сукна и исчезает. В результате номинативных процессов мифолексема *brownie* в современном лексиконе обрела переносные значения: «шоколадный торт с орехами», «младшая девочка-скаут».

Поскольку употребление мифонимов широко распространено в устной форме, их характерной чертой является вариативность, как, например, с лексемой *barghest*, которая может быть представлена следующими графическими вариантами: *bargaist*, *bargest*, *barguest*, номинируя дальнего родственника хобгоблинов. Близкородственной мифолексемой является *boggart*, которая в среднеанглийском диалекте символизирует: a ghost or poltergeist. Этимология слова возможно связана с bog как одним из вариантов bug плюс суффикс –ard. Следующая сказка иллюстрирует проделки боггарда, актуализируя лингвокультурные смыслы данной лексемы:

Eg., In the house of an honest farmer in Yorkshire, named George Gilbertson, a *Boggart* had taken up his abode. He here *caused a good deal of annoyance*, especially by *tormenting the children* in various ways. Sometimes their *bread and butter would be snatched away*, or their *pot-ringers of bread and milk be capsized by an invisible hand*; for the Boggart never let himself be seen; at other times the curtains of their beds would be shaken backwards and forwards, or a *heavy weight would press on and nearly suffocate them*. The parents had often, on hearing their cries, to fly to their aid [Internet Sacred..., 2020].

Мифолексема *goblin* датируется XIV в. в значении «злое существо» от северо французского, которое в хронике Ордерика Виталиса XII номинируются Гобелин и связан с областью Эвре, его происхождение неясно. Полагают, что он связан с германским домовым kobold, именем которого впоследствии назвали металл кобольд, который затруднял выплавку меди, отличаясь «вредным характером». Интересно отметить, что рассматривая мифолексема легла в основу номинации золотой монеты – соверена в английском языке *Jimmy o'Goblin*.

Eg., Three hundred golden sovereigns - that's what he turned it into. Three hundred round *golden jimmy o' goblins*. – Алексис разменял бумажные деньги и взамен получил триста соверенов. Триста круглых золотых монет [АВВУУ Lingvo, 2008].

Этимологический анализ мифолексемы hobgoblin свидетельствует о том, что она восходит к 1520s, при этом hob, идущее от from Hobbe, означает "elf," являясь вариантом Rob – сокращение Robin Goodfellow, который является эльфом elf в германском фольклоре + goblin. Вариантом мифонима *hobgoblin* является *finoderi*, обитающий только на острове Мэн и способный помочь на сенокосе и жатве в непогоду.

Мифологическая картина мира постоянно развивается в диахроническом аспекте, постоянно пополняясь новыми мифемами, связанными с возникающими реалиями научно-технического прогресса, так, появилась лексема *gremlin* – «крошечное существо, которое ломает технику». По одной из версий происхождения gremlin, словообразовательной основой данной лексемы послужила диалектная форма глагола gremman "to anger, vex" + the -lin of goblin, другая версия связывает gremlin с ирландской основой gruaimin "bad-tempered little fellow." Во всяком случае, эти злобные существа современного фольклора были популяризированы Артуром Хейли в «Аэропорте».

Гоблины, гномы, гремлины, относящиеся к существам темного мира, дифференцируются «враждебным настроением по отношению к человеку», данные мифонимы объединены архисемой «существо», общей интегральной семой «отношение к человеку» и дифференциальной семой «рост», поскольку данная величина у них отличается.

Великобритания является морской державой, что, безусловно, нашло свое отражение в мифонимах английского языка. Анализ синонимического ряда в номинации водных

сущностей: *mermaid* - «русалка, наяда, сирена и другие» позволил выявить дифференцирующую сему «среда обитания»: море, река, озеро, лесные чащи. Рассмотрим следующие номинации данных мифолексем: *nixies* – русалка, *water nymph* – «русалка; наяда», *naiad* – наяда, нимфа реки, ручья или озера, *siren* – сирена является мифической полуптицей-полуженщиной, обитающей на морских скалах и своим сладкоголосым пением привлекающая мореплавателей в гиблые места, что в некоторой степени коррелирует со славянскими мифическими представлениями о птице *сирин*. Лексема *Seiren* по-гречески означает «лживая женщина», возможно, буквально "связывающая, запутывающая", от *seira* «шнур, веревка», упоминание есть в «Одиссее».

Этимология мифолексемы *mermaid* восходит к середине XIV века *mermayde*, что означает «морская дева» от среднеанглийского "sea, lake" (*mere*+ *maid*). В древнеанглийском существовали эквивалентны лексемы, дифференцируясь по гендерному признаку: *merewif* "water-witch", *meremenn* "mermaid, siren." В северной Европе были представления о бесхвостых русалках; рыбная форма возникла как результат средневекового влияния классических сирен. Интересно отметить, что русалка стала излюбленным знаком харчевен и трактиров, начиная с XV века. Существовало блюдо «русалочий пирог», которым называли молочного поросенка, запеченного целиком.

Еще одна синонимичная лексема *naiad* – «наяда» символизирует «водную нимфу», имеющую латинское происхождение XVI в. *Nais, Naias* (genitive *naiadis*), которая восходит к греческой основе *Naias* (plural *Naiades*) – «речная нимфа» от глагола *naiein* "to flow," связанного с протоиндоевропейской основой **naw-uo-* суффиксальной формой от *(s)*nau-* "to swim, flow, let flow" (от протоиндоевропейского корня **sna-*"to swim"). Греческий словообразовательный суффикс *-ad* указывает на собирательные существительные [Online Etymology..., 2001–2019].

Этимология мифолексемы *Nereid* – «морская нимфа» связана с именем древнегреческого бога моря *Nereus*, чье имя указывает на жидкость *naros* "flowing, liquid, I flow". Сходное происхождение содержит мифоним *Oceanid* – «водная нимфа» от имени морского царя *Oceanus* согласно греческой мифологии.

Словарь Merriam Webster определяет мифолексему *nymph* как «богиню гор, лесов, лугов и воды». Лексема восходит к древне французской основе *nimphe* (XIII с.), которая заимствована из латыни *nympha* в значении "нимфа, полубогиня; невеста, любовница, молодая женщина" на основе греческих корней *nymphē* «невеста, молодая жена», позднее «красивая молодая женщина». Лексема связана с латинским глаголом *nubere* "to marry, wed". Sub-groups include dryads, hamadryads, naiads, nereids, and oreads. Sense in English of "young woman, girl" is attested from 1580s. Meaning "insect stage between larva and adult" is recorded from 1570s. Related: *Nymphal*; *nymphēan* [Merriam-Webster..., 2021].

В современном английском языке в результате процессов вторичной номинации мифолексема *nymph* обрела переносные значения: 1. a beautiful or graceful young woman; 2. a maiden; 3. the young of an insect that undergoes incomplete metamorphosis.

Мифические морские обитатели по преданиям многих северных народов способны обращаться в людей как, например, персонажи шотландских, исландских сказок *selkie* – девы-тюлени, этимология которых связана с шотландской лексемой *seolh* – «тюлень» [Sensagent-Dictionary, 2014]. В сказках многих народов мира, в том числе и в английской лингвокультуре, сохранилась мифолексема с зооморфным компонентом «wolf» - *werewolf*, что значит «оборотень». Этимология данной лексемы восходит к поздне древнеанглийскому периоду *werewolf* "person with the power to turn into a wolf," from *wer* "man, male person" (от протоиндоевропейской основы root **wi-ro-* "man") + *wulf* wolf. Представления о существовании этих мифических существ были широко распространены в Средневековье. Сходным образом образуются лексемы в среднедатском *weerwolf*, верхнегерманском *werwolf*, шведском *varulf*. Интересно отметить, что в древнеперсидском календаре восьмой месяц (октябрь-ноябрь) назывался *Varkazana-*, что переводится как «месяц оборотня» [Online Etymology..., 2001–2019].

Заклучение

Дефиниционный, этимологический и контекстуальный анализы показали, что рассмотренные мифонимы носят антропонимический характер, их сигнификат содержит архисему «сказочное существо». Поскольку выявление дифференциальных сем возможно в семантической структуре синонимического ряда, мы рассмотрели некоторые синонимы лексемы *fairytale*, определив, что данная группа дифференцируется семами «крошечный рост», «легкость, воздушность», «предмет одежды», «наличие денежных средств», а также градуальной оппозиционной семой «степень злости по отношению к человеку». В структурном плане значимую роль в словообразовании мифонимов играют суффиксы. Субстантивы с прибавлением уменьшительного суффикса *-ies* являются продуктивным типом мифолексем в английском языке: *brownies, dobbies, kelpies, caddies, silkies, cowies, dunnies, bogies, pigmies, pixies, nixies*.

Очевидно, что результатом лексикализации мифа являются мифолексемы, которые концентрируют древние архитипические представления народа, характеризуясь глубоким символизмом, что наделяет их ярким образным потенциалом для номинации современных реалий. Изучение мифолексем представляет интерес как в диахроническом аспекте, поскольку они аккумулируют древние сакральные знания, высвечивая особенности мифологической картины мира того или иного этноса, а также в качестве продуктивного источника деривации как производные единицы.

Список источников

- ABBY Lingvo CD' 12: dictionary. 2008. ABBY Software. 1 CD-ROM
Collins Dictionary. 2021. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 24.01. 2021).
Dictionary. 2021. Available at: <http://www.dictionary.com/> (accessed: 24.01. 2021).
Fairytale Channel. 2021. Available at: <http://www.fairytalechannel.com/2013> (accessed: 24.01. 2021).
Internet Sacred Text Archive. 2020. Available at: <http://www.sacred-texts.com/> (accessed: 24.01. 2021).
Merriam-Webster Dictionary. 2021. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 24.01. 2021).
Online Etymology Dictionary. 2001-2019. Available at: <http://www.etymonline.com/> (accessed: 24.01. 2021).
Sensagent-Dictionary. 2014. Available at: <http://dictionary.sensagent.com/> (accessed: 24.01. 2021).

Список литературы

- Кошарная С.А. 2002. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород, Изд-во Белгор. гос. ун-та, 287 с.
Маслова В.А. 1997. Предания старины глубокой в зеркале языка. Минск, Пейто, 124 с.
Ощепкова В.В., Соловьева Н.В. 2019. Особенности формирования ономастикона Британской народной сказки. Вестник Томского университета. Филология, 62: 135–148. DOI: 10.17223/19986645/62/9
Чекулай И.В., Прохорова О.Н. 2009. Принципы функционально-деятельностного подхода к описанию аксиологического подхода в языке и речи. Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки, 6(61), вып.3: 23–31.

References

- Kosharnaya S.A. 2002. Mif i yazyk: opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira [Myth and language: the experience of linguoculturological reconstruction of the Russian mythological picture of the world]. Belgorod, Publ. Izd-vo Belgor. gos. un-ta, 287 p.
Maslova V.A. 1997. Predaniya stariny glubokoy v zerkale yazyka [Traditions of antiquity deep in the mirror of the language]. Minsk, Publ. Peyto, 124 p.
Oshchepkova V.V., Solov'eva N.V. 2019. Features of the onomasticon formation in the British folk tale. Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya, 62: 135–148. DOI: 10.17223/19986645/62/9

Chekulaj I.V., Prohorova O.N. 2009. Principles of functional-and-activity approach to value categorization in language and speech. Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences, 6(61), Iss.3: 23–31 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of Interest: No potential conflict of interest reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Кучмистый Владислав Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Цыбуля Николай Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena M. Shevchenko, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Vladislav A. Kuchmistyy, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Vice-Rector for International Cooperation, Belgorod, Russia

Nikolay S. Tsybulya, PhD in Philology, Director of the Department of International Cooperation, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia